

МЕМ РОВИЧ -
ДАНСЕНКО

ПОД ГОРЯЧИМ
СОЛНЦЕМ

7 71

Вас. Ив. Жемировичъ-Дакченко

Подъ горячимъ солнцемъ

(Рассказы о Кавказъ)

1—Въ Даргомы. 2—Въ Туринъ на Черной-Ст. 3—Местные легенды
и Пещеры.

С-Петербургъ

Издание Л. Л. Соикина

Книжный Складъ Книжный магазинъ

Строгановъ № 12

Невск. № 60

Вас. Мв. Жемировичъ-Дакченко

РЕПРОДУКЦИЯ

Подъ горячимъ солнцемъ

(Разказы о Кавказѣ).

1—Въ Дагестанѣ. 2—Въ Туріи и на Чарохъ-Су. 3—Ухазское покорѣе
и Пещунда.

С-Петербургъ

Изданіе Л. Л. Сойкина

Книжный Складъ | Книжный Магазинъ
Стреланина, 12 | Ржевскій, 24

ՀԱՅՏՈՒՆԻ ԿՆՔՅՐԳՈՒ ՄՈՑ. ԶԵՐՈՒ, 1908 ՎՐԱ

5785-0

2007085408

ԻՐԱՆԻԱՆԻ Գ. Ի. ՍՈՒՐԵՆԻԱ ՄՈՑ. ԵՎԻՆՏՆԵՐԱՆ, 12.

I.
ВЪ ДАГЕСТАНЪ.

I.

Ночь въ горахъ. — Трагическій злодѣй Магомедъ-Оглы.

Пахнетъ съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ, а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаетъ сбѣдить за извивами ущелій, за гребнями горъ, за ихъ вершинами, то выступающими серебряными куполами на яркой синевѣ чистаго неба, то пропадающими вдали, чтобы, минуто спустя, опять замерещиться едва различаемыми контурами. Смотришь-смотришь, пока не сдѣлается больно, и долго идешь потомъ, закурясь...

Грохотъ ручьевъ справа и слева... Ручьи впереди, ручьи позади... Точно попалъ въ заволдованное царство текучей воды. Пенелокъ забудешь и неудобный ночлегъ въ горахъ, и недавнюю усталъ, и неудачи на охотѣ за маленькими баранами — турами.

Или во мнѣ совершенно вѣтъ инстинктовъ охотника, или я просто еще не усвоилъ себѣ всей прелести этой безмядной травли — не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подыналась цѣлить въ эти красивые силуэты горныхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамною долиною и ущеліемъ, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорить, что туръ по вѣтру не подуетъ къ себѣ никакого охот-

ника, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, бѣгъ «головою внизъ» бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги», — не знаю. Охотники — луны по принципу, натуралисты иѣють слабость вѣрить имъ, ну, и Господь съ ними... Вѣдь, рассказывалъ же мнѣ мой милѣйшій слугиникъ, Аду-Шива-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ пѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туронъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Немврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну, а теперь у васъ такихъ охотниковъ иѣтъ?

— Иѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходитъ на туронъ въ нашего аула. Остальнымъ и дѣла иѣтъ... Молодежь — та тоже портиться начинаетъ.. Недалеко время, когда горные ораи домашними курами станутъ, а мужи, вмѣсто женщинъ, дѣтей рожать начнутъ. А все урусъ!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде, — горячо заговорилъ онъ, — у насъ судился народъ по здату или шариату. Теперь русскіе своихъ судонъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулейманомъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ завивались они. Ну, а мальчикъ хорошей прови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана клинжаломъ. Что-жь-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму!

— А сколько лѣтъ убійцѣ?

— Тринадцатый только. Совѣшь напрасно пострадать, бѣдный!

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Значитъ такъ! Тоже советъ была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы—кровь за кровь; молодежь смѣлость и удаливость показать-бы могла... А теперь?... Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужья были, а теперь бабами стали. Чуть что—въ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ тайной, жену свою поймалъ въ кунацкой съ гостемъ. Что-жъ-бы ты думалъ?—съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома.—Убилъ онъ ихъ?... Нѣтъ—женѣ разводъ далъ, а на оболъстителя ея, соблазній сынъ, пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говорить, всѣ мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду наѣдешь жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, то и совѣтъ домою не вернемся!..

А ночь, дѣйствительно, вы пала на нашу долю плохая. Черною ночью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нечего было и думать нускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули-бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа тенѣла холодная игла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свѣтомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвиамъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый—снопъ золотыхъ искръ падали на черныя палы. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолотые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! Поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звезды въ ночныхъ небесахъ, разливая серебряный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; во мѣ одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба.

Внизу, облитая туманомъ, долина, какъ пропасть, легла. Только какой-то огонекъ на самомъ днѣ ея то вспыхнетъ, то замретъ...

— Костеръ тоже, — пояснилъ Магома. — Также луны ждутъ!

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ расщелинь ползетъ, растеетъ и клубится мглстая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяць поплазалъ за Шайтанъ-горю. Далеко впереди зазмѣнились извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде была однообразная фонъ, теперь легли отбѣнки ущелій и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонахъ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный аулъ, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся къверху башню минарета. Новый поворотъ дороги — и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на спазистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣзть почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что ноги сплошь насадали на лѣвые ноги, чуть дотрогиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черная пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственныя. Одни высѣчены троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися съюзу отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное население ихъ пещеръ развлекавало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенныя жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, шажъ обезлюдѣв-

пши аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали аловидце костры, разнося далеко за десятки верстъ смутный слухъ объ опасности осетинскаго набѣга.

Встала и зашла мѣсяцъ. Поблѣднѣли ярки звѣзды. Вершины зазѣли подь зарею.. А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подь заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огненная вершина Халга-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ пари этого пустышняго міра, сѣли подь зарею своими горными вѣщами утесы и свали въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огненными морями riskнулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подь блескомъ весеннего дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сивозъ ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надь тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблющейся мглы.

Прелестно начался этотъ веселый день, привѣтствовал насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на разлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось!—riskнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже приостановился.

— Убийствъ было много!

— Можетъ быть, ты и хороший человекъ, да урусь. У васъ у всѣхъ руни сильныи, да души воробьиныи. Развѣ мужу подобаетъ врови бояться? Развѣ не весело, когда другомъ зленигъ пашки и порохомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать винжалемъ. Вотъ тутъ незадолго случай былъ: изъ-за плети треста человекъ зарѣзанъ,

— Это же какъ? — невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плеть изалъ, да забылъ воротить се. Хозяинъ бругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ нечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла «веселая игра». Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрала... Было веселѣ..

Я невольно приостановилъ лошадей, чтобы на случай быть подаѣе отъ этого любителя «веселой игры».

Магома былъ человѣкъ совершенно искренній. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неустранимыхъ узденей Халжи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческа цѣнилась дешевле племени. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, живообразнымъ носомъ. Сѣдые космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетинистыхъ бровей неотступно смотритъ на васъ грозная очи недавняго мюрида, сотни разъ встрѣчавшій смерть и, навѣрное, неолускавшійся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ, и каждая врѣзана глубоко, точно остриемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатая руки. На конѣ сидитъ — точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюрида Магома, повѣствующій о престолахъ «веселой игры» и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ, — страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагическаго злодѣя», по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за плзуху, и на шею. Того же Магома, несмотри на все его величіе, ничуть не боялись аульная дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомомъ неизмѣнно потребуетъ отъ него сказки или забъ-лабы — истиннаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котатами!

Судите послѣ того о человѣкѣ. Тотъ-же Магома, ради моего, наприиѣръ, спокойствія, готовъ былъ сложить голову и непренно обидѣлся, когда я ему предложилъ вознагражденіе. А что я ему, спрашивается? Магома отличается милосердіемъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, наприиѣръ, если по дорогѣ полетѣт какой-нибудь жукъ, трагическій злодѣй непреиѣнно объѣдетъ его, чтобы не раздавить подъ копытами лошади. Если гдѣ-нибудь на проулочкѣ аула воеетъ паршивая, голодная собаченка, Магома ее подыметъ, принесетъ домой и накормитъ. Тотъ-же трагическій злодѣй Магома славится своею игрою на чунгурѣ (родъ балалайки съ стальными струнами), на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешневаго дерева. Магома сочинялъ сантиментальныя пѣсенки и зачастую плакалъ подъ звуки своей чунгуры. А про того-же сердобольнаго Магому рассказываютъ, наприиѣръ, такой случай. Давно какъ-то случилось ему быть на одной сходкѣ нѣхъ его аула. Нѣсколько человѣкъ позволили себѣ посиѣяться надъ нимъ и, между прочимъ, намекнули на то, что жену его, Айшу-Мамаатъ-Кизы, видѣли какъ-то съ его двоюроднымъ братомъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ историческій рогоносецъ Менелай засталъ прекрасную Елену съ Парисомъ. Магома зативилъ злобу. Онъ на сходкѣ нипому не отиѣнилъ ни слова, но, выѣхавъ изъ аула, притаился за первую попавшуюся по дорогѣ скалоу. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другимъ — онъ убилъ неосторожныхъ шутниковъ, вернувшись домой, зарѣзалъ Айшу и въ ту-же ночь покончилъ съ своимъ легкомысленнымъ кузеномъ. Десять лѣтъ послѣ того онъ скитался по Кайтагу, забрався и въ елисуи-ское султанство, — скитался больше по обычаю, чѣмъ избѣгая мести родственниковъ своихъ жертвъ. Наконецъ, во время «замиренія» ему удалось покончить съ «канлы» и вернуться домой. Тамъ не менѣе, неважно, что жизнь его виситъ на волоскѣ. Старая обида не забыта, и хотя Магома пречиталъ убитымъ молитву «фатиха» и уплачивалъ ихъ близкимъ деньги, ему все-таки добромъ не кон-

чить! Магома былъ «тоувадакити», т. е. принялъ присягу не пить объявляющихъ наветковъ.

Вотъ еще случай для характеристики Магомы—трагическаго злодѣя.

Къ нему, какъ къ аульному старшинѣ, прѣхалъ «нукеръ» отъ окружнаго начальника для взиманія штрафныхъ денегъ. Собрали на-споро всѣхъ властей, другого старшину Юсуна, аульнаго «крикуна» (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульный писарь—тоже горецъ. При этомъ, какъ и слѣдуетъ властямъ, заспорили, откуда начинать, съ южнаго или сѣвернаго конца аула. Старики, Магома и Юсуна, спорили истоно, важно. Со стороны можно было подумать, что дѣло идетъ о судьбахъ цѣлаго населенія, о чьей-нибудь жизни; наконецъ, писарь рѣшилъ перебрать горецевъ, подлежащихъ штрафу, съ середины.

По уличному переулочку, змінившемуся вокругъ безпорочно разбросанныхъ саклей, сборщики поднялись къ небольшой площадкѣ, на которой, у самой мечети съ круглымъ, съуживающимся вверху минаретомъ, стояла жалкая, убогая сакля перваго должника Курбанъ-оглы. Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— Съ твоего мужа слѣдуетъ три рубля!

Та только широко раскрыла глаза.

— Спаси васъ Аллахъ!.. Да у моего Курбанъ-оглы и денегъ такихъ никогда не было!.. За что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Мотивы своихъ рѣшеній окружныя начальники не объясняютъ и оправданій никакихъ не принимаютъ вовсе.

— Женщина, не говори лишняго!..

— Да сжалятесь-же надъ нами бѣдными, посмотрите, какъ мы живемъ!

Жили, дѣйствительно, ужасно.

Сакля вся состояла изъ мазаннаго глиной плетенаго короба. Въ одномъ отдѣленіи его стоялъ волъ и корова, въ другомъ жилъ несчастный Курбанъ-оглы. На его женѣ были лохмотья. Голый ребенокъ, какой-то жалкій, напуганный, словно дикій звѣрець, выглядывалъ изъ-за дверей и поминутно прятался въ душную тьму своего жилья.

— Что тут время терять!—вступился пухерь.—Гоните корову. Если через три дни не внесетъ штрафа, продадимъ въ городѣ!

Несчастная даже не протестовала. Она только опустила руки, какъ-то разомъ поникла и помертвѣла вся, точно все внутри у нея осыло, упало. Пока голодную коровенку выгоняли изъ хлѣва, слезы медленно струились по этому заострѣвшему лицу. Только когда корову выгнали, она разомъ рванулась къ ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

— Убить васъ хотите? Что вонъ тѣ малытки съѣдъ будутъ, они, вѣдь, только и живутъ молокомъ. Больше у насъ ничего нѣтъ... Маца, Ахмедъ!..

Изъ сакли робко показались мальчуганъ, за нимъ едва переступала на маленькихъ ножонкахъ крошечная дѣвочка.

— У насъ корову отнять хотите...—рыдала мать.—За одно и ихъ схороните, все равно съ голоду умрутъ!

Магома по привычкѣ, совершенно безсознательно, досталъ изъ пармана лабъ-лабы и проткнулъ горсть мальчицу. А на лицѣ сохранялось все то-же начальственное выраженіе, и сумрачныя очи такъ-же грозно смотрѣли изъ подъ-сбдыхъ, нависшихъ бровей.

— Вола можно взять!—зашептался пухерь.

— Волъ не ся. Волъ братиниъ!—замѣтилъ аульиый крикнуть.

— Не хорошо!..—вдругъ вырвалось у Магомада.

Всѣ въ изумленіи оглянулись на него.

— Не хорошо!.. Въ самомъ дѣлѣ умрутъ... Пшь ваніе мленькіе!

И жилистая рука легла на голову крошечной дѣвочки. Та даже присѣла отъ этой ласки.

— Намъ разсуждать нельзя, — объяснилъ пухерь, — вы посланы... веліно...

— Что такое говорите вы тамъ!—разгорячился Магома.—Кто васъ послалъ? Грабить хотите вы, что-ли? У бѣдныхъ дѣтей кормилницу отнимаете. Что они виноваты!

въ томъ, что отецъ ихъ Юсуфу дерзость сказать? Вино-
вца она, что-ли?

И Магомадъ подхватилъ дѣвочку, поднесъ ее къ са-
мому носу ни въ чемъ неповиннаго и до сихъ поръ мол-
чавшаго зувьяго крикуна — парня необычайно глупаго
вида. Букашка въ сильныхъ рукахъ Магомы распричалась.

— Что-же, ты за нее заплачешь, что-ли? — насмѣшливо
спросилъ нуверъ.

— И заплачу. Гони корову назадъ!

— Плати, если богатъ!

Но роли благодѣтельнаго Провидѣнія Магомадъ не могъ
выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатлѣнiе,
онъ разорался на бѣдную женщину. Та, впрочемъ, обра-
довалась и стала передъ нимъ, опустила голову, но уже съ
просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Чего ты тутъ! — кричалъ Магомадъ. — Что ты за хо-
лишка... Дѣти голодны... Не бьешь тебя мужъ, вѣрно!... Ишь
ты, тоже плакать умѣешь. Приведи дѣтей вечеромъ —
платье имъ дамъ да хлѣба вези своей Заза отсылать намъ!

И онъ опять зворалъ и затопалъ ногами.

Оказалось, что трагическiй азодѣй является постоянно
плательщикомъ за свой обѣднѣвшiй аулъ. Всѣ ему должны.
Недостача хлѣба, другая какая необходимость — сейчасъ
къ Магому, и онъ, сохраняя то-же суровое выраженiе
лица, поможетъ въ дѣйствительной нуждѣ. Да не такъ
поможетъ, какъ попогаетъ, на примѣръ, нашъ деревенскiй
мироѣдъ, заставляя должника работать на себя, идти къ
себѣ въ кабалу. Итъ, Магомадъ именно давалъ такъ,
чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Вотъ вамъ и трагическiй злодѣй Магомадъ-оглы!

II.

Кай-булагская щель. — Фел духана. — Ваба-яга —
костяная нога.

Горный пейзажъ какъ-то разомъ померкъ. Стало все
сумрачно, даже, пожалуй, грозно.

Представьте себѣ гору, которая треснула пополамъ. Щель, со стороны незамѣтная, блестятъ, какъ острое козла, когда тропинка поворачиваетъ прямо къ ней. Это даже не корридоръ, а просто трещина.

— Неужели дорога туда идетъ?

— Кай-булагская щель называется. Сказываютъ, давно тому назадъ, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда «наши» жили, какъ горные орлы, на всей своей волѣ, одинъ богатырь проѣзжалъ здѣсь. Десять дней и десять ночей на конѣ оставался, усталъ страшно, а тутъ вдругъ крутая гора передъ нимъ. Кму-то ничего, кони ему жалъ стало. Вынулъ онъ шапку и рубнулъ; съ тѣхъ поръ и явилась щель эта. Теперь такихъ богатырей нѣтъ!

По мѣрѣ приближенія къ трещинѣ, слышался грохотъ воды, точно сворачивавшей съ мѣста громадыя скалы.

— Что тамъ, потокъ?

— Хорошо, что дождя нѣтъ, а то не проѣхать-бы!

— Почему?

— А по всей щели, точно облако, вѣвѣнная вода бѣжитъ. Внизъ съ откосовъ ручьи стекаютъ, ну и вадуетъ, шалитъ. Разъ тутъ цѣлый джамаатъ нашъ сбросило, ни одинъ живъ не вышелъ. На серединѣ горы дождь ихъ захватилъ, ну, до выхода они и не успѣли добраться. Тѣмъ ужасно избито водой о скалы. Трудно узнать ихъ было. Сюда вотъ, въ эту долину, снесло. Съ тѣхъ поръ такъ и называемъ мы ее «мертвой».

Прямо у входа въ щель былъ духанъ. Плоская кровля его далеко выдавалась впередъ, образуя открытую галлерею. По столбикамъ, поддерживавшимъ выступъ крыши, ползли вверхъ виноградныя лозы, переплетаясь въ тысячи причудливыхъ арабесокъ. Сквозь эту зеленую сѣть ничего не было видно, за то когда, сойдя съ лошадей, мы вошли туда, какимъ чуднымъ уголкомъ показался намъ этотъ жалкій дагестанскій кабакъ! Сквозь виноградныя сѣти солнце играло на стѣнахъ дома изумруднымъ блескомъ. На полу, вездѣ, куда ни уходилъ взглядъ, колыхались и

взрагивали тѣни отъ этой поэтической арабески. Солнечные блики дожились и на наши лица, и на темный поверь, и на длинные цилиндрическія подушки. Даже на бурдюкахъ играло оно зеленоватымъ блескомъ. Не хотѣлось сдвинуться съ мѣста, — такъ хорошо и пріятно казалось здѣсь. Тѣмъ болѣе, что вдругъ духана ложилась сумрачная окрестность безплодныхъ горъ и каменныхъ скалъ.

— Чей это духанъ? Должно быть, какой-нибудь армянинъ выселился сюда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры или Казляра?

— Еврей дерзнуть... Горскій еврей... Бенлогу называется...

И сейчасъ-же вспомнилъ цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ, приведенныхъ тифлисскимъ ученымъ Иудов-Чернымъ объ этой оригинальной отрасли семитскаго племени, заброшенной на Кавказѣ еще во время перваго существованія храма іерусалимскаго. Полагаютъ, что это — потомки евреевъ, выселенныхъ сюда Салманасаромъ. Названный мною путешественникъ находилъ между ними имена, употреблявшіеся Израилемъ еще во время странствованія въ арабійской пустынѣ, при судяхъ и царяхъ, и несуществующія уже у другихъ евреевъ. Таковы, напримѣръ, мужскія: Мамра, Гамлингъ, Аминодавъ, Нахшонъ, Зальдогъ и женскія: Авигаль, Тунамить, Іемима, Юэль, Авишагъ и т. д. Вообще, только въ послѣднее время кавказскіе изслѣдователи пришли въ убѣжденію, что главный хребетъ, Карталинн и Кахетія некогда, еще ранѣе Салманасара, были обитаны какимъ-то семитскимъ племенемъ, не оставившемъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ до сихъ поръ хранятся слѣды этихъ аборигеновъ. Слѣдуи свидѣтельству Пфафа, по коренному осетинскому праву братъ еще недавно былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата; кромѣ законной жены, достаточные осетины держали наложницъ, дѣти отъ которыхъ назывались «кавказардами», отъ того, что они рождались въ ясляхъ —

все это учреждения чисто-семитскія. Наружность, жесты, говоръ осетинъ напоминаютъ евреевъ, обряды погребеній и жертвоприношеній во многомъ сходились съ древне-еврейскими. У коренныхъ осетинъ, по тому-же указанію г. Пфафа, сынъ, какъ и у семитовъ, остается всю жизнь при отцѣ и безпрекословно подчиняется какъ ему, такъ и всѣмъ старшимъ въ родѣ. У осетинъ встрѣчаются еврейскія имена мѣстностей. Что семиты были аборигедами Кавказа и поселились здѣсь ранѣе XV вѣка до Р. Х., доказывается тѣмъ, что племена горцевъ, смѣшавшіяся съ ними и усвоившія себѣ ихъ обычаи, вовсе не знаютъ закона Моисеева. Противъ теоріи заселенія древняго Кавказа евреями приводятъ общеповенно неимѣніе въ существующихъ нынѣ языкахъ мѣстныхъ племенъ еврейскихъ словъ. По тому неизвѣстно, что семиты, поселиясь въ данной странѣ, тотчасъ-же почти утрачиваютъ свой народный языкъ, почему и «лингвистика въ этнографіи семитовъ трудно приложима». Вѣдь, по изслѣдованію того-же Иуды-Чернаго, оказывается, что позднѣйшіе, переселившіеся уже при Салманасарѣ сюда евреи утратили совершенно свой отечественный языкъ. Еще во времена пребыванія св. Нины въ городѣ Урбинскѣ, въ Карталиннѣ, она бесѣдовала съ мѣстными евреями на ихъ древнемъ языкѣ. Точно такъ-же она говорила и съ ичхетскими семитами. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ здѣшніе евреи усвоили себѣ древне-персидскій говоръ, называемый ими фарситскимъ и татскимъ. Въ смѣшанномъ жаргонѣ горскихъ евреевъ такъ мало древнихъ отечественныхъ словъ, что, напримеръ, въ отрывкѣ, приводимомъ Иудой-Чернымъ, на шестнадцать строкъ ихъ оказывается только два. Евреи, несмотря на послѣдующее мусульманское владычество на Кавказѣ, остались и до сихъ поръ вѣрны древне-персидскому языку, хотя во всемъ остальномъ, разумѣется, промѣнъ религіи, они совершенно отатарились. Даже самое имя хозяина духана, куда мы пристали, — Бенюгу, дышало чѣмъ-то патриархальнымъ, сивито-арабскимъ, и вовсе не напоминало нынѣшнихъ

Идеи и Срудеи, такъ-же, какъ кавказскія горныя сарсы повсе не напоминають своихъ цивилизованныхъ собратьевъ Ибраиъ, являясь племенемъ въ высшей степени привлекательнымъ...

Мы привольно расположились на тахтѣ. Магомадъ безъ церемоній собралъ нѣсколько ковровъ, уложилъ ихъ одинъ на другой и пригласилъ меня улечься поудобнѣе. Самъ онъ отправился пасть лошадей. Солнце сквозь виноградныя сѣти светило такъ ярко, откуда-то несло такой пѣкучій ароматъ незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ, у самаго уха такъ задорно и громко щебетали птицы, что я было сталъ забывать и оригинальное племя, среди котораго находился, и историческія изысканія архивариусовъ науки. Благодушный весенній сонъ на воздухѣ уже смыкалъ вѣки, здоровое спокойствіе, колкое лѣни и нѣги, охватывало меня всего, какъ вдругъ я приводился отъ восторга и изумленія.

Изъ дверей саями вышла дѣвушка, которую, право, можно было принять за фею. Будь здѣсь Гейне, попалась ему на глаза это очаровательное видѣніе — мы ибли-бы прелестную горную легенду. Мнѣ самому стало совѣстно, что я разинулъ ротъ передъ красивой дикаркой. Представьте узкій овалъ лица, тонкаго и изящнаго. Крупные черные глаза миндалинами смотрятъ на васъ какъ-то робко и покорно. Это взглядъ восточной женщины. Черныя брови словно чуть-чуть наведены кисточкой — такъ правленъ ихъ изгибъ; изящный носикъ съ тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и отъ обыкновеннаго дыханія, и маленький ротъ; нѣсколько припухшія ярко-алыя губки, верхняя чуть-чуть вздернута, но безобразно, а ровно на столько, чтобы показать мелкій жемчугъ зубовъ. А волосы хоть и скрывалъ уродливый шелковый мѣшокъ позади, но преди ихъ выбивался надъ небольшимъ лбомъ и назойливыми, мелкими локонами обрамливали тонкія розовыя, сквозившія уши. Распустите по матовой, страстной смуглицѣ этого лица капли двѣ-три крови, мастелько, чтобы слегка окрасить лишь щени,

проведите по готовому очерку его также едва заметные голубыя линии жилок — и вы поймете, какъ пораженъ я былъ въ первую минуту. Желтая шелковая рубаша съ широкими рукавами, перехваченная въ поясе, позволила разсмотрѣть покатыя плечи и талію стрекозы, разомъ почти переходившую въ широкія, роскошныя линии сильно развитыхъ бедръ. Узенькая красная кисть руки была такъ идеально хороша, что становилось поневолѣ досадно на голубыя бородавки выцветшей персидской бирюзы, въ видѣ перстней сидѣвшія на длиноватыхъ пальцахъ еврейки...

Она заговорила что-то гортаннымъ, пріятнымъ голосомъ. Я, разумеется, покачалъ головою. Насмѣшливая улыбка на одно мгновение скользнула по ея лицу и пропала... И снова робко и покорно смотреть эти выразительныя глаза.

Увы! Встрѣченная нами фея пай-булагскаго ущелья была первой и послѣдней красавицей среди еврейскаго населенія Дагестана. Можетъ быть, другія мнѣ не попадались, но, по долгу добросовѣстнаго туриста, я долженъ признать, что всѣ остальные дамы воинствующаго Израила были очень непривлекательны. Между ними, сверхъ того, попадаются настоящія татуированныя дикарки. И безъ того грубыя лица еще разрисованы разными фигурами, линиями, крутами, трехугольниками. Всего отвратительнѣе, когда эти знаки наведены ярко-красною краской. Точно кровью расписаны. Мнѣ привелось даже встрѣтить старуху, не отпавшую отъ себя въ удовольствіи провести по лицу нѣсколько черныхъ черточекъ, придававшихъ ей, по ея разумію, особенное благородство и изящество. Щеголихи съ крашеными бровями и волосами очень не рѣдки. Въ послѣднее время, по персидскому обычаю, мѣстныя дамы въ нѣкоторыхъ аулахъ наводятъ бигровые колера на старательно отращенныя ногти. Точно концы пальцевъ въ крови вымочены. Всѣ эти легкомысленныя Евы въ будни одѣты очень скверно; не говори о бѣдныхъ, и богатыя щеголяютъ лохмотьями... Сверхъ

того, онъ весьма грязны. Англичанинъ, измѣрившій степень цивилизаціи количествомъ потребляемаго данною страной мыла, пришелъ бы въ ужасъ отъ горелыхъ ересей.

— Махласъ, Махласъ! — послышалось изнутри сабли.

Красавица опять заговорила что-то на своемъ гортанномъ языкѣ, обращалась къ дверямъ, и прошла мимо меня, потупивъ глаза. Потомъ оказалось, что Махласъ было я или. Выкрикивала его очень безобразная старушонка съ слезившимися глазами, все сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, какъ свертываютъ и выжимаютъ только что вымытое бѣлье. Старуха что-то очень долго говорила мнѣ на томъ же непонятномъ языкѣ, и сочувственно кивала ей головою, ничего не понимал. Потому, что она махивала рукою на дверь и произносила имя Бениюгу, я догадался, что хозяйина дома нѣтъ... Наконецъ, выкрикиванія старухи мнѣ надоѣли, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ словомъ она подходила все ближе и ближе, облавая меня обильнымъ запахомъ чеснока. Надо было положить предѣлъ ей краснорѣчиво, и я вдругъ съ аплобномъ разразился столь же продолжительною рѣчью на русскомъ языкѣ. Вѣжливость за вѣжливость. Старуха столь же внимательно выслушала меня до конца и не менѣе сочувственно покачивала головою.

— Шанлыкъ?. Гохъ шанлыкъ? — задалъ я ей вопросъ въ заключеніе моей рѣчи.

Она быстро забормотала что-то и опять стала выкрикивать «Махласъ, Махласъ!»

Фей показалась, но съ выраженіемъ большого неудовольствія. Я все-таки понялъ, что дѣло идетъ о заказанномъ мною шанлыкѣ, и было успокоился, какъ вдругъ старуха налетѣла на дѣвушку и давай орать ей прямо въ лицо. Та тоже не осталась къ долгу. Брань посыпалась обоюдная. И та, и другая отчаянно размахивали руками, то налетая, то расходясь. Замѣчательно, что, бранясь, онѣ почему-то пыгибались тѣломъ во всѣ стороны. Гвалтъ былъ страшный. Наконецъ, старуха схватилась за

и́шнокъ, въ который была упрятана коса красавицы, и, воя, какъ зарѣзанный, кинулась изъ сѣкли, увлекая за собой не менѣе крикливую фею. Черезъ минуту дѣвушка вошла вся разгорѣвшаяся, меча молнии точно округлившимися глазами и не умолкала ни на одну минуту.

Я рѣшился не обращать вниманія на ея крики и вынулъ записную книжку, чтобы внести туда нѣсколько замѣтокъ.

Только-что я взялъ карандашъ въ руки, дѣвушка разомъ смолкла и съ выраженіемъ крайняго любовнытства уставилась на меня. Я сталъ писать—подомла, наклонилась. Вѣрно, и этого ей мало показалось—просунула голову между моей головой и книжкой. Положеніе было не изъ завидныхъ. Газовое сквозное ухо дразнило меня, а тутъ еще отъ головы пахнетъ какими-то цвѣтами, раздражающе пахнетъ. Сталъ я ей показывать рисунки—усѣлась рядомъ, глаза такъ и разгораются. Бинобль увидѣлъ—показываетъ на него; даль я ей—возилась, возилась, чуть не зашлекала, добиваясь, къ чему онъ служить. Я ей показалъ—захлопала въ ладони и захохотала. Потомъ перспе съ носу станила, себѣ надѣла, да видно глаза заболѣли, какъ-то особенно умерительно заморгала и кинула прочь...

— Урусъ якини!..—повторила она, безцеремонно роаясь въ моей дорожной сумкѣ. Добралась до какой-то фотографической ларточки... вдругъ отбросила ее прочь, точно та обожгла ей пальцы. На лицѣ страхъ, и такой искренній, что я засмѣлся опять.

Обижено заболтала что-то по-своему, но рыться всетаки не оставила.

Будь это въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, я, право бы, заподозрилъ ее въ желаніи сыграть со мною сценку изъ старой библейской комедіи жены Пентефрія и Іосифа-цѣломудреннаго. Щека ея такъ соблазнительно приблизилась къ моимъ губамъ, глаза такъ задорно за-

глядывали въ мои! Мнѣ нужно было все самообладаніе, чтобы остаться спокойнымъ и равнодушнымъ. А тутъ зночуть не на колѣни сѣла ко мнѣ и красивая нога подъ шальваръ видна.

Что это, наивность или «цивилизация»?

Скорѣй первое, потому ужъ очень оно непринужденно и безыскусственно дѣлалось. Ребенокъ скамывался въ этомъ.

Потомъ, дѣйствительно, оказалось, что Махласъ было только двѣнадцать лѣтъ. Какъ тутъ не стать влюбленъ, глядя на волюнъ развившійся станъ и задорныя алмы губы! Двѣнадцать лѣтъ! Но у нея былъ уже свой женихъ, и со дня на день ожидалась свадьба. Помолвлена она двухъ лѣтъ отъ рожденія и съ тѣхъ поръ, по мѣстному еврейскому обычаю, каждую субботу посылала своему жениху фрукты или лакомство. Женихъ ея отдаривалъ тѣмъ же. Нѣсколько разъ въ годъ Махласъ дарила ему арагчинъ — изнине расшитый золотомъ и бисерами ермолки, за что тотъ посылалъ ей серебряныя серьги или такія же пуговицы къ бешмету, лангаусу на штыкѣ и т. д. Всѣ отношенія ихъ между собою только эти и ограничивались.

Аруса (невеста), встрѣтивъ жениха или его родныхъ, должна сейчасъ же присѣсть на порточки и закрыть лицо платкомъ, а за неизмѣннъ его — широкимъ рукавомъ рубахи. Арасъ (женихъ) долженъ разыграть ту же комедію и, увидя невесту, «застыдиться».

— Знаешь ли ты своего жениха? — спрашивалъ я потому Махласъ черезъ Магомидъ-оглы.

— А зачѣмъ мнѣ его знать? Я не хочу «быть изломъ въ водѣ». Зачѣмъ знать своего зраса, когда другія невесты тоже не знаютъ своихъ. У насъ обычай такой!

— Да какъ же вы жить-то будете?

— У него триста барановъ есть! Каждый день — плавъ вѣтъ, супъ съ курдючнымъ саломъ. Жирный такой супъ. Каждый праздникъ зурначи (музыкантъ на дудкѣ) будетъ,

дамрука (барабанщика) позоветь... Танцуй хоть всю ночь... Хинкаль у него и въ будни бываетъ!

— Что это за хинкаль?

— Ва... Вкусная вещь! Лучше сахару! Вай-вай, неужели ты не знаешь хинкаль? У васъ развѣ не умѣютъ дѣлать его? Да, впрочемъ, что же вы, русскіе, понимаете, если хинкалу не ѣдите... Вай-вай, какіе вы бѣдныя... Куда-же вамъ, впрочемъ, и кушать такія вещи!..

И она съ искреннимъ сожалѣніемъ качала головою, глядя мени по лицу, точно утѣная въ великомъ несчастіи незнакомства съ хинкаломъ.

Въ тотъ же день и узналъ, что хинкаль для смертельно голоднаго человѣка дѣйствительно недурное блюдо. Это родъ похлебки. Въ мисномъ бульонѣ варятъ четырехугольныя вледки вмѣстѣ съ уксусомъ и чеснокомъ. Истинные гастрономы прибавляютъ курдючье сало, но это ужъ роскошь. Другіе довольствуются взваромъ изъ чесноку и мяса.

— А ты кутумъ любишь? — такъ же навзно обратилась она ко мнѣ.

Кутумъ — копченая, густо просоленная рыба.

— А что?

— Вай-вай, вкусная вещь. Что лучше кутума! — И она задумалась. — Итъ, шелковый бешметъ съ серебряными пуговками лучше! — совершенно неожиданно заключилъ свои признанія этотъ двѣнадцати-лѣтній ребенокъ — невѣста.

Какъ я досадовалъ на свое неумѣнье рисовать! Дѣвочка сама просилась въ картину. Каждое движеніе такъ граціозно и изящно, — тѣмъ болѣе граціозно, что объ этомъ не старались. Лѣтними, чисто-кошачьи потягиванія, приемы, если можно такъ выразиться, округленные, и вдругъ — цѣлымъ каскадомъ сыплется дѣтскій хохотъ, и изъ недавней полной ибги женщины разомъ дѣлается копрыгунья-стрелоза, не знающая удержу своимъ шалостямъ.

III.

Еврей-охотникъ, еврей-абрактъ. — Витва съ леонардомъ.

— Беніогу!.. — И Магомадъ привѣтливо поднялся на встрѣчу принадлежному.

Махнувшись точно чѣмъ-то смело. За секунду была здѣсь, и вдругъ ея не стало. Будто провалилась, только въ воздухѣ еще пахло цвѣтами, украшавшими ея голову, и послѣдніи отзвуки серебрястаго смѣха полуробенца-полу-женщины дрожали въ ушахъ.

И поднялся въ свою очередь и, признаюсь, былъ удивленъ типомъ вошедшаго хозяина духана.

Несомнѣнно—еврей, но какія благородныя черты, какое выраженіе силы и мужества въ лицѣ, какія спокойныя, полныя сознанія собственнаго достоинства движенія! Если хотите, онъ даже былъ красивъ, несмотря на крупныя черты и сѣдые волосы,—красивъ именно юношеской красотой. Ни одной морщины на лицѣ, ни малѣйшей слабости во всемъ. Держится прямо, глаза сверкають весело, задорно...

Разумѣется, особенному впечатлѣнію содѣйствовало и костюмъ Беніогу.

Лонко сшитая черкеска изъ верблюжьяго сунна плотно охватывала его стройную фигуру. Большой кинжалъ въ сафьяновыхъ ножнахъ у пояса, безъ малѣйшихъ серебряныхъ бляхъ и украшеній. За спиной — винтовка. На головѣ — шапка. Длинный шалкъ козляной шерсти отъ нея двумя прядями обрамлявалъ лицо.

Онъ, съ достоинствомъ поклонился мнѣ и, проговоривъ что-то, подалъ руку.

— Благословенствъ твой приходъ въ его домъ, — повѣсили Магомадъ-оглы. — Призываетъ милость Аллаха на твою голову!.. Будь здѣсь хозяиномъ... Шаломъ-алеяхемъ (будь здоровъ)! Да исполнится желанія твоей души!

Это въ духанѣ-то! Представляю себѣ, какъ бы отдалъ

все въ мое распоряженіе хозяинъ еврейской лорчмы гдѣ нибудь на проселкахъ Могилевской губерніи..

— Тебя безъ меня принять не умѣли, — продолжала Бениогу. — Старуха моя изъ уна выжила, а Махласъ молодца еще. Прости ихъ за неспѣшество!.. Барухъ-габо!

И Бениогу, несмотря на усталость, взялъ самъ все мои вещи и отнесъ ихъ въ саклю. Оттуда же онъ вытащилъ нѣсколько еще болѣе мягкихъ подушекъ и пушистый кубанскій поверъ.

— Тыкъ тебѣ лучше отдыхать будетъ. Не пушно ли обмыть ноги?

Я было не понялъ, въ чемъ дѣло.

Оказалось, очень просто. По словамъ Магомада-оглы, Бениогу принялъ меня за ученаго — хахама, которые пользуются здѣсь громаднымъ уваженіемъ, доводящимъ до изумленія, тѣмъ болѣе, что масса горскихъ евреевъ совершенно безграмотна. Потому уже изъ указаній Іуды Чернаго я узналъ, что церемоніаль пріема хахама на Кавказѣ, въ еврейскихъ аулахъ, очень сложенъ. Израиль въишествующій чрезвычайно гостеприименъ, и гостеприименъ безъ корытного расчета. Вслѣдствіи случилось, что хозяева искренно обижались, когда я самъ предлагалъ въ пенсень деньги за ночлегъ въ ихъ саклѣ. Но когда случайно заберется сюда хахамъ, то саміе богатые хозяева аула и равниъ спорить о чести принять его у себя. Хахама вводятъ въ саклю подъ руки, и пока для его отдыха готовятъ лучшій и удобнѣйшій уголь, хозяинъ, а въ другихъ мѣстахъ и хозяйка, обмываютъ ему ноги. Вслѣдъ затѣмъ въ саклю собираются старшіе и почетнѣйшіе люди аула. Каждый подаетъ гостю руни, приветствуя его по-библейски:

— Шаломъ-алеихемъ, или барухъ-габо.

Гость такъ же церемонно отвѣчаетъ:

— Алейхемъ-шаломъ.

Бесѣда идетъ очень живо. Заставить гостя молчать — верхъ неприличія. Посѣтители смѣняются поминутно, и пока хозяинъ подаетъ угощеніе, остальные болтаютъ,

какъ сороки, выпрашивая у прѣзжаго новости и, въ свою очередь, рассказывая ему всю подноготную ауль-ныхъ дѣлъ. По свидѣтельству Іуды Чернаго, этихъ не ограничивается привѣтливостъ хозяевъ и аула. Если гость бѣденъ и нуждается въ помощи, общество помогаетъ ему денежнымъ пособіемъ, надѣляетъ его собственными прина-сами, и нѣсколько человѣкъ немалѣнно провожаютъ его до слѣдующей деревни.

Но успѣли мы устроиться поудобнѣе, какъ въ дверяхъ показались двое юннши, поразительно похожихъ на Мах-лазъ. Только лица серьезнѣе, сдержаннѣе пріемы и въ глазахъ какое-то печальное выраженіе, повсемѣстно свой-ственное семитамъ. Это скорѣе, впрочемъ, сосредоточен-ность, чѣмъ печаль. Юноши болѣе похожи на арабовъ, чѣмъ на нашихъ выродившихся евреевъ.

Они остались у порога, пока ихъ не назвали.

Беніогу былъ на охотѣ съ дѣтьми. Въ одномъ изъ самыхъ сырыхъ логовъ кай-бузургской щели они застрѣ-лили джайрана и выслѣдили леопарда. Хищникъ, рѣдкій здѣсь, только ушелъ отъ нихъ въ трудобы окрестнаго чернолѣся, гдѣ за чащей преслѣдованіе его становилось невозможнымъ. Джайрана охотники привезли съ собою, и долго любовался на красивыя формы изящнаго живот-наго, безъ дыханія лежавшаго на плотно убитой землѣ веранды.

— Трудно встрѣтить джайрана шивзу, еще труднѣе убить его! — замѣтилъ Магомадъ.

— Это ужъ четвертый въ эту весну!

И Беніогу толкнулъ ногою джайрана.

— Опять показались, значить?

— Да. Изъ Аваріи ихъ совсѣмъ выгнали!

— Кабановъ не встрѣчали?

— Много тутъ, въ сырыхъ мѣстахъ. Да намъ не съ руки бить ихъ!

— Русскіе дорого платятъ...

Беніогу слегка поморщился, но, взглянувъ на меня, сдержался, и лицо разомъ стало безстрастнымъ.

Изъ гостепримства горскій еврей вынесъ все. Между русскими «ташкентцами»-чиновниками случались и такіе, что возили съ собою ветчину и колбасы, ѣли ихъ на посудѣ хозяевъ и жарили въ ихъ печахъ. Еврей терпѣли и ни словомъ не протестовали противъ этого посягательства на ихъ религіозную совѣсть. Молчаніе ихъ выливалось не равнодушіемъ. Городской еврей, разумѣется, будетъ принижаться, но еврей горскій съумѣлъ бы отстаить свое достоинство. Горскій еврей молчалъ, чтобы «не оскорбить гостя», и рѣшался терпѣть изъ-за этого поношеніе. Восхвалявшіе наше русское гостепримство допустить ли возможность такого же отношенія, напримѣръ, нашего старообрядца къ гостю, который исполнитъ «херувимскимъ» вуревомъ всю горницу? Едва ли!..

— Откуда леопардъ забрался сюда?

— Изъ Кабарды, вѣрно!

— А развѣ тамъ ихъ много?

— Немного, но встрѣчаются!

Леопарды водятся по сѣверному и южному склону Кавказскихъ горъ; они наносятъ большой вредъ мѣстнымъ хозяевамъ, забираясь въ ихъ конюшни и хлѣва, похищая овечь и козъ. Они до того обыкновенны здѣсь, что въ мѣстечкѣ Чалнасъ, верстахъ въ четырехъ отъ р. Улу-Кама, въ Карачаѣ, убили разъ леопарда просто палкой. Богъ, что разсказываетъ объ этомъ мѣстномъ уроженецѣ.

«У входа въ глубокое и узкое ущелье жилъ карачаевецъ Немазль-Бегеуль-Улу. Сажа его, по здѣшнему обычаю, построена была изъ дѣльныхъ брусевъ, составляющихъ срубъ, выведенный подъ земляную крышу. Карачаевцы — скотоводы, поэтому конюшни ихъ, находясь подъ одной кровлей съ саями, отдѣлены отъ жилой горницы только стѣной, въ которой прорублена дверь. Въ конюшнѣ у Немазля-Бегеуль-Улу, сверхъ того, было двое воротъ, одни выходили на р. Улу-Камъ, другіе находились въ заднемъ концѣ. Вокругъ шла каменная стѣна, образующившая дворикъ, съ воротами тамъ же. Въ саяхъ двори заивраются деревяннымъ клиномъ, устанавливающимъ

изнутри въ дверной порогъ, для воротъ же употребляется не клинъ, а деревянный засовъ, для котораго по обѣимъ сторонамъ двери-стоятъ столбы. Между столбами и стѣною и ходитъ засовъ, дѣлаемый или крѣпкаго и гибкаго дерева. Какъ-то ночью, когда въ саванъ уже спали, женѣ Исмаила послышался крикъ козленка. Она встревожилась и разбудила мужа.

— Вставай скорѣе! Въ конюшнѣ зѣбрь ходитъ!

— Спи! Шайтанъ тебѣ задави! Кавой еще зѣбрь пройдетъ сюда!..

Крикъ повторился, и Исмаиль поневолѣ всталъ. Но опять все смолкло. Хозяинъ, обругавшись, улетѣлъ.

— Конюшная точно крѣпость, а ты тревожишься попусту!

Жена его, тѣмъ не менѣе, вышла. Больше ста штукъ козъ лежало подлѣ заднихъ воротъ конюшни. Засовъ же оказался захвинутымъ не вполнѣ, а только на половину. Ворота показались ей подвинувшимися внутрь.

Луна свѣтила ярко. Серебряный блескъ ея сквозилъ окло точно курился надъ массою стада и бѣлыми стѣнами саван.

Женщина подошла ближе къ воротамъ и только тогда увидѣла неструю лапу, которая, высунувшись изъ-подъ порога, держала козленка. Толкнувъ ворота съ наружи, хозяйка прижала лапу, но она тотчасъ-же съ силою была выдернута вонъ. Отворивъ ворота, жена Исмаила увидѣла, что кавой-то пестрый зѣбрь идетъ прочь.

Воротись обратно, она почти не задвинула засова.

— Тебѣ, должно, быть, привидѣлось! — заключилъ Исмаиль, когда она рассказала ему обо всемъ. — Леопарды сюда еще не заходили!

Черезъ два часа въ конюшнѣ опять раздался крикъ. На этотъ разъ встревожился и Исмаиль. Взявъ винтовку, онъ вошелъ въ конюшню, сопровождаемый женою, у которой въ рукахъ былъ пучекъ горящихъ лучинъ.

На этотъ разъ всѣ козы сбились въ пучу къ переднимъ воротамъ и, дрожа, поглядывали на задній конецъ конюшни. Исмаиль замѣтилъ тамъ пестрое тѣло зѣбры,

лежавшаго надъ полузадавленнымъ козленкомъ. Свѣтъ отъ лучины, блеснувъ въ глаза леопарду, заставилъ его бросить добычу и отойти къ стѣнѣ. Но сей онъ сталъ цѣпляться, нѣна выхода. Только что Исмаиль приложился, чтобы выстрѣлить, леопардъ бросился ему прямо на грудь. Завязалась безмолвная борьба; ни человекъ, ни звѣрь не уступали. Винтовка печально выстрѣлила на воздухъ. У горца другого оружія не оставалось. Ему, наконецъ, съ большими усилиями удалось сбросить съ себя звѣря, готово опять на него кинуться. Не зная, что дѣлать, Исмаиль направилъ дуло на хищника, который захватилъ его въ ротъ. Горецъ нѣсколько разъ ткнулъ изо всей силы въ горло, и звѣрь сталъ замѣтно смирише, выпустивъ совершенно пятонку. Маневръ этотъ повторился еще. Исмаиль поднесетъ винтовку къ леопарду, тотъ схватитъ дуло въ ротъ, горецъ и давай заталкивать его въ горло. Наконецъ, леопардъ сталъ ловить зубами не конецъ ружья, а старался поймать его сбоку.

— Жаль ружья, совсѣмъ испортишь! — сообразилъ Исмаиль и, бросивъ его, отыскалъ въ углу сали деревянный вилы, которыми отъ первыхъ двухъ-трехъ ударовъ разлетѣлись въ куски.

— Принеси дубину скорѣй! — крикнулъ онъ женѣ, безмолвно смотрѣвшей на эту сцену.

Та притащила первую попавшуюся палку, и она сломалась такъ же. Наконецъ, Исмаиль увидѣлъ положенный поперекъ конюшни дрюкъ, которымъ и началъ протить леопарда. Скоро звѣрь былъ убитъ, а на утро сняли съ него шкуру, которую потомъ показывали по всему Караичю. Какъ оказалось, леопардъ, вторично подойдя къ воротамъ и стараясь вытащить изъ-подъ нихъ козленка, все сильнѣе нажималъ ихъ, вслѣдствіе чего засовъ выгибался, а между двумя половинами ворота образовалось пространство, въ которое леопарду удалось понемногу протиснуться въ конюшню. Тотчасъ послѣ этого засовъ своею упругостью всталъ ворота захлопнулись, такъ что звѣрь слутился въ запертѣ.

«Шкура этого леопарда,—говоритъ г. Петрусевичъ,—прекраснаго, сѣтло-желтаго цвѣта съ черными кольцеобразными пятнами. Отъ головы до конца хвоста онъ длиною въ три аршина съ четвертью; на кончикѣ же хвоста роговой наростъ, отличающій леопарда отъ другихъ особей изъ рода кошачь».

— Всегда ли такъ безопасна встрѣча съ леопардомъ?—спрашивалъ я у Бенюгу.

Тотъ только покачалъ головою.

— Леопардъ—страшный звѣрь,—поискиль Магомаль.—Рѣдко удастся выйти цѣлымъ, если встрѣтишься съ нимъ. Это самый сильный изъ всѣхъ горныхъ шайтановъ!

— Охотятся здѣсь за нимъ?

— Бенюгу охотился, а другіе нѣтъ. Опасно. Случится, что и выстрѣлить можно, а все-таки обойдешь его мимо. Не ввязись съ шайтаномъ—голова на плечахъ цѣлой будетъ...

— А Бенюгу случалось уложить хоть одного?

— Бывалое дѣло. Раль ему только звѣрь руку помять да плечо испараналъ. Онъ у насъ великій охотникъ, безстрашный человѣкъ!

Если это и исключеніе, то все-таки замѣчательное. Еврей—великій охотникъ, еврей—безстрашный человѣкъ!

Бенюгу оказался тоже непримиримымъ врагомъ и кавказскихъ медвѣдей, которыхъ онъ бьетъ здѣсь десятками.

Во все послѣдующее время нѣтъ уже не удавалось встрѣчать такихъ закоренѣлыхъ Немродовъ между горскими евреями, но, по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, Бенюгу не единственное исключеніе.

Нашъ хозяинъ и не однимъ этимъ былъ славенъ въ окрестномъ населеніи.

Давно уже тому назадъ отецъ его убилъ какого-то табасаранца, задумавшаго похитить его дочь, красавицу, судя по ея брату. Воръ былъ пойманъ «съ поличнымъ», т. е. когда онъ перекидывалъ черезъ сѣдло связанную дѣвушку. Долго не думая, Уфтахъ (отецъ Бенюгу) убилъ на мѣстѣ обидчика. Собрался джалмаатъ, и Уфтахъ былъ

объявленъ каплы. Спасаясь отъ провѣщенія, еврей ушелъ въ другой округъ, гдѣ и сдѣлался абрекомъ.

Изолированное положеніе абрека, человѣка внѣ покровительства законовъ, ежеминутно преслѣдуемаго и ко-этому преслѣдующаго, въ свою очередь создавало удивительныя типы. Прежде его типъ рисовали слѣдующимъ образомъ: Абрекъ какъ будто объявлялъ весь міръ на военномъ положеніи. Для него уже не существовало узъ дружбы или родства. Онъ не щадилъ никого и самъ ни отъ кого не ждалъ пощады. Какъ шакаль, онъ всю свою жизнь притаился по засадамъ, выглядывая оттуда жертву, чтобы самому не стать добычею другихъ. Обладавъ безумнымъ мужествомъ, онъ быстро дичалъ и часто становился ужасомъ на громадныхъ пространствахъ. Были абреки, десятки лѣтъ заставлявшіе трепетать окрестное населеніе. Казалось, что въ нихъ замирали всеи человѣческія чувства. Онъ убивалъ ради наслажденія убивать. Для него не было женщины—и онъ поэтому не щадилъ женщинъ. На ребенка онъ смотрѣлъ, какъ на будущаго врага. Изгнанный своею родиной, онъ нигдѣ не находилъ ея. Одинъ изъ путешественниковъ по Аравіи описываваетъ встрѣчу въ степи съ бедуиномъ, надъ которымъ тяготѣло изгнаніе и проклятіе, но тотъ бедуинъ былъ бы агидемъ въ сравненіи съ дагестанскимъ абрекомъ. На лицѣ абрека не видали улыбки. Холодный блескъ глазъ, блескъ хорошо отточенной стали, выраженіе спокойнаго равнодушія къ чужому и своему страданію, изможденныя черты и вѣчная жажда проявлявшіеся въ тѣ минуты, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь волненія это напускное безстрастіе сбѣгало прочь, открывая постороннему тайники глубоко-оскорбленной и до конца измучившейся души. Нужно было пережить цѣлыя годы отчужденія, по вѣсяцамъ не слышать человѣческаго голоса, предполагать вездѣ убійцу, чтобы дойти до такого холоднаго звѣрства. Во время войны съ русскими, абреки обращались и противъ насъ, и противъ своихъ. Для нихъ были единственными союзниками такіе же изгнанники, какъ и они.

Человѣкъ, надъ которымъ не виситъ мечъ, человѣкъ, знающій, что его жизни не грозитъ ничего, на совѣсти не оставляетъ никакого чернаго пятна—былъ врагомъ абрека. Абрекъ былъ волкомъ между людьми и человѣкомъ среди волковъ! Абрекъ и умиралъ, убивая...

И въ то же время, несмотря на установившіеся типы абреки, какіе великодушныя порывы, какія чистыя побужденія прорывались въ этой ожесточенной природѣ! Тотъ же Уфтахъ, убивавшій, чтобы не быть убитымъ, помогать каждому, кто, въ правомъ дѣлѣ, обращался къ содѣйствію его сильной руки. Онъ воровалъ самъ дѣвухи для молодыхъ людей, которымъ отцы отказывали или которые не могли внести калыма. Онъ мстилъ за несправедливость, подставляя свою голову подъ ножъ или подъ пулю. Онъ разъ, безоружный, прѣхалъ въ аулъ къ отцу убитого имъ человѣка и потребовалъ гостепримства въ его саялѣ. Зачѣмъ? Чтобы помочь старику, о нищетѣ котораго дошли до него слухи. Абрекъ чувствовалъ себя виновнымъ въ безпомощности его и, рискуя жизнью, отдавалъ тому все, что имѣлъ самъ. Вышній типъ абрека—видоизмѣнился. О немъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Беніогу былъ сыномъ абрека, абрека-еврея. Понятно, что впечатлѣнія дѣтства создали и въ немъ тоже мужество, ту-же горделивую смѣлость. Онъ-бы не задумался сѣбниться грудъ съ грудью съ обидчикомъ, не отступилъ бы передъ чужою угрозой. Въ немъ жили такія порывы страсти, такая жажда сильныхъ ощущеній, какія были-бы по плечу развѣ среднеазіковому рыцарю.

Откуда-то сильно пахло гіацинтами. За савлей звонко расцвѣвала Махласъ, перекликалась съ братьями. Обѣдъ, къ которому была изжарена часть джайрана, приправленный хорошимъ виномъ, пришелъ къ концу.

— Что-жъ, пора?—обратился ко имъ Магомадъ оглы.

— Куда-жъ торопиться? Развѣ тебѣ здѣсь нехорошо?

Старикъ прищурился на солнце, сверкавшее сквозь виноградныя сѣти. Завуль.

— Вечеромъ можемъ выехать!

— Тогда придется заночевать въ пустомъ аулѣ!

— Въ какомъ это?

— Да тутъ по дорогѣ. Все, кто жилъ въ немъ, выехали въ Турцію!

— Переночуемъ и тамъ!

Страя лщерица быстро пробѣжала по земляному полу галерейки, оставляя за собою извилистый слѣдъ и какъ-то широко разставляя лапки. Еще быстрой мелькнуло мимо красивое лицо Махласъ, обдавъ меня на бѣгу цѣлымъ водопадомъ огненныхъ взглядовъ. Вонъ ее голосъ замираетъ уже гдѣ-то далеко-далеко. Точно какъ-то музыкальные ноты относить вѣтеръ въ сторону. А солнце еще ярче пронизываетъ колеблющуюся стѣну виноградныхъ лозъ, еще изумрудѣе...

Сильнѣе пахнетъ жасминами и гіацинтами.

Чувствуешь, какъ кровь приливаетъ къ вискамъ отъ этого одуряющаго запаха.

— Куда ты ѣдешь теперь? — обратилась ко мнѣ Махласъ.

— Далеко!

— Въ большіе аулы? А тамъ, должно быть, весело, въ большихъ аулахъ. Связываютъ, дома тамъ до неба, а башни тамъ выше неба.

— А тебѣ тоже хотѣлось бы туда?

— Еще-бы. Здѣсь скучно. Братья все уѣзжаютъ. Одна старуха тетка, да и та больше ругается да дерется!

— Вотъ замужъ пойдешь, тогда попроси мужа въ Тифлисъ тебя свезти.

— А что такое Тифлисъ?

— Большой аулъ!

— Оттуда къ намъ шелковыя платья возить? И кольца оттуда? Вотъ хорошо, должно быть, тамъ. Только въ большихъ аулахъ, говорятъ, и большіе начальники есть. Впрочемъ, бояться нечего. У меня мужъ будетъ богатый. Двѣсти барановъ у него!

Вскорѣ жара спала. И простился съ гостеприимными

хозяевами и пустился въ путь. Махлась долго провожала меня глазами.

— Какъ здѣшніе евреи ладятъ съ русскими? — спросилъ я Магому.

— Они горцевъ больше держатся. Русскіе хужь ихъ. Русскіе и деньги больше ихъ любятъ. Русскіе «расхаживаютъ теперь на нашей головѣ».

— Да развѣ вамъ при русскихъ хуже, чѣмъ прежде, что вы прожидаете насъ?

— Какъ тебѣ сказать? Прежде, положимъ, и не такъ безопасно было. Ни шайханы тарповскіе, ни удюи найтаскіе, ни ханы казикумухскіе не обращались съ нами такъ. Но тѣ были орлы между орлами. Хотя и залепывали, да все-же свои. А теперь вотъ солдатъ править у насъ всѣмъ. Въ курятникъ сѣсть коршуна вѣдь не загопишь, хоть тамъ и проса вдоволь! Опытнѣе Аллахъ знаетъ, что у насъ на умѣ. Слыханное-ли это дѣло, чтобы побѣдители такъ обращались съ покоренными? Въ насъ не грабите, не вводите дѣтей и женъ нашихъ въ шельмъ — значить, еще что-нибудь болѣе страшное задумали. Значить, тутъ есть хитрость кака-то. Не дураки-же мы, чтобы не понять этого. Въ аулѣ вслѣдъ мальчишка знаетъ, что русскіе задумали какое-то дурное дѣло и хотятъ уемнить насъ теперь, чтобы въ располохъ забрать! Теперь въ одномъ аулѣ хлѣба не хватило — русскіе хлѣба дали. Развѣ враги такъ дѣлаютъ просто? Прежде аулъ расфѣлся-бы по всему Дагестану подавнѣя собирать, а тутъ на мѣстахъ остался. Итъ, насъ этимъ не обманешь. Вы вонъ и «сихру» *) знаете. Вы, какъ древніе ириваны (фараоны), чудеса коловствомъ дѣлаете. Неужели-же такіе «величайшіе грѣшники» на добро способны? Ну, разумѣется, будемъ жить мирно, пока вы своего хвоста не покажете. Оставьте намъ оружіе и не берите насъ только въ солдаты!

— А если и насъ станутъ въ войска занимать?

*) Сихра — наука, дающая средства для узавнати и все дѣлать.

— Все увидимъ въ Турцію. Мы любимъ свои аулы. На несколько дней увидимъ, — и то тоска беретъ, но если на насъ шинель надѣнуть, мы уйдёмъ отъ насъ!

Это и знать и безъ Магомад-оглы. Еще Хаджи-Муррад-Амировъ въ 1873 году рассказывалъ, что только одни слухи о запрещеніи носить оружіе и о репутативныхъ наборѣ заставляютъ горцевъ массами переселяться въ Турцію, не смотря на ихъ рѣдкую привязанность къ роднѣ. «Въ ихъ глазахъ передъ солдатской службой самой адъ — ничто, хотя мухамеданское пекло похуже даштговскаго».

Вотъ какъ, напримѣръ, плакался одинъ переселившійся въ Турцію:

— Мени не ждуть тамъ богатство и радость, но если бы и ждали, то и тогда я не былъ-бы счастливъ. Да и можно-ли быть счастливымъ, когда человекъ покинулъ родной аулъ, своихъ соотечественниковъ, друзей и родныхъ; когда не имѣешь возможности посетить могилы своихъ отцовъ въ пятницу и въ день великаго байрама и сидѣть въ кумаѣ на досугѣ!..

И, зная, что ихъ встрѣтить тамъ нищета, они все-таки уходятъ сотнями и тысячами.

IV.

Оставленный аулъ.

На окрестныя горы ложатся синія тѣни вечера.

По мѣстному еврейскому обычаю, Бениогу отпразднать двухъ своихъ сыновей сопроводить насъ до ночлега.

Молодежь весело переливается, забываясь эхомъ, бѣлаетъ съ важными и серьезными Магомад-оглы и на славу стрѣляетъ въ застѣвень, завружившихся въ воздухѣ.

Мы едва пробираемся по дну Кай-булагской шельи. Направо и налево, то стѣняя насъ, такъ что мы проѣзжаемъ гуськомъ, то расширяясь, выселяетъ почти отвѣсныя стѣны. Зеленъ треплетъ на нихъ рѣдкими пятнами,

горбины и плоскости камня изорваны черными трещинами, гдѣ гнѣздятся шершачи, и до сумерекъ неподвижно держатся сѣрые совы. Внизу, по самому дну щели, едва едва сочится вода, съ камня на камень, съ уступа на уступъ, чистая, холодная.

— Гдѣ-же это грохотъ воды слышится?—заинтересовался я.

— А другой большой рукавъ есть. Онъ внизъ въ ту носую щель ушелъ, тамъ и бурлитъ, верочая камни!

Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось проѣхать съвозъ небольшой каскадъ. Щель тутъ суживалась, такъ что издали казалось невозможнымъ пробраться въ это иглозное ушко. Мы направились туда гуськомъ. Тамъ, въ этой скажинѣ, сверху внизъ обильнымъ дождемъ сыпался ручей студеной воды. Насъ обдало съ ногъ до головы, потому что свернуть было некуда.

— Какъ не отведуть ручья куда-нибудь въ сторону?—замѣтилъ я.

— Христіане не позволяютъ. Захотѣли мы разъ очистить дорогу—столько шуму вышло!

— Это отчего?

— Да, говорятъ, св. Инна нарочно ручей этотъ пустила. Креститься не хотѣли адѣнные евреи, ну, такъ она и сдѣлала чудо,—кто ни пройдетъ, всѣхъ этою водою окрестить. Хочешь, не хочешь, а брызнетъ. Понемогѣ! Прежде евреи этой дорогой вовсе не ѣздили. Горамъ низи.

— Это неправда! — вставилъ Магомадъ-оглы. — Дѣло иначе было. Окрестный народъ давно-давно креститься вздумалъ. Только рѣки не было такой, чтобы въ нее погрузиться ноги. Ну, св. Инна и велѣла этому ручью выйти. Кто хотѣлъ крещение принять, проѣзжалъ Кайбулагскою щелью. Святой ручей называется!

Христіанскія преданія живутъ еще въ этой давно омульманнившейся странѣ. Развалины христіанскихъ храмовъ встрѣчаются повсемѣстно, и окрестное население относится къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Шамаль хо-

тѣль-было черезъ своихъ мумль уничтожить эти развалины, но ни проповѣди, ни приказанія имама не могли побудить народъ разбросать уже нестройныя глыбы тесаного камня, разбить слѣды алтарей и истребить престы, оставшіяся на стѣнахъ. Народъ боялся мщенія Мириамъ и вѣрилъ, что, разоривъ остатки храмовъ, онъ озаобитъ горныхъ духовъ, живущихъ въ этихъ красивыхъ руинахъ. Какъ-бы ни была плоха погода, или хоть пролиливной дождь, мусульманинъ не станетъ искать защиты подъ кровлями и сводами этихъ церквей. Мнѣ не удалось видѣть самому ихъ, но разказы окрестныхъ жителей рисуютъ необычайно дикія картины горныхъ тучищъ, гдѣ таятъ развалины. Въ нихъ только и находятъ убѣжище смѣлый разбойникъ, которому гораздо страшнѣе погоня пукеровъ, чѣмъ обители горнаго духа. Туда-же забираются молодыя пары, играющія свадьбы «уводомъ». Каврей относится къ этимъ храмамъ съ меньшимъ страхомъ, но все-же трогать ихъ не рѣшаются. Вообще кавказскій горный еврей не питаетъ вражды къ христіанству. Невѣжественныя равнины его, поддерживая только обрядности Моисеева закона, чужды фанатизма и исключительности остального Израила. Кромѣ христіанскихъ храмовъ, особенно уважаются древнія священныя роши. Въ ихъ завѣдную глушь проникаютъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Тутъ царитъ вѣчное молчаніе, и громкій голосъ человека не осмѣливается рѣзко нарушать этого споконнаго сна вѣковѣчныхъ великановъ, переживавшихъ цѣлыя племена, давно исчезнувшія съ лица Кавказа передъ нашествіемъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ дружинъ. Въ тѣни этихъ великановъ нѣкогда воздвигались паница невѣдомымъ богамъ, потомъ древніе семиты до Моисеевой вѣхи совершали здѣсь свои таинственныя служенія. Наконецъ, тутъ-же царилъ культъ Молоха до тѣхъ поръ, пока эти священныя роши не огласились гимнами христіанскихъ проповѣдниковъ, смѣненныхъ, въ свою очередь, проповѣдниками и вождями ислама. Такъ-же молчаливы, какъ тогда, такъ и теперь, зановѣдныя дубровы, и такой-

же покой парить подъ ихъ сводами. Солнце рѣдко проникаетъ въ сырныя чащи, гдѣ только шорохъ дикаго звѣря да робкое шѣпье мелкой лѣсной птички оживляютъ безмолвныя могилы павшихъ религій и исчезнувшихъ народовъ.

Часто на днѣ Кап-булагской щели лежали громадные скалы, сорвавшіяся сверху. Обѣзжать ихъ было трудно и не безопасно. Въ одинъ мѣстѣ недавно оборвавшійся утесъ стѣной перегородилъ дорогу. Пришлось сѣсть на лошадей, взять ихъ подъ уздцы и съ трудомъ, медленно перенести ихъ на другую сторону, рискуя на каждой пядени камня, и особенно при спускахъ, сломать ногу коню или себѣ — шею. А тамъ опять новый сюрпризъ. По вѣтру насъ обдало невыразимымъ сырдомъ. Магомедъ-оглы, и тотъ закрылъ носъ. Миѣ трудно было дышать, но пришлось пересилить отвращеніе. Въ одной изъ тѣснинъ оказался разлагающійся трупъ лошади. Цѣлая стая воронья разомъ поднялась, точно вспорхнула, когда мы подѣхали къ этому неожиданному препятствію. Сверху долетѣли къ намъ пронзительныя крики потревоженныхъ хищниковъ, въ боковой тѣснинѣ валь голодный шакалъ, а впереди уже ступались сѣрые клубы ночной мглы, занолоняя всю щель.

— Пожалуй, и ночь скоро?

— Да. Ущелью конецъ не далеко!

— Значить, еще засвѣтло доберемъ!

Мгла становилась все гуще и гуще, рѣдѣя на болѣе широкихъ площадкахъ.

Евреи пѣли унылую пѣсню, странно гармонирующую съ пустынной и мрачной обстановкой ущелья. Точно въ хоръ этому мезанхолическому рокоту воды по дну тѣснины раздавался шестъ вѣтра, лѣниво пробиравшійся сквозь кап-булагскіе дефилеи къ счастливой и только-что оставленной нами долині.

Мои спутники — дѣти Бениюгу — были изъ числа «образованныхъ евреевъ».

Здѣсь, гдѣ масса Израиля невольственна до крайности,

умнѣе читать уже считалось образованіемъ. По словамъ Іуды Чернаго, въ древности среди кавказскихъ евреевъ было много ученыхъ. Даже талмудскіе толкователи Нахумъ Гамабай, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахѣ въ Ширванѣ, и Симонъ Шафро, т. е. ученый, писатель, родился въ Дербентѣ. Въ то время народъ находился на гораздо высшей степени умственнаго развитія. Іудѣ Черному только въ Дербентѣ попался равинъ, знающій древне-еврейскій языкъ, остальные раввины не имѣли о немъ и понятія.

— Умѣете-ли вы говорить по древне-еврейски?

— Мой амлаярецъ (я неграмотный)! — отвѣчали ему всюду.

Большинство евреевъ не знаютъ и мѣстной грамоты, почему они зависятъ отъ мусульманскихъ муллъ, которые пишутъ имъ письма и разные бумаги. За это муллы получаютъ отъ общества годовое жалованье. Вообще ни евреи къ мусульманамъ, ни мусульмане къ евреямъ не чувствуютъ здѣсь никакой вражды. Они отлично уживаются другъ съ другомъ, причемъ татаринъ съ гораздо большимъ пренебреженіемъ относится къ христианину, чѣмъ къ еврею. Солидарность, существующая между муллами и евреями, доказываетъ, что здѣсь неизвѣстно кагальное устройство, подтѣчивающее народное благосостояніе западнаго края къ выгодѣ таиннаго Израила. Евреи на Кавказѣ, и именно горскіе — то, чѣмъ они должны были-бы быть вездѣ, не обособленная, въ исключительное положеніе поставленная община, а полноправные, сливающиеся съ общою массою населенія люди, полезные труженики и производители. У насъ еврей-земледелецъ — нѣчто вродѣ сіамскихъ близнецовъ, двухголоваго словесца и другихъ чудесъ. Тамъ евреи занимаются мареноводствомъ, воздѣлываютъ фруктовые и виноградные сады, для чего не довольствуются собственными землями, но, расширив свое хозяйство, арендуютъ участки у окрестныхъ владѣльцевъ. Они-же разводятъ низкіе сорта табака, шдѣлываютъ превосходное оружіе, а въ послѣд-

ное время въ широкихъ размѣрахъ занялись овцеводствомъ. Если хотите, и наши евреи занимаются тѣмъ-же, но черезъ рабочихъ крестьянъ. Черный трудъ имъ по по душѣ. Кавказскій еврей неждѣ работаетъ самъ, и съ заступомъ, и съ мотыкой, и съ киркой. Поэтому они и на видъ смотрятъ молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство къ нимъ относится съ полнымъ уваженіемъ, и въ грази страстей не гнѣютъ и ростовщичествомъ, и гешефтомъ не занимаются, въ виду болѣе производительнаго и честнаго труда. Не ясно-ли, какъ глупо упрекать Израиля, что высасываніе жизненныхъ соковъ изъ окрестной среды въ крови у него, что еврей—ростовщикъ и лгутъ по природѣ? Такимъ онъ является только тамъ, гдѣ цѣлые вѣка его терзали отчужденіемъ, давили презрѣніемъ, спланивая въ немъ искусственно страшную силу племенного эгоизма и прививая къ нему кагалъныя добродѣтели. Тамъ, гдѣ евреи жили въ иныхъ условіяхъ, какъ, напр., на Кавказѣ, они являются и честными, и полезными людьми. Весь народъ дурнымъ не можетъ быть, а только дурные люди могутъ видать тѣнь на массы.

Еврейскія училища здѣсь помѣщаются въ сакляхъ близъ синагогъ. Несмотря на незначительное число учащихся (по 15 на 200 домовъ), сакли и тѣсны, и грязны. «Равинъ сидитъ на землѣ и на коврѣ, а вокругъ всѣ мальчуганы. Выстѣ съ своимъ учителемъ они ниваютъ головой, читаютъ молитвы или библію. Печатныя еврейскія азбуки у нихъ рѣдко бывають, болышею частію равнины рисуютъ на таблицахъ буквы, алфавиты, и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Всѣ они пишутъ на колѣнѣ, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкають, что на столѣ имъ работать и трудно, и неудобно. Самое большое училище находится въ Дербентѣ; оно и чисто и просторно. Оканчивающіе здѣсь курсъ получаютъ свидѣтельство на званіе равина или рѣзника. Остальныя-же школы въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Темиръ-ханъ-Шурѣ и деревняхъ въ всѣхъ жамбонъ видѣ».

Бай-булагская щель такъ разомъ началась, такъ-же разомъ и кончилась узкимъ выходомъ въ нагорную долину.

Мы оставили внизу густые туманы понизей и по узкой тропинкѣ поднялись на ближайшую вершину. Лесной мѣсяцъ уже стоялъ надъ плоскогорьемъ, серебрившимся вдаль; серебрилась и мгла внизу, серебрились и скалы подъ его ласковыми лучами. Только глубокія долины казались черными падами тая, гдѣ туманъ не заполнял ихъ совсѣмъ.

— Хорошій аулъ былъ!

— Что, гдѣ? — опомнился я.

— Куда идемъ... Большой аулъ былъ... Теперь пустынь!

— Неужели никого не осталось?

— Ну! Кому и быть? Цѣлымъ джамагатомъ поднялись люди и пошли. Большая часть саклей разрушена теперь, другія сожжены.

— Кто-жъ ихъ жегъ, — горцы?

— Горцы? — И Магомадь-оглы съ негодованіемъ оглянулся на меня. — Развѣ мы станемъ жечь колыбели нашихъ дѣтей и могилы своихъ отцовъ? Подъ этими кровлями росли мы сами, кто-жъ рѣшится уничтожить ихъ? Пусть вѣтеръ да дождь уничтожаютъ, пусть ихъ время рушить. Старость для всякаго есть, какъ для человѣка, такъ и для сакли!.. Нѣтъ... во время войны сожжено... Много ауловъ сожжено было... Аулы уничтожены, разрушены, сожжены... А тѣ, кто жилъ въ нихъ, давно на чужбинѣ, и ни слѣда отъ нихъ, точно ихъ и не было!

Только десятая часть выселившихся въ Турцію горцевъ осталась въ живыхъ. Все остальное погибло разсѣлиное, изголодавшееся. Ни въ чьихъ преданіяхъ, ни въ чьей пѣснѣ не останется памяти объ исчезнувшемъ народѣ, и скоро, проходя мимо его могилъ, мимо этихъ безмолвныхъ и безлюдныхъ ауловъ, никто не будетъ знать, какаѣ жизнь и нѣща на этихъ обрывкахъ, подъ

этим плоскими кровлями, какія сердца билась тамъ, и какіихъ суровыхъ драмъ были молчаливыми свидѣтелями эти раскидистыя дубы и каштаны. А, между тѣмъ, легендой безъ словъ, духомъ легенды вѣютъ эти каменные вершины, такъ красиво шарфавшіяся на лунномъ свѣтѣ, эти темныя и сѣрыя ущелья, эти зловѣдныя лѣса. И только когда изъ массы дикой поросли вдругъ выветелъ неожиданно благоухающій розовый кустъ, и аромат бѣлыхъ лилій встрѣтитъ васъ въ чащѣ боярышника и пшеница, — вы поймете, что здѣсь когда-то жило цѣлое племя, сильное и мужественное, — племя, разомъ исчезнувшее съ лица земли, какъ исчезаетъ дымъ, развеиваемый вѣтромъ, какъ исчезаетъ тѣнь отъ тучки, пробѣжавшей по небу, какъ исчезаетъ рыба на морскомъ просторѣ. И тихо колыхается эти чудные цвѣты, и едва-едва шелеститъ ихъ листва, точно робко жалуются она вамъ на эту стихійную смерть, смерть цѣлаго народа.

Тропинка круто свернула направо — теперь намъ пришлось ѣхать въ тѣни. Лунный свѣтъ ярко билъ на обрывистый спускъ съ горы, вырывая его изъ мрака. Въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлался отвѣснымъ. Громадныя массы камня, точно сложеннаго здѣсь циклопическою стѣною, падали внизъ вертикально, серебрясь и выступая на свѣтъ каждою своею вынуклиной, каждымъ угломъ и изломомъ. Отвѣсная стѣна скоро переходила въ вынуклую, она уже висѣла надъ долиною. Страшно было смотрѣть на эту горбину, думалось, — вотъ-вотъ, и она рухнетъ внизъ всею своею грузною, тяжелой массой. И вдругъ и приостановилъ копы и съ чувствомъ, близкимъ къ восторгу, уставился на эту твердыню.

Прямо на ней, на этой горбинѣ, *висѣвшей* надъ долиною, точно гвѣзды засточежь, *висѣли* сабли. Кто и какъ ихъ приѣхивилъ сюда? Голова кружилась еще внизу, что-же должно быть тамъ, на этомъ словно вздрагивающемъ карнизѣ? Прямо съ отвѣса горы выступала плоская кровля и упиралась въ такой-же выступъ пола. Гривы поддерживалась деревянными столбами, полъ былъ

утвержденъ на балясинахъ, укрѣпленныхъ вкось въ расщелины скалы. Это была только галлерея, веранда, балконъ. И такихъ балконовъ были сотни—прямо изъ горъ, прямо на отвѣсъ. Самое жилье или выдолблено въ скалѣ, въ отвѣсъ, или вровень со стѣною отвѣса поведено надъ карнизомъ. Ласточкины гнѣзда подъ кровлей колокольни, гнѣзда, свиты на стѣнахъ развалинъ, жилье какихъ-то воздушныхъ существъ, птицы что-ли,—короче, что хочешь, только не аулъ, не село, не обитель человека. Что-то волшебное, призрачное, одуряющее, что-то похожее на сонъ, далекое отъ дѣйствительности. А этотъ лунный блескъ, выхватывающій ласточкины гнѣзда изъ мрака, этотъ лунный свѣтъ, который точно курится на ихъ плоскихъ кровляхъ, свѣтъ, обрамляющій деревянныя жерди въ серебряныя колонны, расщелившійся камень—въ нагоныя глыбы, свѣтъ, на которомъ только черными трещинами или зѣвами кажутся входы въ сады и окна ихъ. А еще выше, надъ этимъ воздушнымъ ауломъ, надъ этими гнѣздами, унизавшими выдавшійся карнизъ, величаво дремлютъ голубоватыя вершины горъ, подернутыхъ серебряною пылью, крутыхъ, безлюдныхъ, скалистыхъ. Едва-едва ложатся на нихъ тѣни отъ виадинъ и склоновъ, но этотъ общій колоритъ безъ оттѣнковъ, однообразный, рисующій только ихъ профили, дѣлаетъ ихъ еще величавѣе, еще грандіознѣе.

Смотришь, — и тинетъ туда, и манитъ, и въ то-же время кружится голова, и замираетъ сердце. И чудно-очаровательнымъ кажется парство этой лазурно-серебряной ночи. И жаль дернуть уздечку, жаль ступить вперёдъ на шагъ, жаль потерять изъ глазъ этотъ поэтический сонъ!.. Вѣдь знаешь, что съ новымъ поворотомъ такой же величаво-прекрасный пейзажъ развернется передъ тобою, но больно разстаться съ этимъ, къ которому привязалось сердце, какъ будетъ больно разстаться съ тѣмъ, который встрѣтитъ меня на поворотѣ.

— Что это?.. Какой аулъ?

— Тамъ ночевать будемъ.

— Значить, это-то и есть безлюдный, оставленный поселок?

Магомадъ-оглы кивнулъ головой.

Идти туда, въ эту могилу исчезнувшаго города? Да, это достойный памятникъ ему, грандіозный мавзолей эти гордыя, траурныя вершины!

И вѣдь нигдѣ ни звука. Точно притаялась ночь и ждетъ чего-то. Точно вся замершая отъ посторга, любитъся окрестность на яркій мѣсяцъ, а мѣсяцъ, весь исходя лучами, любитъся на нее. И смотреть они въ глаза другъ другу, и нѣтъ предѣла ихъ красотѣ, нѣтъ конца ихъ поэтическому счастью.

Прошелъ часъ,—мы все ѣхали, прошелъ другой—тоже! А вулъ все тамъ же лѣзится въ сторонѣ. Какъ-то мы доберемся до него, какъ?..

Ничего теперь ясно не помню. Точно сонъ видѣлъ и позабылъ его.

Представляется только мнѣ, какъ мы зигзагами подымались вверхъ по горѣ, то направо, то налѣво. Точно въ туманѣ видится впереди фигура Магомадъ-оглы, то сливающаяся съ контурами окрестныхъ скалъ, то вся выстукающая на лунный свѣтъ, сгорбленная на малорослой гореской лошаденкѣ, стукъ копытъ которой дробится въ ухахъ, одинъ нарушая мертвое безмолвіе пустыни, окружавшей насъ. Кирей давно отстали и вернулись домой; въ горахъ я былъ одинъ,—одинъ съ моимъ молчаливымъ спутникомъ, плотно завернувшимся въ бурку. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить, за то думалось и грезилося много.

Помню только, что по сторонамъ зіяли бездны; тамъ курчався бѣлый паръ. Какое-то озеро блеснуло и опять снова покрылось тьмою, новыя клубы мглы захоронили его. Чортъ знаетъ, что за скалы вставали передъ нами, точно сторожевые великаны, преграждавшіе путь къ сокровищамъ или закодированнымъ долинамъ.

Подымались, подымались, и когда я онемѣлся, когда я ослѣдѣлъ, оказалось, что вулъ, ласточкины гнѣзда,

красившія воображенію тамъ, внизу, оказались далеко подъ моими ногами, далеко такъ, что ихъ и разобрать было трудно; только, изпригавъ зрѣніе, я различалъ плоскіе четырехъугольники прозелъ, блиставшіе точно серебряныя дощечки. Мы, слѣдовательно, зигзагами подылись выше аула, выше тѣхъ скалъ, на которыхъ лѣнится его воздушныя савли.

Нужно было спуститься внизъ осторожно, медленно, соразмѣряя каждый шагъ лошади.

Крутизна была необычайная.

Конь почти сползалъ на переднихъ ногахъ, вытянутыхъ и упиравшихся на всякую неровность по дорогѣ. Онъ поминутно хрюкалъ и помахивалъ головою, точно предупреждалъ меня объ опасности. А действительно, пронахнись тутъ только, — и костей-бы не собрать!.. Даже страшно было долго смотрѣть внизъ. Тутъ начинались откосы, о которыхъ говорилъ я, и пропасть, точно пасть какого-то чудовищнаго, сказочнаго зѣвря, зѣла подъ нами, безпощадная, поджидающая, притаившаяся, оскалившая свои зубы — утесы, словно челюсти, расположенныя по ея окраинамъ. Теперь приходять сравненія въ голову, а тогда не до того было. Просто замерло все и упало внутри. Даже Магомадъ-оглы, на что ужъ человекъ привычный, а и тотъ уткнулся въ свою бурку и ни слова!.. Значить, и ему жутко стало, и ему, старому горному волку, не по-себѣ.

Наконецъ, мы поѣхали вдоль карниза.

Встревожили горнаго орла, мирно отдыхавшаго въ выемкѣ стараго утеса. Поднялъ недоумѣло голову старыи хищникъ и, подвусгивъ насъ шаговъ на пять, медленно расправилъ крылья и грузно поднялся на ближайшую скалу, откуда долго еще провожалъ насъ его недовольный клекотъ.

Въ одномъ мѣстѣ тропинка разрывалась. По карнизу прошла трещина поцерегъ его. Вотъ-бы тутъ въ туманѣ или когда туча на утесъ уляжется, спокойная и непроглядная, — бѣда! Трещина шириною зрѣнію полтора,

внизу—пропасть. Конь подобрался и какъ-то бокомъ перешелъ ее. И даже и не смотря въ низъ,—голова могла закружиться. Карнизъ-то, какъ оказывается, висѣлъ надъ бездною, выдвигался сплошнымъ, большею частью, плитнякомъ. Точно мы въ магметанскій рай пробирались по узкому, какъ остріе сабли, мосту. Наконецъ, прямо передъ нами блеснули мазанки и сакли оставленнаго аула, точно кладбище, безмятные и печальные. Ни собачки, ни человѣка. Только въ камняхъ шуринить змѣя, да сброшенные копытами нашихъ лошадей камни пересчитываютъ всю поверхность откоса, дробясь на тысячу сухихъ, словно щелкавшихъ звуковъ.

— Смотри, не попади съ лошадью куда-нибудь въ саклю. Небезопасны сакли-то. Кое-гдѣ устои расшатались. Пожалуй, еще рухнешь внизъ вмѣстѣ съ саклей!

Мы добрались до сравнительно широкой площадки. Посрединѣ была куча камней и мусора. Изъ нея приподымалась только половина разрушенной башни.

— Мечеть была, — сухо проговорилъ Магомадъ-оглы. — Башни взорвали. Вотъ что осталось! — махнулъ онъ рукою на щебенъ и камни, суиразно отвертывался отъ меня въ сторону. Вѣдь во мнѣ все таки являлся передъ нимъ одинъ изъ неконныхъ враговъ его народа, одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ побѣдителей, что разрушили его мечети, истребили и сожгли его аулы, а братьевъ его изгнали на далекую, непривѣтливую чужбину. Этого и горское гостепрѣмство выдержать не могло. Понятно, что и Магомадъ-оглы, подъ влияніемъ разомъ нахлынувшихъ впечатлѣній, не хотѣлъ говорить со мною.

Внизу и рядомъ лежали ласточкины гнѣзда — сакли.. Вверху возносились въ недосыгаемую высь гордыя вершины. А мы, точно мухи, цѣплялись по этимъ откосамъ.

Наконецъ, мѣсто для лошадей найдено, хоть намъ до утра придется довольствоваться только тѣмъ сѣномъ, которое было съ нами.

Пхъ нельзя было стреножить и пустить. Оборвались-

бы въ пропасть. Мы сами чувствовали себя не советымъ бедро. Хоть гора эта и карнизы ея держатся цѣлые вѣка, но сообразивъ, какъ они висятъ надъ бездоннымъ проваломъ, и невольно задумался:

«А что, какъ сорвемся и съ этими ласточкиними гнѣздами, и съ этимъ ненадежнымъ предеставомъ аула?»

Мы, действительно, были уже въ оставленномъ аулѣ.

У.

И в г и в н и к ч ь .

— Богатый аулъ былъ, большою!.. Должно быть, Аллахъ прогнѣвался, что предалъ его въ руки невѣрныхъ!

— Да развѣ можно жить на такихъ кручахъ?

— Орелъ можетъ, а курица, разумѣется, нельзя. Зачѣмъ вы выгнали насъ отсюда? Видь занять эти аулы вамъ и думать нечего, работать на тѣхъ горахъ, гдѣ работали мы, вы еще долго не будете, да и не умѣете. Неужели изъ одной злобы?.. Развѣ можно лишать человѣка отцовской могилы и колыбели его ребенка?

Меня поставило въ тупикъ расположеніе аула.

За той площадкой, гдѣ мы оставили лошадей, не было доступа въ сакли, примыкавшія задними своими стѣнами прямо къ горной породѣ. Сакли зѣлились по отвѣсу, — понятно, что переходъ изъ одной въ другую былъ невозможенъ. Сверхъ того, были сакли, построенныя на другихъ. Кровля нижней сакли служила поломъ для верхней, а эта, въ свою очередь, подпираетъ третью. Въ одномъ мѣстѣ было пять ярусовъ такихъ сакель. Были и не отдѣльныя, а четырехъ и трех-этажныя сакли, принадлежавшія одному хозяйству.

— Какъ-же тутъ проходили?

— А по кровлямъ!

Въ кровляхъ оказались большія отверстія, сквозь которыя проникали внутрь сакли. Въ сакляхъ двухъ-ярусныхъ сначала нужно было попасть въ верхнюю, а оттуда уже сквозь дыру въ полу ея — въ нижнюю. Пере-

ходы становилась еще более сложными тамъ, гдѣ приходилось опускаться въ плетую савлю, перейдя все четыре верхія. Понятно, что только пѣшеходы могли упасть сюда. Это, впрочемъ, оказалось только предметъ аула. Большая часть его разбросана внизу.

Отсюда можно было разсмотрѣть только силуэты двухъ круглыхъ башенъ и какія-то груды стѣнъ.

— Отчего-же туда мы не пробрались?

— Негдѣ.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ удобнѣе.

— Молчи, ради Аллаха! Тамъ все выжжено, истреблено, уничтожено.

Дѣйствительно, на другой день мы проѣзжали мимо этихъ развалинъ, которыя уже захватываетъ обильная поросль въ свои задушающія объятія. Сивозъ груды щебня пробивается боярышникъ, дикія лозы взбѣгаютъ вверхъ по башенкамъ савель и опускаютъ внутрь, сивозъ ихъ пробитыя крошкы, свои цѣпки, зыбистыя вѣтви. Кизиль, лавро-вишни и барбарисы подступаютъ все ближе и ближе изъ окрестныхъ лѣсовъ, словно враждебная армія, желающая захватить въ свое силоченное кольцо жалкую и разоренную дружину противника — оставленные сады, гдѣ еще толнятся, сбившись въ кучу, хурма, кашаръ, черешня, айва и персики. Виноградная плантація одиночки кругомъ и заволонены сорными травами. На небольшихъ площадкахъ, отвоеванныхъ у горъ, хлѣбные посѣвы прежняго аула заглохли, и только остатки пригатиленныхъ работъ еще попадаются порою, свидѣтельствуя, что здѣсь далеко не дикари жили, а трудилось и занималось свободное племя, застигнутое нами въ періодъ его среднихъ вѣковъ. На восточномъ берегу Чернаго моря, у адыговъ, цивилизація стояла на гораздо высшей степени развитія, но и тамъ, напримѣръ, обработка земли несколько не уступала нашей отечественной. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ путешественникъ: черкесы мастера обращаться съ своими полями. Обработанные ими мѣсте мудро обрабатывать кому-либо другому. Они лѣнятся,

большую часть, на возвышенных скалах, на которых, казалось бы, и самая обработка невозможна. Конечно, обработка здесь только ручная, но и она была так тщательна, что черессы не знали неурожая. Орудия были своеобразны, но они отличались прочностью и были хорошо направлены. Черессы мастера дѣлали циллы (мѣстные топоры). Пшеница убирается женщинами посредством серпа, но онъ такъ малъ, что похожъ скорѣе на дѣтскую игрушку. Всѣ полевые произведенія черессы перерабатывали у себя дома: водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ они не знали, а размолъ производили на ручныхъ жерновахъ 8 перниковъ въ диаметръ. Замѣчательно хорошо они выдѣлывали крупу изъ гѣми. За то въ Дагестанѣ мельницы превосходныя, хотя и нѣсколько своеобразнаго устройства.

Въ Дагестанѣ обработка земли была еще затруднительнѣе. Воспользовались карнизными горь или, нарочно изрывъ ихъ терасами, горцы свозили туда изъ долинъ плодосную землю на ослухъ. Сколько разъ нужно было повторять эту экскурсію, чтобы образовать узкія полоски земли подъ посѣвы! Потомъ сверху, пользуясь какимъ-нибудь ручьемъ, проводилась вода по всѣмъ терасамъ, такъ-что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затѣмъ уже сѣялся хлѣбъ, сверху внизъ. Такъ-же сверху внизъ производилась и уборка жатвы. Такія обработанныя терасы и теперь часто встрѣчаются тамъ, гдѣ горцы остались на своихъ мѣстахъ; остальные представляютъ мерзость запустѣнія, отъ которой дѣлается тяжело на душѣ...

Видъ, въ самомъ дѣлѣ, всякое оставленное поле, великое заброшенное хозяйство вовсе не доказываетъ поступательнаго движенія прогресса! А такихъ полей и хозяйствъ здѣсь тысячи! Есть мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось по 3,000 человѣкъ на 1 квадратную милю, а теперь и по 30 по патеши.

— Куда-же мы дѣнеся на ночь?

— А вотъ сейчасъ выберемъ мѣсто. Погоди!

И Магомадъ-оглы пошелъ куда-то по кровлямъ ближайшихъ сакель.

Я стоялъ одинъ на парнизѣ—и страшное дѣло, какъ-будто и не кстати, передо мною разомъ возникла картина изъ далекаго-далекаго прошлаго.

Громадная зала, вся заставленная большими черными столами.

Лампы низко висятъ надъ ними, озаряя головы, наклоненныя надъ книгами. Въ углахъ и у потолка сгущается мракъ. Черная ночь смотритъ въ окна. Мы все, мальчуганы, сидимъ на табуретахъ, боимся шевельнуться, чтобы не попасть въ уголъ.

— Посторонними занятіями не развлекаться! У кого на столѣ будетъ не учебникъ — въ карьеръ! — свирѣпствуетъ воспитатель, шаршируя по срединѣ залы, ровно и медленно, отъ стѣны къ стѣнѣ, какъ мятникъ тутъ-же висѣщихъ часовъ. То онъ выстунитъ на свѣтъ, блестя широкою лысиной, то снова спрячется въ сумракъ. Худощавая фигурка его напрасно хочетъ быть величавой, оленьяя ножки старательно отбиваютъ темпъ: разъ, два! разъ, два.

Передо мной добросовѣстно развернуть учебникъ Марго, но за то въ наизящномъ выдвинутомъ ипшикѣ — одинъ изъ томиковъ кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиль. Рядомъ однозвучно-назойливо кто-то долбитъ:

«Россіяне отличались изстари великодушіемъ и гостепрѣимствомъ, россияне отличались изстари великодушіемъ и гостепрѣимствомъ, россияне...»

Съ другой стороны слышится такал-же долбня: квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ...

Но мнѣ ничего не слышно... Столько-же мнѣ иѣшуютъ они, сколько муха, что жужжитъ около, сколько монотонные шаги дежурнаго офицера. Передо мной развертываются чудныя тропическія картины, вѣчно везеныя пальмы смотрятся въ тихія воды бирюзовыхъ озеръ. Воздухъ полонъ аромата. Въ чащѣ лѣвъ притаился тигръ и зерко выглядываетъ оттуда, не покажется-ли одоло

стройный силуэт вѣтвистой серны. Вверху звенят невидимые хоры птичьихъ голосовъ. Ярко сверкая на солнцѣ, ползетъ громадная змѣя. И, словно змѣи, крадутся къ одинокому европейскому путешественнику нагіе дикари, готовы свои отравленные стрѣлы.

И гдѣ эти казенныя бѣлыя стѣны, гдѣ эти черныя столы; гдѣ эти долбышіе уроки товарищи?.. Дыханіе захватываетъ, жарко дѣлается, глаза горитъ, ощущение чего-то нескочущаго пробѣгаетъ по всему организму. Я самъ тамъ, съ этимъ европейцемъ-путешественникомъ, самъ стою съ ружьемъ и жду встрѣчи. И хорошо на душѣ, и поэтическіе сны роются въ головѣ, и мысль далеко-далеко бродитъ, за тридевять земель, въ тридесатомъ царствѣ.

Въ такомъ тридесатомъ царствѣ я былъ теперь и такъ-же жарко разливалась кровь по жиламъ, такъ-же порывисто дышалось... Совершенно тѣ-же ощущенія, тогъ-же неопредѣленный поэтическій восторгъ, только грены стали дѣйствительностью, сны видѣлись на яву.

— Намежь одну саклю! — прервалъ мои мечты Магомадь оглы.

И послѣдовалъ за нимъ, съ кровли на кровлю. Какъ все это ветхо! На одной крышѣ нога моя провалилась внизъ, едва удержался на другой. Въ промежуткахъ между саклями чернѣли внизъ бездонныя ямы. Прежде здѣсь были переброшены мостки, теперь все это лежало далеко внизу, разрушенное, упавшее. Черезъ эти интервалы приходилось перепрыгивать.

Наконецъ, Магомадь-оглы, шедшій впереди, провалился сплвзъ землю. Былъ — и нѣтъ его.

— Магомадь! — крикнулъ я.

— Но!... — послышалось, точно изъ погреба, внизу.

Пощупалъ ногой — отверстие внизъ. Лѣсенка въ немъ. Ходъ въ саклю черезъ провль. Осторожно спустился туда. Тьма — хотъ глазъ выколи. Добрался до пола. Что-то зашуршало мимо, хлопнулось объ стѣну, ударилось въ другую. Какія-то тѣлмыя, точно шероховатую пленкой обтя-

путыя крылья скользнули по лицу, скользнули вниз вдоль груди. Опять два-три размета — и летучая мышь шарахнулась въ дыру кровли. Противное ощущение! На лицѣ точно зудъ. Даже холодный потъ выступилъ на лбу.

Щелканье огнива о камень и брызги золотыхъ искръ въ черной, густой тьмѣ. Искры сыплются обильно. Завахло трупомъ, натертымъ порохомъ. Вонъ огонекъ рдѣеть тамъ. Все ярче и ярче. Видно Магомадъ возится за нимъ.

— Да вѣдь у меня спички есть! — догадался я.

Зажгли тонкую восковую свѣчку, бывшую со мной.

Голыя стѣны. Куча сора на полу. Что-то возится тамъ, только слышенъ шорохъ. Шорохъ и вдоль стѣнъ, въ которыхъ пустуютъ темными впадинами ниши. Склепъ, могила, только не жилие человѣка.

— Гдѣ-же тутъ спать?

Ни слова въ отвѣтъ. Магомадъ возится въ углу.

— Да чего ты ищешь тамъ въ углу, Магомадъ?

— Постой!

Что-то заскрипѣло, точно рваный петля..

Кунакъ мой отыскалъ люкъ.

— Это еще что за подземелье?

— Сюда пойдемъ!

И Магомадъ вторично провалился спиной землю...

Я, разумеется, последовалъ за нимъ. Въ полу была входъ во вторую саялю. Когда я, въ свою очередь, провалился въ нее, свѣжій воздухъ пахнулъ мнѣ прямо въ лицо... Стѣна оказалась пробитой не окнами, а какими-то круглыми дырками. Оттуда свѣтилъ сюда яркій мѣсяцъ, и ночная прохлада струилась вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, курящихся въ долинахъ... Тутъ и на полу были чинце, да и затхлость могильная не стѣсняла дыханія.

— Богатый хозяинъ былъ, хорошій человекъ... Кунакъ мой. Теперь умираетъ въ Турціи, должно быть...

И Магомадъ-оглы, насунувшись, сѣлъ въ уголокъ пустой саяли.

Тѣ-же иппи въ стѣнахъ... Днемъ тутъ, должно быть, филины да совы гнѣздятся... Ишь сколько перьевъ разбросано повсюду... Ищный пухъ мелкихъ птишекъ, вѣрно охотничья добыча ночного хищника... Свѣтъ луны былъ такъ ярокъ, что мы затушили свѣчу. Какая-то черная тѣнь мелькнула въ окнѣ и исчезла... Вѣрно большая птица пролетѣла мимо... И опять тишина невозмутимая.

И подошелъ къ бойницамъ... Эка пирь озаренная...

Точно серебрястый паръ заполонилъ весь этотъ просторъ... А все-таки жутко было при мысли, что вся эта скала можетъ разомъ рухнуть внизъ вмѣстѣ съ своимъ ненадежнымъ шедесталомъ — карнизомъ изъ обвѣтрившагося гранита.

Тутъ вѣдь должна быть дверь... Вѣрно и балконъ есть... Въ одномъ мѣстѣ, действительно, что-то сквозило точно лезвіе. Оказался выходъ. И осторожно пріотворилъ его... Мѣсяцъ ярко блеснулъ въ глаза и точно занавѣсь приподнялся надъ всею этою окрестностью.

Признаюсь, впрочемъ, въ своей трусости. На балконъ ступить я не рѣшился. Можетъ быть, подирки стнгли, долго-ли рухнуть! Все равно, и отсюда видны и разныя рѣли внизу, и бѣлыя стѣны аула, тоже оставленнаго горцами, и черныя силуэты горъ, оставшихся въ тѣни, за свѣтомъ. Какая это чудная пустыня, какое поэтическое убѣжище... Право, вполнѣ становится понятно, что финандскіе отшельники не особенно должны были страдать въ своемъ добровольномъ заточеніи, гнѣздясь на вершинахъ скалъ среди пустыни.

Магомадъ-оглы упорно молчать.

Я завернулся въ пальто и рѣшился заснуть, не обращая вниманія на лицеринъ, если-бы имъ вздумалось скользнуть около...

Долго-ли продолжалось мое забытье — не знаю. Помню, что нѣсколько разъ открывалъ глаза, встрѣчая все ту же яркую лунную ночь, и опять все мѣшалось передо мною... Будь тутъ спойъ камыша, — спать было-бы удобно...

Но этот жесткий полъ давалъ таки себя чувствовать, особенно послѣ цѣлаго дня, за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ, проведенныхъ въ сѣдлѣ. Наконецъ, удалось заснуть.

— Кунакъ! Кунакъ!

Я открылъ глаза.

Надо мной наклонился Магоматъ-оглы. Мѣсяцъ билъ прямо въ лицо ему, и такое на немъ было странное выраженіе, что я разомъ приподнялся. Старикъ весь блѣдный, въ глазахъ не страхъ, а что-то растерянное, недоумѣлое...

— Что тебѣ?

— Уйдемъ отсюда, пожалуйте, уйдемъ!

Голосъ какой-то нервный сталъ...

— Это зачѣмъ еще?

— Шайтанъ здѣсь... Внизу шайтанъ есть!

Видимо, старается тише говорить, чтобы его никто не слышалъ. Едва уловишь звуки словъ.

— Вѣрно сова крикнула...

— Говорю тебѣ, что шайтанъ... Слышишь?

И онъ взялъ меня за плечо. Чувствую, какъ вздрагиваетъ его рука.

— Ничего нѣтъ!

— Постой!

Тишина полная, ни звука... Даже звонъ въ ушахъ подымается, какъ всегда, когда кругомъ царитъ ненарушное безмолвіе,—тотъ звонъ, что похожъ на отдаленное пѣніе стрекозы въ жаркій лѣтній день подъ солнцемъ, среди застыншаго въ безвѣтріе зеленого дуга... Но вотъ... Что это?... Дѣйствительно...

Я самъ замеръ... Страхъ-ли Магомада такъ заразительно подѣйствовалъ на меня, или дѣйствительно холодно стало, только мени провила дрожь...

И опять ничего, и опять безмолвіе... полное, гробовое...

— Слышалъ?

Точно вѣтерокъ дунулъ въ ухо, такъ тихъ былъ голосъ моего товарища.

Я только кивнула головою... «Показалось», думаю. И опять... опять дрожь проняла.

Это не стонъ, не крикъ, а точно отголосокъ стона, отраженіе его... Шорохъ плерницы по залитому луныиъ свѣтомъ пространству пола слышенъ, но тотъ тайный, легкій звукъ какъ-то прямо проходить въ сердцу, принимается... Какъ онъ ни слабъ, но, казалось, если-бы мы даже причази, шумѣли, ухо все-таки уловило-бы его... Точно вздыхалъ кто-то внутри горы, и вздохъ страдальческій, больной проходилъ съвозъ камни невидимыми сиважинами и трещинами въ оставленную сакю.

— Шайтанъ...

— Что за пустяки!—опомнился я.—Такъ что-нибудь!

Но тутъ мою руку схватила его рука, холодная, влажная. Чувствую, какъ пальцы его впиваются въ мою ладонь, и я вполне понижаю его страхъ.

Стонъ слышится громче и на этотъ разъ уже не отголосокъ, а точно кто-то жалуется внизу... Такъ дѣти всхлипываютъ во снѣ...

Вѣдь и не вѣришь въ чертовщину, а волосы занеселились на головѣ... На нервы дѣйствовало.

— Что-нибудь есть. Голосъ слышенъ именно снизу... Вѣдь не съ боку, не сверху, а снизу... Это—человѣкъ!

— Какой человѣкъ будетъ тамъ плавать... Шайтанъ, говорю тебѣ.

— Магомадъ-оганъ, есть внизу что-нибудь? Погребъ, или, пещера, что-ли?

— Вѣтъ, такъ-же сакля!

— И въ нее входятъ изъ нашей сакли?

— Воизъ оттуда!

Магомадъ тревожно указалъ въ уголъ.

— Такъ-же, какъ мы вошли сюда изъ верхней?

— Да.

— Тамъ что-нибудь есть... Это или женщина, или ребенокъ!

Магомадъ сталъ еще блѣднѣе и судорожно ухватился за меня.

— Ребенокъ... да... ребенокъ плачетъ... Бѣжать надо, слышишь... Спорить бѣжать... Онъ часто оборачивается ребенкомъ и плачетъ, а какъ сойдешь къ нему, зубами за горло схватить, прокусить и провъ выщепеть... Да, это оно плачь, действительно, что дитя всхлипываетъ...

— Магомадъ, твоя жена, должно быть, похрабрѣй тебя. Ты бы ужъ за одно бабы шальвары надѣлъ. Вспомни, сколько тебѣ лѣтъ. Пристойно-ли старику, видѣвшему не разъ смерть лицомъ къ лицу, болѣться призрака? Можетъ быть, тамъ мучится кто-нибудь, нуждающійся въ нашей помощи, такой-же путникъ, какъ и мы!

Старикъ нѣсколько оправился, но я видѣлъ, что на него надежда плоха. Даже равнодушіе его, съ какимъ онъ принялъ названіе «бабы», доказывало, что онъ сильно растерянъ. Въ другой разъ это не сошло бы мнѣ даромъ.

— Гдѣ входъ туда?

Онъ указалъ на уголъ, остававшійся во тьмѣ.

Пришлось вздуть свѣчу. Пламя свѣтило тускло. Съ тѣнью же скрипомъ приподнялась доска люка.

Каюсь, я не рѣшался войти туда. Точно усмыдившись своего страха, Магомадъ-оглы приблизился и наклонился надъ отверстіемъ входа.

Это ужъ не стонъ... нѣтъ. Это слова слышны. Точно кто-то мечется въ недугѣ и усиливается говорить громче, когда мечи нѣтъ, и когда каждое слово его только вырывается изъ груди. Слушалъ этотъ ропотъ, такъ и представляешь себѣ, какъ должна судорожно подыматься и опускаться грудь, какъ вытягивается и выгибается шея несчастнаго прежде, чѣмъ онъ выдавитъ изъ нея хрипый звукъ.

Магомадъ уже совсѣмъ оправился. Онъ зорко смотрѣлъ внизъ и точно припоминалъ что то, бормоча про себя.

— Сандъ-ага!—крикнулъ онъ внизъ и прислушался. Стоны прекратились.

— Сандъ-ага!

Внизу кто-то заговорилъ, но такъ тихо... Этого, впрочемъ, довольно было Магомаду, и быстрее, чѣмъ я думалъ, онъ опустился внизъ. И постояль-постояль и рѣшился туда-же отправиться, «провалиться».

Провалился и—остолбенѣлъ.

Буча соломы, должно быть, принесена недавно. Лунный свѣтъ сквозь дыру въ стѣнѣ такъ и бьетъ туда, выхватывая изъ мрака лицо трупа,—трупа неподвижнаго, спящаго, но съ яркими, живыми, воспаленными глазами... Черные круги легли вокругъ нихъ, оттого они словно глядятъ изъ рамокъ, сосредоточивая свою силу. Горбатый носъ какъ-то заострился и посинѣлъ у ноздрей. Губы, землистыя, сморщенные, едва видны изъ-подъ свалившейся косами съдой бороды. Голый черепъ, угловатый, неровный, такъ и свѣтится. Въ первую минуту только черепъ да глаза и были различены мною.

Какая костлявая грудь! Лунный блескъ скрадывалъ впадины между ребрами. Выдѣлялись однѣ кости, точно скелетъ лежалъ передъ вами. Глазъ даже обманывался. Слово кости грудной кѣтки подымались и опускались судорожно. Видно, что старику трудно дышать было... Что-то хрипѣло у него внутри. А это развѣ не рука скелета? Вѣдь ни мускуловъ, ни жилъ не замѣтно. Ноги уходятъ въ темный уголъ.

— Сандъ-ага!

Онъ повернулся, и на минуту взглядъ его остановился на Магомадъ-аглы. Ни искры сознания. Видно, что не узнаеть его вовсе.

— Кто это?—спрашиваю.

Свутникъ мой молчитъ, пристально разглядывая лежащаго.

Поперекъ полосы луннаго свѣта, точно трещавшей на полу, черная линия посоха и сума... А тамъ даже, въ тѣни, еще два глаза... Еще силуеть... Неподвижно, опасно выглядываетъ чье-то лицо.

И взявъ за руку Магомада и швырнулъ туда.

— Ашпа!

И онъ подошелъ къ женщинѣ. На минуту лицо ея выдвинулось на свѣтъ, точно она хотѣла показаться Магомаду, и опять спряталась. Но совершенно достаточно было и этого, чтобы разсмотрѣть другой трупъ, другія заострѣвшія черты... Только онъ какъ-то дико выдѣляется изъ-за сѣдыхъ придеи волосъ. Лохмотья едва закрываютъ тѣло...

Какъ хрипло говоритъ она... Магомадъ вѣжеся сильно взволнованнымъ. Неужели слезы, у него, у этого стараго дагестанскаго воина?

— Умирать вернулася сюда! — прерывисто сообщаетъ онъ мнѣ. — Умирать пришли изъ Турціи... На отцовскія могилы... Саидъ-ага большой человекъ былъ... Пять ауловъ у него подъ рукой считалось... А это Айна — жена!

И онъ опять распрашивалъ женщину.

— Тайно шли... по ночамъ. Боялись, что не пустятъ въ старый аулъ. А имъ только и всего — умереть на родной землѣ. Старикъ недѣлю ужъ боленъ. Жена ему помогаетъ.

— Отчего-же они не зашли сначала въ аулъ къ вамъ? Могли-бы отдохнуть тамъ.

— Вай-вай! Твоя голова да будетъ здорова. Что это говоришь ты? «Возьми свои мысли въ руки». Да ихъ-бы тамъ сейчасъ русское начальство остановило, и вмѣсто того, чтобы умереть здѣсь, они умерли-бы въ тюрьмѣ...

Саидъ-ага, не желая покориться русскимъ, выселился отсюда, со всѣмъ ауломъ, въ Турцію. Здѣсь онъ былъ богатѣе человекомъ. У него ходили по дугамъ табуны коней, стада барановъ паслись въ окрестностяхъ. Вокругъ сакли его, внизу тамъ, на цѣлую версту раскидывались фруктовые сады. Виноградники сходили къ самой рѣкѣ, переливались съ полями пшеницы и посявами кукурузы... Онъ бросилъ все. Продавать землю, домъ, имущество было некому и некогда; ему не вѣрилось, что оставшихся заставятъ перейти на другія мѣста и построиться въ казачьихъ станицахъ. Саидъ-ага собралъ, что было, что можно взвалить на лошадей и ословъ, и

съ нѣсколькими вьюками отправился въ Турцію, уводя за собою дочерей и сына... Прошло осень лѣтъ, и онъ возвратился назадъ, оставивъ дочерей въ гаремѣ какого-то пашы, а сына зарѣзаннаго курдами, въ придорожномъ рву негостепріимной чужбины. Старика тлело назадъ. Тамъ, среди малозвѣскихъ равнинъ, ему грезилась постоянно родина, ея свѣтлыми горы, ея благоуханныя долины. Только бы взглянуть на все это еще разъ—и умереть, умереть у себя, лечь тамъ, гдѣ легли цѣлая половина его нѣкогда славнаго и могучаго рода... И вотъ онъ, словно травленный волкъ, пропрался сквозь кордонную линію, черезъ ахальскихій уѣздъ, вступилъ въ Закавказье, прошелъ Гурію, Карталиню, съумѣлъ проскользнуть незамѣченнымъ черезъ Тифлисъ, и все-таки нѣшкомъ, едва ступая своими старческими ногами, добрался до Дагестана. Воображаю, какъ шли сюда эти путники, мужъ и жена, старцы, опиравсь о свои посохи, сгорбясь, шагъ за шагомъ. Сколько мѣсяцевъ должно было пройти прежде, чѣмъ они увидѣли эти скалы, эти полуводоушные карнизы, эти ласточкины гнѣзда, прежде, чѣмъ онъ остановился здѣсь на высотѣ, съ печальнымъ восторгомъ оглядывая окрестности, гдѣ нѣкогда онъ былъ властелиномъ и куда теперь возвращается безправнымъ нищимъ, хоронясь отъ свѣта Божьяго, отъ взгляда людскаго!..

Не такъ-ли загнанный, раненый звѣрь забирается по дальше въ свое логовище, чтобы молча, безъ слова, умереть въ покоѣ, не видя за собою погони, не слыша злобнаго лая остервенѣлой своры и безумнаго гиканья забрызганнаго кровью хозяина.

Говорилъ одинъ Магомадъ. Больной только хрипѣлъ; жена его молчала, опустивъ голову, точно она потеряла языкъ. Видно, что словъ не было передать всю тоску, всю муку своего сердца... Видно, что заостенѣла она отъ этой боли... Плакала-бы, да слезъ нѣтъ... Высохла давно, и внутри все жжетъ.

Сталъ ей Магомадъ про своихъ рассказывать, про род-

ныхъ, знакомыхъ, — и головы не подняла. Видно, все въ ней замерло.

— Ахъ, вы бѣдные, бѣдные... Мой аулъ недалеко... Нужно перенести къ себѣ... Саидъ-агъ не долго жить!.. А какой узденъ былъ! Какъ мы съ нимъ вашихъ били! Въ пяти набѣгахъ вмѣстѣ участвовали. Съ Шамилемъ на Тифлисъ выходили... Да, было время! Точно солнцемъ въ голову ударить, какъ вспоминишь прежнее... Точно заслѣпить тебя... Великъ Богъ и Магометъ пророкъ его. Они знаютъ, для чего испытываютъ свой народъ!..

Глаза мои нѣсколько привыкли къ темнотѣ, и я различалъ, почти всю, женщину, сидѣвшую въ углу: голова ея какъ-то упала въ плечи, приподнятая вверхъ, руки спаты были между колѣнами. Какъ должны были изголодаться они!..

Магомадъ-аглы далъ ей было мяса. Она только посмотрѣла на него и опять поникла...

— Абрекомъ былъ, всегда у Саида прятался... Могучій человекъ!.. Работъ у него были сотни... Три жены въ гаремѣ сидѣло... Самъ Шамиль (да успокоитъ Аллахъ святую душу его въ рай!) уважалъ Саида... А теперь — вонь... Солома... Точно шакалы его оборвали кругомъ... Ай, Саидъ, Саидъ!.. Зачѣмъ мы еще живемъ, зачѣмъ Азраэль не возьметъ насъ отсюда?.. Лучше-бы насъ въ бою убили, чѣмъ такъ кончать!..

Я понималъ, что мое присутствіе, какъ бывшего врага, не совсѣмъ удобно и непріятно дѣйствующимъ лицамъ послѣдняго акта этой потрясающей драмы изгнанія и смерти... Поднялся на верхъ, только до самаго утра не могъ заснуть. Передо мною возникалъ образъ этого умирающаго старика, жизнь, полная поразительныхъ контрастовъ. Приволье горскаго узденя, богатство, безшабашная жизнь смѣлаго воина газавата — и потомъ нищенство въ малороссійскихъ деревушкахъ, страдальческое зломиничество на родину и безмолвная смерть въ оставленномъ аулѣ, нѣкогда кичѣвшемъ жизнью и силой, а теперь молчаливонъ, разрушающемся..

Уирутъ здѣсь старики, уирутъ въ саклихъ, гдѣ они выросли, гдѣ шумѣли ихъ дѣти, гдѣ умерли ихъ отцы...

Такой-же бродяга-туристъ, какъ я, случайно, черезъ нѣсколько лѣтъ, забредеть сюда и на сгнившей грухѣ соломы найдетъ чьи-то разбросанныя кости... И никто ему не расскажетъ о величавой эпопее страданій, совершившихся здѣсь, въ этихъ голыхъ, размаливающихся стѣнахъ ласточкины гнѣзда... И сколько такихъ костей разбросано по Дагестану, въ оставленныхъ аулахъ земли Адыге на восточномъ берегу Чернаго моря... Роется въ нихъ голодный шакаль... выковыриваетъ мертвые очи хищный воронъ и, словно торжествуя, каркаетъ съ высоты на весь просторъ этой грандіозной долины...

И только старикъ чугурчи, перебиралъ свою двухъ-струнную балалайку, вспомнить, что былъ когда-то великій узденъ Сандъ-ага, и передать о немъ возлюбленной молодежи!..

Магомадъ только утромъ вышелъ изъ подвала. Онъ даже не взглянулъ на меня...

Спустился полчасу мы спускались внизъ. Надъ нами висѣлъ карнизъ оставленнаго аула. Въ солнечномъ блескѣ оцинкованными гнѣздами чернѣли сакли... Бонъ тамъ, свозъ эту черную продушину окна, смотреть теперъ умирающій... Голубое небо свѣтитъ ему... Второкъ заноситъ ароматы горныхъ цвѣтовъ въ его велью... И, въ агоніи, онъ станетъ вызывать свои дружины, что давно лежать въ горныхъ могилахъ, воинственный крикъ газавата въ послѣдній разъ надорветъ его грудь и, улыбаясь ангелу смерти, замретъ старикъ, воображал, что кругомъ звенятъ шашки, и льется кровь, что онъ блженно мчится впереди своихъ узденей, разбивая по вѣтру священное знамя пророка!..

Молчаливо, покорно, безъ видѣній и грезъ сойдетъ за нимъ въ могилу Айна... Развѣ-развѣ примерещутся ей ласковые голоса дѣтей, разбѣянныхъ на чужбинѣ... Пахнетъ благоуханіемъ тѣхъ розъ, которыя давнымъ-давно насадила она въ своемъ садикѣ... Такъ тускнеетъ по-

слѣдній лучъ заката, такъ медленно замираетъ далекая пѣсня!..

— Ахъ этого не забудеть!.. Неужели не исполнилась мѣра гнѣва его!—въ глухомъ, безвыходномъ отчаяннѣи шепталъ про себя Магомадъ-оглы, взбирался на крутой гребень скалистой горы...

А яркое небо безоблачно; весело шумитъ потокъ, сбѣгавъ въ долину, еще веселѣе свищетъ птичка въ тутовомъ деревѣ.

И опять пахнетъ жасминами...

VI.

Еврейскій аулъ.

Дальше... грохотъ ручьейъ справа и слѣва.

Медленно подвигаемся мы по дну ущелья, слѣдуя за капризными извилами какой-то рѣченки. По ней въ эту пору вполнѣ безопасно прошла-бы курица, но шумитъ она такъ, что я порою вижу только, какъ мой Магома ротъ отерываеть, а словъ его не слышу вовсе. Попадаетъ въ русло камень, обломокъ какой-нибудь скалы—рѣченка ныжится немощно, взмываетъ вся, перебрасывается черезъ него гремящими струями и, обѣжавъ препятствіе, долго еще злится и ворчитъ, вымещая свою досаду на мелкихъ кремняхъ, на золотистомъ пескѣ, наконецъ на насъ, неповинныхъ путешественникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это ужъ ставозится невыносимо. То-и-дѣло обдѣетъ мелкою водяною пылью или хлещетъ въ лицо крупными брызгами. Не знаешь, куда дѣваться. Попробовалъ я было взобраться на откосъ, но конь мой оттуда торжественно сползъ вмѣстѣ съ осыпавшимися глыбами земли и вслѣдъ за ними и я, и они очутились въ самомъ руслѣ. Тутъ и растительность была чахлая; только въ трещинахъ камня зеленѣли какіе-то кусты съ ярко-красными цвѣтами, отъ запаха которыхъ пружилась голова, да точно голубая эмаль по золоту, на

прямо освященных солнцем пѣтникахъ желтого камня ласково улыбались намъ знакомыя сѣверныя незабудки.

— Что-жь, споро?—спрашиваю я у Магомы.

— Ауль?.. А если я тебѣ скажу, развѣ ближе будеть?—философствуетъ сумрачный горецъ.

— Должно быть, ты и самъ не знаешь?

— Пять поворотовъ, а тамъ долина. Изъ долины дорога вверхъ пойдетъ. Вверху и чуль.

— Чуль? Что это такое?

Деревни свои такъ называютъ евреи.

— Отчего же здѣсь такъ пустынно? Ни одного аула нѣтъ.

Хмуро оглянулся Магома.

— Не тебѣ спрашивать! И тутъ былъ ауль,—помахнулъ онъ изъ вершину довольно пологой горы, по откосамъ которой были разбросаны великолѣпныя купы орѣшниковъ и лсеней;—и тамъ ауль стоялъ,—показалъ онъ головой на темное ущелье впадо, сплошь заросшее одичавшею чащею черешней и яблони. — Назадъ три пустыхъ аула оставили. Спроси у горнаго вѣтра, гдѣ ихъ жители. Но чужбинѣ въ одиночку блуждаютъ, точно также-же, какъ чекалки бродить въ ихъ оставленныхъ жилищахъ. Вонъ этому шайтану привольнѣе и лучше, чѣмъ такому джигиту, какъ Саидъ-агѣ...

— Какому шайтану?

— Не видишь!

Прямо надъ нами словно повисла какал-то большая птица, широко разбросивъ крылья, серебрившися на солнцѣ. Большия, круглыя, золотыя глаза смотрѣли на насъ и, вѣрно, ничего не видѣли. Встревожилъ-ли его кто изъ сырого и теплаго убѣжища въ нишѣ стѣны спальни, или самъ онъ поднялся въ ущелье въ неурочное время? Магома нехоти вытащилъ ружье, до сихъ поръ мирно болтавшееся за спиною. Небрежно, словно не глядя, навелъ его—и тотчасъ-же загремѣли вокругъ пробужденныя нами окрестности. Направо и назѣво, впереди и позади — точно сотни выстрѣловъ. Гулко перехватываетъ.

Каждая скала, каждая гора отразила ихъ; въ каждую пещеру, слѣдуя по ея извилинамъ и постоянно повторяясь, возвращался этотъ грохотъ. А на пескѣ вздрагивалъ громадный филинъ-пугачъ, переводя маховыми крыльями и поминутно раскрывая клювъ, точно ему дышать было нечѣмъ. Еще болѣе неудомѣло-приталъно смотрѣли на насъ его налитые золотомъ глаза. Даже и вѣки не смежались.

— Зачѣмъ ты это?

— Его жалѣть нельзя. Ты знаешь-ли, кто онъ?

— Птица!

— Какая! Тутъ прежде, давно это было, злое племя по горамъ сидѣло. Съ шайтаномъ дружилось, всякаго, кто попадалъ къ нему, живого въ огнѣ жарило и пожирало. Сами это племя не знало вовсе. Что зѣбри, голое по лѣсамъ шаялось, а внизъ, въ долины, сходить не смѣло, потому что наши муллы закляли его!

— Было у него оружіе? — заинтересовался я горною легендой.

— Нѣтъ. Дублемъ дралось, камнями. Что наши мальчишки — изъ пращи. Стало намъ тѣсно, внизу мѣста не хватило, муллы велѣли въ горы идти. Пошли, только каждый кусокъ земли намъ съ бою доставался!

— Да вѣдь какъ-же они дралась, не камнями-же остановить насъ могли?

— Силы непомерной были. А главное — шайтанъ помогать имъ. Сегодня выстроимся, а ночью онъ, поганый, завалитъ аулъ камнями. Навеземъ снизу земли для садовъ — червей пошлетъ или всю ее пескомъ занесетъ. Наконецъ, стали мечеть строить. Что за день сдѣлаемъ — ночью все рухнетъ!.. Самые умные муллы думали — ничего придумать не могли, пова не пришелъ одинъ ходжи, побывавшій въ Меккѣ. Ну, тотъ все сразу понялъ. Велѣлъ найти такого ребенка, за которымъ грѣховъ нѣту, да чтобы онъ единственный былъ у матери, да чтобы его отецъ святой жизнью былъ известенъ, да чтобы на груди у ребенка луна, въ видѣ родимаго пятна,

олизначалась. Десять лѣтъ искали — не нашли. Наконецъ, услышали отъ проезжаго еврея одного, что есть такая семья и ребенокъ такой, далеко-далеко, въ Кабардѣ селеной. Что было дѣлать? Сказали ходжи. «Непрѣменно добудьте его», посоветовали. Пошли наши набѣгомъ. Много прови произошло, сколько тысячъ человекъ убили — одинъ Алахъ да Магометь, пророкъ его, сосчитать развѣ могутъ. Разорили сто ауловъ, а мальчишку живьемъ добыли. Привезли къ ходжи. «Ну, теперь, говорить, начинайте строить мечеть, только внизу ему выройте». Вырыли. «Посадите туда мальчишка, чернаго пѣтуха и бѣлую кошку». Посадили. «Заложите ихъ камнями сверху». Жалко было, да что-жъ дѣлать — заложили. «Теперь, говорить, выводите стѣны — прочно будетъ». И вѣрно! Прошла ночь — все цѣло, слышно только было, какъ шайтанъ по горахъ да по ущельямъ до утра плакалъ, что власти у него нѣтъ, что царство его отошло.

— Ну, а ребенокъ что-же?

— Ребенку что! Его душа — прямо въ рай. Люди видѣли, какъ черезъ три дня изъ этихъ самыхъ камней, которыми яма была заложена, вылетѣла зеленая птичка и прямо къ небу взвилась. Откуда ни возьмись, кинулся за ней черныи коршунъ, — это шайтанъ былъ, — только съ неба его громомъ ударило, такъ и не удалось ему зеленую птичку добыть. Ну, вотъ, какъ достроили мечеть — и аулы начали въ горахъ ставить, шайтанъ уже ничего не могъ намъ дѣлать. Только дикое племя этого самаго святаго ходжу поймало, сжарило и съѣло. Жирный былъ! Тутъ и случилось чудо великое. Все, кто ѣлъ его или былъ при томъ, разомъ въ филиновъ обратились, и положено имъ плавать каждую ночь, такъ чтобы все правовѣрные слышали, какъ они кажутся. Всей остальной твари повелѣно самимъ Аллахомъ ненавидѣть и убивать ихъ; оттого они днемъ ничего не видятъ. Выйди ночью въ садъ — не заснешь, какъ начнетъ плакать этотъ шайтанъ надъ тобою. До утра проплачетъ, проклятый. Вотъ здѣсь какое чудо было, и вотъ отчего въ горахъ такая

свершая слѣпая птица завелась! Пить Бога, прохъ Бога, а Магома — пророкъ его!

Сообщивъ мнѣ горную легенду, Магома точно самъ испугался, что говорилъ такъ много. Брови нависли еще ниже, лицо стало еще сумрачнѣе, и точно закаменѣлъ человѣкъ — ни слова. Наконецъ, Магома мало-по-малу вышелъ изъ своего оцѣвѣнія.

— Ты меня прости! — извинился онъ. — Много ужъ тутъ накопилось, — показалъ онъ на сердце. — Сюда подошло! — И онъ провелъ пальцемъ поперекъ горла. — А всего обиднѣе, что и между нашими отступники показались. Подъ урусомъ, видишь, жить спокойнѣе. Точно орелъ горной курицей сталъ!.. Такіе люди появились между нами, что за барана «могила матери своей продадутъ и въ бороду мертвого отца плюнутъ». Вотъ какіе люди! Видно, на нихъ по ошибкѣ мать падла панаху, а не платокъ. Не даромъ у насъ поютъ про нихъ: «у кого шашлыкъ есть, у того вы работники; у кого есть буза, у того вы гости; у кого есть дѣвушка, у того вы просители. Не дадутъ ихъ — только плакать станете. Об, вы, собачья рты, саранча голодная! Панаха ваша — тринва ясельничная, ружья на плечахъ — стебли кукурузные!.. Когда другіе воевать идутъ, вы за жирнымъ пловомъ сидите, дочери блудницы!..

— Какіе люди нынче стали — срамъ сказать! — жаловался Магома. — За послѣднее время только одинъ памятникъ мой, Джафаръ, настоящимъ человѣкомъ оказался!

Я заинтересовался, что, по понятіямъ Магомы, соединяется съ представленіемъ о настоящемъ человѣкѣ. Оказалось, дѣло очень оригинальное. Джафаръ никогда и ничего не просить. Если что нужно, отправится тайкомъ въ чужой аулъ и самъ добудетъ оттуда. Пачька-ли, съ оружіемъ въ рукахъ, хитростью — только никакъ не съ согласія хозяина. Пить бузы Джафаръ можетъ, сколько угодно, и пьянъ не будетъ, потому что настоящий человѣкъ всегда долженъ быть трезвымъ, хоть-бы онъ цѣлый

бурдюжъ русской водки выпили. Враги всегда завидуютъ «его дыму», онъ храбрый молодецъ, и никто до сихъ поръ не рѣшился вызвать его на доказательства такой храбрости, потому что помнить, какъ онъ одинъ-на-одинъ горнаго медвѣдя ваялъ. Посватался онъ за одну дѣвушку, да родные сибирны были. «Ничъ, говорить, не надо бѣдника. Пусть сначала пять коровъ кунитъ», да и дѣвушка, говорить, другого любила. «Баба подлая тотъ, кто обращаетъ вниманіе на это».

— Вотъ тебѣ и на!—не удержался я.

— А по-твоему какъ: другого любить, такъ и уступить? Такъ можетъ сдѣлать только тотъ, на котораго «еще недавно шальвары надѣты!»

Джафаръ, оказывается, поступилъ какъ-разъ по рецепту трагическаго злодѣя Магомадь-оглы. Онъ подобралъ трехъ сорванцовъ и среди бѣлаго дня, не выходя изъ аула, схватилъ несчастную дѣвушку на улицѣ. Пока сбѣжались на крикъ ея сосѣди и родные, онъ съ нею бросился въ ближайшую саклю. Хозяйка ея, по горному обычаю, хотя-бы и не сочувствовала такому поступку, не смѣетъ отказать «храброму молодцу» въ пріютѣ и зашитѣ, если не хочетъ прослыть «собачьимъ ртомъ» и «трусливою чекалкой». Двери заперли. Родные дѣвушки и знакомые стрѣляли въ саклю, старались выломать двери, орала во все горло, мать царапала себѣ лицо, рыдала, но «храбрый молодецъ» въ это время насилывалъ спокойно свою жертву, предварительно связавшую его друзьями, такъ-что потомъ она поневолѣ должна была сдѣлаться его женою. Воображаю положеніе родныхъ, слышавшихъ отчаянные вопли дѣвушки... Ночью друзья «храбраго молодца» Джафара съуищли его съ дѣвушкой припрятать. Черезъ нѣсколько дней на аульной площади зарѣзали нѣсколько быковъ, доставленныхъ Магомадомъ, угостили весь джамаатъ, а спустя двѣ недѣли отпраздновали свадьбу Джафара... И просто, и скоро!

— А если-бы дѣвушка и послѣ этого не вышла за него?

— Не можетъ этого быть! — рѣшительно оборвалъ Магомедъ.

— Какъ не можетъ?

— Очень ясно... Ты, какъ курица, что ночью во снѣ таракана видѣла, а, проснувшись, не понимаетъ, куда онъ дѣвался!.. Кто женится на обезглавленной дѣвушкѣ? Кто рѣшится?.. Джафаръ-бы надъ нимъ всю жизнь смѣялся. «Я де познакомился медомъ, а ты ѣшь воскъ».

Таковъ идеалъ «настоящаго человѣка» Джафара.

— Въ прежнее время онъ-бы мюридомъ сталъ, у самаго-бы Шамшиль былъ! А теперь такъ, даромъ пропадетъ малыш!.. Никакого ему дѣла по душѣ нѣтъ. Не все же чужихъ коней угоять. Настоящей «веселой игры» нѣтъ нилче, потъ въ чемъ бѣда; не по обычаю живемъ. «Въ свой родъ чужого хозяина пустизи», ну, и должны терпѣть, что онъ за собой и корову свою привезъ туда!> Да! Очень вы обидѣли насъ, очень! И зачѣмъ мы вамъ? Вовази-бы, какъ прежде, что-же это за война, что-же это за удалая потѣха, когда вы у насъ колыбели наши и могилы отцовъ, землю горскую забираете?

Миновали мы и пять поворотовъ, и наверхъ взобрались.. въ хорошо протоптанную тропинку попали. Кая-то сиринучая арба медленно ползла впереди съ духтаръ-эмберъ-гуччеги, еврейской красавицей, старательно закрытой со всѣхъ сторонъ коврами, полагаю, что не отъ чужого взгляда, а скорѣе отъ солнца, потому что когда мы поравнялись съ этимъ Носвымъ ковчегомъ, поставленнымъ на колеса, еврейская красавица выглянула оттуда, поразивъ насъ какинъ-то клявообразнымъ носомъ, сросшимися бровями и черными глазами, весьма не выразительными, въ видѣ двухъ воринковъ, вкрапленныхъ въ бласе тѣсто. Разумѣется, виски около глазъ черной шеголихи были разрисованы шариками и черточками... Удовлетворивъ свое любопытство, она исполнила горный обычай, онустивъ на лицо платокъ.

— Это вторая жена знакомаго еврея здѣшняго! — объяснилъ Магома, считавшій неприличнымъ влнаться женщиной.

— Какъ вторая? Да развѣ у евреевъ по нѣскольку жень?

— Чего же ты удивился? По три есть!

И, разумеется, не повѣрилъ, зная, что многоженства у европейскихъ евреевъ не допускается, но потомъ самъ убѣдился, что горные кавказскіе евреи (законы Моисеи не запрещаютъ этого) имѣютъ зачастую по три и по двѣ жены, въ чемъ, несомнѣнно, сказалось вліяніе племенъ, среди которыхъ вѣзались еврейскіе аулы.

— Одно у нихъ дурно, — соображалъ Магома, — наши жены мирно живутъ между собою, а у горскихъ евреевъ постоянныя ссоры. Потому мужья и стараются по разнымъ пуламъ расселить бабъ, и всю жизнь проводить, переѣзжая изъ одного аула въ другой. Нѣсколькими хозяйствами живутъ.

Мы постигали мелкорослыхъ япизковъ съ вязанками дровъ и хвороста; гнать ихъ черномазый оборванецъ, громадная папаха котораго, несомнѣнно, была больше его самого. Тягъ не менѣе, у пекса болтался кинжалъ, а громкій гогосъ мальчугана раздавался такъ самоувѣренно и смѣло, что даже Магома сочувственно улыбнулся, если можно считать улыбкою какое-то вздрагиваніе съдыхъ усовъ.

— Настоящій мужъ будетъ. А между нашими такихъ мало.

— А это кто же?

— Еврей.

— Съ чего онъ такой громадный кинжалъ надѣлъ?

— Это сынъ одного кунака моего, Мадре... Ты не смотри, что онъ малый... Этимъ самымъ кинжаломъ онъ разъ отъ волка отбился. И на дерево лѣзть не захотѣлъ, потому что у него орлиная душа. Стыдно бѣжать тому, у кого на головѣ не платокъ, а папаха, если у него въ рукѣ есть кинжалъ... Выростетъ — большой храбрецъ будетъ!

Еврейчикъ почтительно приостановился, выждать Магомадь-оглу и тихо привѣтствовалъ его словами: барухъ-

табо (да будетъ благополученъ мангъ прѣздъ). Несмотря на самоуверенность и мужество мальчика, въ глазахъ его прослѣчивалось грустное выраженіе, общее всему племені семитовъ, — что-то серьезное, недонускающее громкой шутки и слишкомъ безцеремонной веселости. На одномъ изъ ослиновъ болталось ружье, вскинутое туда пастухомъ. Ослы ступали мѣрно, плотно вбивая копыта въ твердую землю и звонко позванивая колокольцами. Япала эти были очень жирны, такъ и лоснились. Видно, у хорошаго хозяина въ рукахъ. Дойдя до самой верхушки гребня и увидавъ выкзу ауль, они, точно предварительно сѣлись, словно по камертону, разомъ заорали на весь просторъ. Оглушила даже, такъ-что Магонадъ сплюнулъ въ сторону. Одинъ изъ этихъ пѣвцовъ былъ украшенъ лентами, кусочками алаго и желтаго сукна и множествомъ бубенчиковъ. Онъ шелъ впереди, служа для остальныхъ, такъ сказать, путеводителемъ. Зачастую, выйдя изъ лѣса, пастухъ пускаетъ такимъ образомъ стадо, и оно само, слѣдуя за вожакомъ, добирается до дому.

Добрались и мы, наконецъ, до вершины холма.

— Что это? — невольно воскликнулъ я, приостанавливая лошадь.

Весь противоположный склонъ былъ загроможденъ саклеями. Между ними — ни площадей, ни клочка сада. Одни узкіе переулки свисаются, разбѣгаются и пропадаютъ въ кучахъ безпорядочно разбросанныхъ саклей. Сады и хорошо обработанныя поля точно рамкою окружали этотъ ауль снизу. Глазъ не зная, на чемъ остановиться. Холма не было видно подъ этимъ муравейникомъ, кипѣвшимъ тысячами жизней и оглушавшимъ васъ могучимъ гуломъ громкихъ голосовъ. Какая разница съ татарскими аулами! Туда подъѣзжаешь — тишина ползала. Тутъ точно каждый обитатель жалкихъ мазанокъ считаетъ своею обязанностью орать на весь этотъ зеленый просторъ. Словно золотыя пластинки, блистали подъ солнцемъ, уже заходящимъ, плоскія кровли саклей, выстроены

ныхъ изъ камня, на грязи или на глинѣ вместо цемента. Словои дыры, въ этихъ мазанкахъ чернѣли одна, липенныя рамы и стеколы, только ставни болтались иногда на одной петлѣ... Груды камней избирались одиѣ на другіе, точно школьники, когда какой-нибудь шалунъ заоретъ: «мала куча!» и на опрокинутого имъ мальчешка валится, сажая голову, цѣлый классъ. Одиѣ сали точно перелѣзаютъ черезъ другія. Тутъ нѣсколько мазанокъ лѣстницей — маленькія на большихъ, а сверху ужъ совсѣмъ микроскопическія. Внизу даже не размотришь, точно ложкою размѣшанное мѣсно. Цѣлое море плоскихъ кровель. И какъ все это людно! На улицахъ бѣгаютъ пестрыя толпы, женщины группами сидятъ на крышахъ, точно подъ страхомъ смертной казни запрещено имъ пребываніе дома. Румяные отблески заката, обливая багрянцемъ и золотомъ эту кипѣнь люднаго аула, еще болѣе жизни и красоты придаютъ ему. А тамъ дальше, за ауломъ, на ровномъ лѣсномъ идетъ зеленая поляна, и только розовой зѣмой, блистая на валучинахъ своихъ расплавленнымъ золотомъ, вѣетъ узенькая рѣченка, пропадавъ тамъ, гдѣ и лѣса вѣдутся какими-то сѣроватыми облаками... А еще дальше, только въ сторону, стали грандіозныя силуэты главнаго хребта, вершины котораго огнистыми коронами и пламенными кострами сверкаютъ надъ закурившимися уже вечернимъ туманомъ долинами.

— Что-же это, неужели тутъ и мусульмане живутъ? — съ недоумѣніемъ указавъ я на минаретъ нестрой, точно желтыми и голубыми изразцами покрытой мечети.

— Нѣтъ. Это ихняя мечеть, еврейская.

— Синагога?

Оказалось, что горные евреи всѣ свои синагоги строятъ такимъ образомъ. Ихъ не отличишь издали отъ мусульманскихъ мечетей. Иногда они и расписаны изъ татарскомъ вкусѣ.

Еврейскій аулъ, куда мы столь торжественно всту-

пази, принадлежала еще недавно къ числу «немирныхъ». Онъ держался Шамиля, и между мюридами этого владетельна кавказскихъ горъ было не мало хребцовъ отсюда.

Магомадъ-оглу навстрѣчу слышались привѣтствія. Мусульманинъ, презирающій городского еврея, ненавидящій русскаго, съ виднымъ уваженіемъ относился къ горнымъ евреямъ. Вообще окрестное населеніе нисколько не отличаетъ себя отъ нихъ. Случались даже и неѣроятныя сближенія. Горцы отдавали дочерей своихъ замужъ за евреевъ, а зачастую и сами евреи, по мѣстному обычаю, силкомъ увозили красавицъ изъ мусульманскихъ ауловъ. При такихъ обстоятельствахъ иногда начинались безконечныя «нашлы» съ убійствами, грабежами, преслѣдованіями; чаще-же враги мирились, и «прекрасная Елена» изъкого-нибудь горскаго аула оставалась въ саванѣ у похитившаго ее Париса изъ племени израиля.

Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ гуще была шумная толпа.

Подъ конецъ, не добывая полуверсты до аула, мы двигались, точно подхваченные волною. Нельзя было повернуть ни вправо, ни влево; со всѣхъ сторонъ сплошная стѣна любопытныхъ, быстро переговаривавшихся съ Магомадъ-оглы. Сообщительность горныхъ евреевъ изумительна. Они сами изспрашивали насъ обо всемъ и, въ свою очередь, рассказывали свѣжія слухи своего аула. Все это дѣлалось такъ добродушно, что не тяготило насъ! Эта болтливость была безъ изоблиности. Интересовались они всѣмъ. Правда-ли, что турецкій султанъ истребилъ глауровъ по всему лицу Порты оттоманской, правда-ли, что въ «Тышлизѣ» женщины перестали носить шаровары, а облеклись въ какіе-то широкіе зонтики? Правда-ли, что гдѣ-то въ теченіе трехъ дней видѣли звѣзду съ тремя хвостами, а бѣлая собака заговорила по-человѣчьи и войну провозвѣстила? Правда-ли,

что въ виду войны урусъ всѣхъ евреевъ забереть въ солдаты и заставить ихъ принять христіанскую вѣру? («Еще-бы не правда, — подтверждаютъ сосѣди: — самъ мулла Ибрагимъ сказывалъ!») А знаютъ-ли «многочисленные хахамы» (это — мы!) о томъ, что въ ихъ аулѣ ибн-ная Шуманита только-что родила тройню, по мѣстному обычаю, лежа на землѣ. «И всѣ мальчишки!» восторжались болтуны. Хозяинъ (т. е. мужъ) по этому поводу зажегъ у себя свѣчи и развѣсилъ по стѣнамъ золотыя бумажки съ именами разныхъ ангеловъ, которые и новорожденныхъ, и мать будутъ охранять отъ позней дьявола. Черезъ нѣсколько дней допустить къ ней жепцинь, и тогда «мы сообщимъ вамъ остальное!» успокаивали насъ евреи, точно судьба трехъ новыхъ гражданъ аула насъ интересовала въ одинаковой степени съ ними.

— Хозяинъ, вѣрно, позоветъ хахама на торжество обрѣзанія! — додумывался съ одной стороны.

— Онъ богатый. Куръ и гусей подадутъ вволю! — прибавляли съ другой. — Можете быть сколько хотите!

— Мать два раза землю съ могилы пила!

— Не два раза, а одинъ.

— Ну, ты мало знаешь. Мнѣ сестра рассказывала!

Если роды очень трудны, то берутъ землю съ недавней могилы, разводять въ водѣ и даютъ выпить страдалицѣ. Не унимается боль — повторяютъ то-же средство, только еще глубже берутъ такую-же землю.

— Не знаете-ли вы, помогаютъ-ли отъ лихорадки перья бѣлаго пѣтуха? — добивался въвой-то старикъ.

— Да развѣ они перья, чтобы лечить большихъ? — возражали ему. — Ты-бы старухъ своихъ спросилъ!

— Да онъ ужъ лечилъ. Не помогаетъ.

— А водунъ аульный что-же?

— Двухъ барановъ требуетъ, безъ того нейдетъ.

— Ай-вай, двухъ барановъ! Чтобы душа его бабки поданилась имъ на томъ свѣтѣ!

— Чтобы ему никогда не быть куратины!

— Вот ужь собачий рогъ, воронье брюхо. Чтобы сакля его отпа обрушилась на его голову!

— Подожди, персы придутъ, они вылечатъ!

Магома потомъ мнѣ объяснилъ, что сюда въ горы приѣзжаютъ своеобразные зипевари—персидскіе брадобрыи, которые за одно продаютъ и лекарства. Впоследствии уже и узналъ изъ записокъ Гуды-Чернаго, что цирюльники эти приѣзжаютъ изъ Персіи и отирываютъ на аульныхъ базарахъ публичную продажу лекарствъ и снадобій, приготовляемыхъ изъ разныхъ травъ. Вся ихъ аптека заключается въ большомъ мѣшкѣ. Каждый медикаментъ завязанъ отдѣльно въ тряпичную тряпку. Относясь къ нимъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, кавказскіе горные евреи ни за что не обратятся къ окружному медику, подозревая, что въ русскія лекарства подмѣшана свинина или что-либо трѣпное. Персидскіе медики-цирюльники, какъ рассказывали мнѣ въ аулѣ Гемейды, имѣютъ средства противъ всѣхъ недуговъ и несчастій. Они излечиваютъ бесплодныхъ женъ и даже неспособнымъ мужьямъ возвращаютъ утраченныя силы. Злая бабы могутъ быть укрощаемы настоємъ изъ травы, предписываемымъ цирюльникомъ, отчаянные пьяницы начинаютъ чувствовать отвращеніе ко всему хмельному, когда такой магъ и волшебникъ скажетъ имъ какія-то три магическія слова на ухо. Если мужъ подозреваетъ свою Пенелону въ измѣнѣ, ему стоитъ только принять лекарство, и во снѣ онъ увидитъ всѣхъ ея любовниковъ; если жена, въ свою очередь, имѣетъ основаніе думать, что Менелай украсилъ ее рогами, стоитъ только прыснуть на спящаго водою, проданной персомъ, чтобы горный Донъ-Жуанъ въ бреду называлъ имя разлучницы. Если супруги хотятъ имѣть именно мальчика, а не дѣвочку, персъ и тутъ посодѣйствуетъ таинственными чарами; къ нему-же обратится женщина, потерявшій фiasco въ своихъ любовныхъ похожденияхъ, и т. д. Вообще персидскіе цирюльники здѣсь соединяютъ въ своихъ особахъ всѣ свѣдѣнія медицинскаго факультета, съ прибавленіемъ разныхъ волшебствъ,

которые оставили-бы далеко позади популярную у насъ въ Петербургѣ дѣвицу Александрину.

Волна подхватившаго насъ народа внесла и коней, и всадниковъ въ узкій переулочекъ аула. Тутъ зрители потѣснились, но навстрѣчу высыпали новые. Полныя любовныя лица мѣшались въ какое-то мазево, такъ что у насъ головы заболѣли отъ усталости. Можно было поручиться, что все населеніе жило постоянно на улицѣ. Тутъ мѣстный баншачникъ выдѣлывалъ ченяки, тамъ сердобальная мать откровенно подмывала своего ребенка. Въ сторонѣ на виду спалъ инакъ, а у самого брюха его столь-же аппетитно похрапывали двое погонщиковъ. Въ переулкахъ, вливавшихся, подобно притокамъ, въ главную улицу, видѣлись группы громко орававшего и размахивавшаго руками народа. Если-бы я не былъ предупрежденъ уже, я-бы могъ подумать, что здѣсь случилось какое-либо необычайное событіе. На площадкахъ сидѣли пучи болтуновъ—и то-же оравье доносилось оттуда. Въ аулъ мы опять прошли сивозъ строивъ вопросовъ, отъ которыхъ никуда не уйдешь, никуда не спрячешься. Магомадъ-оглы, сохранивъ спокойствіе, невозмутимо отвѣчалъ, когда его спрашивали, не видѣлъ-ли онъ въ сосѣднихъ аулахъ шайтана, который, говорятъ, сбѣжалъ съ Мадиссой горы туда; не поргитъ-ли этотъ шайтанъ бабъ по ночамъ, и что-же смотреть муллы: пора-де нечистаго возвратитъ опять на старое мѣсто жительства.

Въ открытыхъ лавкахъ засѣдали тавія-же болтливыя толпы разнаго люда. Обыкновенно, когда не хватаетъ новостей и мѣстныхъ сплетенъ, горные евреи разсказываютъ другъ другу сказки о томъ, какъ Падиръ-шахъ во время оно разорилъ ихъ, какъ въ такую смутную пору еврейскаго настроенія являлись многоучные и добродѣтельные раввины, ради которыхъ Богъ спасалъ отъ гибели горское населеніе. Разумѣется, при семъ удобномъ случаѣ не обходилось безъ чудесъ. Острыя сабли персовъ отскакивали отъ священнаго пятинизія, устра-

шенные небесными дзвонками, праги отступали от синагогъ, не нанося вреда народу, запершемуся въ этихъ убійнищахъ. Но востъ нашло съ юга видимо-невидимо полчищъ Надиръ-шаха. Особенно персы ненавидѣли израиля, и народу божьему пришлось отъ врага жутко. Ихъ даже, и въ изгнѣ не уводили, а убивали. Что было дѣлать? Кала-чирахскій еврейскій джамаатъ думалъ, думалъ, да и рѣшился выселиться вонъ. Бросили свои сады, свои сады, оставили кладбища, гдѣ лежали ихъ отцы и дѣды. Совсѣмъ опустѣлъ край. Задолго послѣ того мѣстный ханъ вздумалъ дворецъ строить. Чѣмъ тесать вновь камни да украшать ихъ выбивкой арабески, гораздо лучшимъ показалось ему воспользоваться надгробными еврейскаго кладбища. Такъ и сдѣлали. Въ три два и три ночи воздвигли ему громадное кала-чирахское Тюльери; краше этого дворца не было, пожалуй, ни въ Багдадѣ, ни въ Мосулѣ. Развѣ у надшиха въ Стамбулѣ да у Московъ-царя есть лучше дворцы. Да и то едва-ли! — сомнѣваются еврейскіе сказочницы. Торжествовалъ ханъ это событіе три мѣсяца и, наконецъ, перебрался въ новый палаты. Но тутъ ужъ начались такіа чудеса, о какихъ ни одна душа не слышала. Расскажи хахаму — такъ и онъ, пожалуй, не повѣритъ, потому что ни въ одной книгѣ чудесъ такихъ не найдешь. Каждую ночь стѣны дворца оглашались рыданіями. Плакали камни! Мало этого, со всѣхъ ограбленныхъ кладбищъ еврейскихъ приходили сюда плакать мертвенны, лишенные своихъ надгробій. Кто проходилъ ночью, тотъ видѣлъ, какъ бѣлыя фигуры становились каждая у своего камня и, прислонясь головой къ нему, причитала до утра. Вѣтеръ разметывалъ во всѣ стороны ихъ волосы, разбрасывалъ бѣлые саваны, но не могъ заглушить ихъ отчаяннаго вопля. Наконецъ, черезъ недѣлю умерли ханскіа дѣти. Ни одного въ живыхъ не осталось; послѣ нихъ умерли его жены; въ пятый актѣ этой горской мистеріи умираетъ самъ ханъ, всѣ его приближенные; все, что дышало въ этомъ дворцѣ, — все погибло. Не осталось ни одного коня, ни одного пса, даже

несчастные кони подошли. После того и мертвецы перестали посещать это гибельное для всего живого мѣсто. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ здѣсь попробовали вновь поселиться люди—и опять вымерли.

Развалины, говорятъ, стоятъ и до сихъ поръ, мрачныя и безлюдныя. Татары нию нихъ и ходить боится. Смѣльчакъ, пожалуй, мертвецы задунать, какъ задунили они хана, не пожалѣвъ ни жены его, ни дѣтей, ни садовъ, ни села, ни великаго слота его. Легенда объясняется очень просто. Камень на могилы употребляется здѣсь поздраватый. Въ немъ, можетъ быть, сохранились испаренія отъ гниющихъ подъ тонкимъ слоемъ земли труповъ, и первые обитатели сказочнаго дворца въ знойное лѣто погибли все отъ зараженнаго воздуха этого горскаго Тюильери.

Вотъ круто внизъ сбѣгаетъ узенькій проулочекъ. По правую и по лѣвую сторону его журчатъ ручьи по каменьякъ. Воздѣ сады съ лавками и мастерскими. Оттуда гремать молоты, слышатся татарскія пѣсни, популярныя въ средѣ горскихъ евреевъ. Голые до пояса работники высклакиваютъ номинутно на улицу, поболтають съ сосѣдями и опять за дѣло. И все это стремглавъ, все это стогоряча, точно надъ ними рухнетъ крыша или земля проваливается подъ ногами. Переулочекъ оказался, къ удивленію, вымощеннымъ, но не на радость намъ. Изъ сабелъ выливаютъ сюда всякую неподходящую жидкость. Поэтому спускъ до того скользокъ, что моя лошадевка раза два разъѣзжалась, широко раздвигая ноги. Наконецъ, толпа, сировожданная насъ, помогла горю. Нѣсколько человѣкъ уцѣлились за хвосты лошадей и въ то время, какъ послѣднія скользили внизъ, живые тормазы тянули ихъ за хвосты назадъ. Шестые это было столь комично, что я нѣсколько разъ принимался хохотать, потѣшаясь надъ серьезною важною Магомы, принимавшаго помощь сановито и благосклонно, какъ нѣчто достойное и неизбежное. При этомъ «иземтели хвоста» оглушали насъ криками, подобныхъ которымъ мы нигдѣ

не слышали. И думаю, что отъ этихъ вошей другая, не горская лошадь давно-бы стремглавъ кинулась внизъ, оставивъ хлостъ, какъ трофей победы, въ рукахъ у неистовыхъ горлановъ.

Чтобы понять оригинальность этой картины, представьте себѣ нестроту народа, горячій свѣтъ уже заходящаго солнца, обливавшій насъ, и нашу свиту, и сѣрыя изнанки, и зеленую лѣсную долину внизу, и молчаливые силуэты туманныхъ горъ по сторонамъ.

А ночь уже наступала и, по мѣрѣ того, какъ гасла рѣка, какъ контуры лѣса терли своеобразныя формы и сливались въ одно синевато-сѣрое море, какъ изъ-подъ нашихъ глазъ въ синія сумерки уходили узкіе переулки леднаго аула, какъ на западѣ розовая полоса все узилась и узилась, — смолкали и говоръ толпы, и бражаніе бубенцовъ на ослахъ, шлепавшихъ на улицахъ, и шѣпотъ молодыхъ дѣвушекъ, таввшихъ на прюлахъ своихъ савель нестрые шурки, производствомъ которыхъ славятся еврейскіе аулы горнаго Дагестана... Скоро изъ тихаго, словно ползкомъ разбѣгавшагося гула громко выдѣлился стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей да гулъ рѣчки въ порогахъ. Толпы, провожавшія насъ, поотетали. Каждый торопился домой.

Сумерки сгущались... Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ становилось сырѣе и прохладнѣе. Тутъ уже подымался туманъ... И вѣсѣль съ туманомъ донеслось къ намъ благоуханное дыханіе азалий, смѣшанное съ дивнымъ ароматомъ кавказской дафны... Скоро направо и назлѣво савли стали порѣже; мы выѣзжали на край аула, гдѣ жилъ кунакъ Магомедъ-оглы.

Вотъ въ туманѣ сверкнулъ огонекъ, и кто-то взялъ подъ уздцы мою лошадь.

— Бзрухъ-габо!..

— Шелонъ-азейхемъ...

Чувствую, что кто-то держитъ стремя; пора-бы съ лошади сойти, а голову такъ и клонить, глаза смыззеть дрема... Должно-быть, страшно затомился за весь этотъ

богатый впечатлительный день, да и запахъ цвѣтовъ душилъ до одури; а тутъ еще откуда-то только-что распустившимся миндальными деревьями нахлесты!.. Или, можетъ быть, завровинши зацвѣли... это ихъ густой ароматъ.

Последнее впечатлѣніе—какое то бородатое лицо вижу да крупная золотая звѣзда въ вышней темно-синяго ночного неба... Потомъ унылая, за сердце хватающая пѣсня, но слышала ли я ее действительно, или во снѣ приснилась—хоть убейте, ничего уже не помню.

УП.

Израиль воинствующій у себя дома.

Удивительно замираетъ мысль въ царствѣ горныхъ вершинъ.

Кругомъ все такъ громадно. Въ гордомъ величїи стоятъ эти гиганты, блистая свѣтовыми коронами и подпирая недостижимыя голубыя выси. Безпросвѣтною глушью лѣсною одѣты ихъ крутыя подножья. Вѣчно зеленые остролисты заполонили ущелья. Въ ихъ сыромъ и молчаливомъ сумракѣ мельбаютъ вѣтвисторогїи головки красивыхъ козуль. Съ нагорныхъ скалъ гремятъ неутомимыя водопады, неизвѣстно сколько тысячелѣтїй долбя вершины сѣрыхъ утесовъ внизу, и бѣгутъ дальше пристальными ручьями. Вьется такой ручей по сырому лѣсу, пробивается сквозь массы гниющихъ вѣтвей бурелома, опрыскиваетъ холодною влагой громадные оранжевые грибы, точно шапки чьи-то, разбросанныя по мягкимъ низинамъ. А въ миндальную рощу попадаетъ—весь розовыми цвѣтами усыпается. И не видать чистыхъ струй подъ этимъ благоухающимъ слоемъ лепестковъ, свѣянныхъ тихимъ вѣтромъ съ вѣтвей, тутъ-же чуть-чуть вздрагивающихъ надъ ними. А тамъ, дальше, гдѣ миндальнымъ рощамъ конецъ, цѣлое море фіалокъ. Зайдешь сюда—спрячутся за раскидистыми вершинами обступившихъ тебя кампановъ гор-

ная выси—и снова работает мысль, снова чувствует она слово мощь! И любу ей среди зеленого царства, и привольно ей подъ этими тѣнистыми сводами.

Проснулся я рано, и первое впечатлѣніе было — эти чудныя горы съ каменнымъ великолѣпіемъ ихъ утесовъ, съ смутными призраками тумановъ, цѣплявшихся, мѣни свои очертанія, за темныя скалы съ густою синью ущелья. Типую туда. Эта заманчивая снѣгъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на душу, она неизвѣстностью своей околдовываетъ. Вѣдь, знаешь, что и тамъ такіе-же плоскогорьевыя аулы, а чудится все-таки что-то сказочное, зовущее, невѣдомое. Тутъ точно все извѣдано, все опостылѣло, а настоящее поэтическое, ласковое, обязательное — тамъ, именно за этою таинственною синью.

— Хахамъ, хахамъ!.. — послышалось позади.

Въ окно смотритъ кудлатая голова, за нею Магомаль-оглы.

Въ саклѣ уже горѣлъ каминъ, и въ огнѣ его выхлѣлъ и ворчалъ маленький котелокъ. Точь-въ-точь западская тупа; изъ грубаго камня сложено устье каминна, глиняная труба доходитъ до крыши. Закрываютъ ее также доской, придавливая ее камнемъ. Одно неудобство въ этихъ сакляхъ: въ нее не входитъ, а вползати приходится. Дверь низенькая. А изъ комнаты въ комнату еще и того хуже: какія-то норы, звѣриныя лазейки. За то чисто очень. Стѣны, видимо, смазываются часто известкой, глиняный полъ убитъ плотно, и на немъ нѣтъ никакого сора. Разная посуда такъ и блеститъ на полкахъ, высокіе кувшины по угламъ съ изысканной рѣзбой. Есть и серебряныя, тѣ на виду красуются, вмѣстѣ съ громадными мѣдными подносами, на каждомъ изъ которыхъ легко могла-бы помѣститься одна изъ семи тучныхъ коровъ, видѣнныхъ во снѣ Фараономъ. И зеркала даже есть, но вродѣ нашихъ деревенскихъ, показывающія два носа вмѣсто одного, какое-то строфокамитово лицо вмѣсто глаза и что-то вродѣ колоссальнаго ежа вмѣсто кудлатой головы нашего хоминна. Вокругъ зеркала — шапки, писто-

леты, ружья, кинжалы, даже два турецких атагана. Пистолеты из серебряной оправы с чернью, ружья с серебряной насечкой. Постели до потолка и сундуки одинъ на другомъ довершаютъ убранство комнаты. Кровля поддерживается деревянной балкиной, вродѣ очень не изящной колонны. Она вся убитана оружіемъ. Тутъ цѣлый арсеналь. Горные евреи столь-же гордятся этими смертоносными орудіями, сколько гордятся ими чеченцы и лезгины. Оборванецъ изъ этого мзрапа воинствующаго, поражающій насъ невозможными лохмотьями, откровенно выказывающіи всѣ прелести его сильнаго, хотя и не совсѣмъ красиваго тѣла, непремѣнно шегольнетъ парю пистолетовъ съ окованными въ серебро головками или великолѣпнымъ кинжаломъ съ силою унизанною бирюзою рукоятью. Тутъ, въ горницѣ, кунацкой, даже очень красиво было. Слѣтъ яркаго дня былъ прямо въ открытыя окна и выхватывалъ изъ сумрака пестрые разводы шелковыхъ матерій, развѣшанныхъ по стѣнамъ, пурпурныя наволочки круглыхъ цилиндрическихъ подушекъ, охлало изъ ярко-зеленой мови, и въ тысячи искръ дробился, скользя по цѣлому арсеналу разнаго оружія. Какъ-то бабенка съ завѣшаннымъ лицомъ внесла и разослала кубинскій коверъ.

Если-бы я былъ настоящій хахамъ, т. е. еврейскій ученый, для моего приѣма хозяева исполнили бы цѣлый рядъ церемоній. Цѣлый день меня осаждали-бы посѣтители толпами. Вся подноготная аула раскрылась-бы передо мною въ ихъ разказахъ, потому что «гостю не должно быть скучно ни подъ какими видами». Въ свою очередь, и я бы долженъ былъ рассказать тысячу разъ, зачѣмъ, куда и откуда ѣду, и что я встрѣчалъ на пути, какіе народы видѣлъ, и какихъ обычаевъ эти народы держатся, сообщить всѣ новости видѣнныхъ мною странъ, рассказать о своей семьѣ и своемъ городѣ все, что знаю, толковать о политикѣ Фиренгистана, о коварствѣ англаза, объ ученыхъ муллахъ, къ которымъ, несмотря на свою вѣру, евреи относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Целъ-

за точно опредѣлить, къ кому они чувствуютъ больше почтенія — къ раввину или муллы, который пишетъ имъ всевозможныя бумаги, даетъ имъ совѣты, служитъ для нихъ чѣмъ-то вродѣ мирового судьи, посвящаетъ ихъ въ таинства магии и чародѣйства. Хахама, если онъ бѣденъ, надѣлать деньгами и хлѣбомъ и проводить до слѣдующаго села, такъ что ученый раввинъ можетъ пропутешествовать по всѣмъ горнымъ ауламъ израиля воинствующаго, не истративъ ни копейки. Напротивъ, еще съ собою привезетъ небольшія деньги.

Хозяинъ мой оказался человекомъ очень недюжиннымъ. Это былъ настоящій типъ воинственнаго горца. Магомадъ-оглы рекомендовалъ его, какъ храбрца, не разъ во время оно схватывавшагося съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, Мамре-ага (почему мой проводникъ произвелъ его въ «аги» — по званію) изъ молодежи своего аула, въ отиѣгъ на призванъ Шамия, составилъ небольшой отрядъ, который сильно безпокоилъ русскихъ. Къ этой отчаянной шайкѣ прикнули нѣкоторые окрестные мусульмане, все не считавшіе позоромъ подчиниться вождю изъ племени израилява. Мамре-ага былъ не только воинственнымъ горцемъ, но и ловкимъ шпиономъ считался, — разуиѣлся, для своихъ. Явится, бывало, въ русскія войска подъ видомъ торговца, высмотритъ все, не упуститъ случая съ выгодой распродать барановъ или битую дичь, а ночью — руководитъ набѣгомъ и самъ во главѣ своихъ узденей вихремъ врывается въ успѣвшія построиться и оштетинившіяся штабами колонны. На лбу и на щекѣ у Мамре до сихъ поръ громадный рубецъ багровѣетъ — слѣдъ отъ сабельнаго удара лихого пубанца, который, впрочемъ, самъ повалился ему въ плѣтъ и цѣлую недѣлю высиживалъ у него въ ямѣ подъ саклей. Нужно было посмотреть на яму, чтобы убѣдиться, какъ скверно здѣсь было плѣнному. Земляныя стѣны, окно сверху, если считать окномъ дыру какую-то, — ничѣмъ не лучше бухарскаго клоповника. Сверху въ дождь лить, а вздумается хозяину или остервенѣвшимъ бабамъ закрыть отверстіе доской — хоть за-

дохнись тамъ, среди невыносимаго смрада и безпросвѣтной тьмы.

— Ну, а потомъ что-же было?

— Заболѣлъ, совсѣмъ съ лица опалъ: заговариваться сталъ. То пѣсни поеть, то плачетъ, — ну, и пожалѣли его!

— И умеръ?

— Итъ, мы его взяли оттуда. Вывези, въ саванъ жаль. Только на цѣни. Потомъ Гаджи Мурату продалъ его!.. Пять тумановъ взялъ.

И все это совершенно равнодушно, точно онъ медвѣдя поймалъ, подержалъ его на цѣни, а потомъ и сбывъ выгодно любителю.

— Зачѣмъ-же больного-то на цѣнь сажать?

— Да развѣ онъ баба?.. Онъ мужчина. А мужчину только цѣнью въ плѣну удержишь. Но обрѣкъ оруу крмья, выше облаковъ подыметя, такъ и «настоящій человекъ»! — изумлялся моей недогадливости Мамре-ага.

И сталъ было ему объяснять, что за границей плѣнныхъ освобождаютъ на честное слово.

— Вотъ еще что выдумалъ!.. Это не мужи, это бабы, только они по ошибкѣ папахи надѣли. Ихъ бы канаусовые шировары, да замужъ ихъ отдать!.. Что они, развѣ курицы? Въ курятникѣ и свободно, только ястреба тамъ не удержишь. Только для курицы въ курятникѣ довольно мѣста. Воробью отвори клетку — и онъ вылетитъ на свободу!

Мамре-ага славился особеннымъ искусствомъ устраивать засады. Тутъ по всѣмъ окрестностямъ у него не было соперниковъ. Рассказывали про такіе случаи, гдѣ не зналъ и, чему удивляться, дерзости этого израильскаго кондотьери или его мужеству. Во главѣ пяти-шести человекъ ему удавалось пробираться за русскую цѣнь, въ районъ, занятый отрядомъ, и тамъ, высиживал по десяти, двѣнадцати часонъ въ кустахъ или въ травѣ, выхватывать нѣсколько жертвъ. Разъ, такимъ образомъ, онъ выцарапалъ чуть не изъ середины лагеря какого-то юнаго офицера, который, впрочемъ, не долго былъ въ горахъ.

Повторилась исторія «Кавказскаго плѣнника». Русскій бѣжалъ изъ аула въ сопровожденіи одной изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Одно сиверно, когда ваши съ собаками приходили. Тогда нельзя было. Собака все вынюхлютъ.

— Этакая собака одна цѣлаго отряда стоитъ!..— прибавилъ Магоматъ-оглы.— У нея сердце и мозгъ — чело-вѣчьи!— философствовалъ онъ.

— Она не только въ бою, она и такъ выскивается горцевъ, слѣды открываетъ, за версту его чувствуетъ.

— А когда до драки дѣло дойдетъ, собака впередъ. Прямо за горло хватаетъ. И любими-же ихъ ваши солдаты! Раненыхъ изъ бою выносили, лечили въ лазаретахъ своихъ. Холодно—подъ шинелами держали. Съ солдатами собаки эти спали вмѣстѣ, ѣли изъ одной чашки. Разъ нѣ удалось живьемъ захватить такую въ одномъ набѣгѣ. Привезли домой, думали къ себѣ приучить. Нѣтъ! Ничего не ѣсть, только носѣтъ все, а подойдешь—зубы спалить и въ горло выдѣлится поровить. Застурили. Что съ ней дѣлать было иначе?

И думаю, впрочемъ, что собаки эти могли бы ѣсть и изъ одной посуды съ израильтяиномъ воинствующимъ. До чего необратны здѣсь еврей горныя—представить себѣ нельзя. Я остановился въ савлѣ злѣйшаго человѣка, но и у него ни котлы, ни подносы, ни тарелки не были вымыты вовсе. Запахъ отъ всего отвратительный, такъ что ѣсть поневолѣ, не желая обидѣть хозяина, который считаетъ оскорбленіемъ отказъ гостя отъ сиверно и неразмыво-приготовленной похлебки. Къ тому же, и чесноку во все они валятъ сверхъ мѣры. Вина намъ подадутъ—и стака-нѣ найдется, но въ стаканѣ этомъ грязь, мухъ, га-дости всякой цѣлыми слоями налило. Вымойте—на васъ посмотреть съ удивленіемъ, какъ на большого чудака и брюту. Вотъ-де охота человѣку возиться напрасно! По-жалуй бы, обидѣлись даже! Деревянные кружки, на ко-торыхъ подаются рыба, рисъ и т. д., насквозь жиромъ пропитаны; еще остатки вчерашней трапезы, насохшіе на

нихъ, не отсоеблены, а хозяйка прераннодушно валить новое вареное. Притомъ, не менѣе отратительный обычай, по которому передъ началомъ обѣда глава семьи собственно-ручно рветъ чурекъ (хлѣбъ) на куски и выдаетъ эти куски присутствующимъ. Тѣ ихъ ловить въ-лету.

— Дай тебѣ Богъ всякаго благополучія! — отвѣчаетъ гость и сейчасъ-же проглатываетъ такой кусокъ. Я это дѣлалъ, стараясь не смотрѣть на руки своего анфитриона, который, повидимому, страдалъ водоболзнью, а объ мнѣ и помину нѣтъ.

— Примите, дорогіе гости!..

Вы оглядываетесь; за вами цѣлая процессія бабья разнаго, притомъ прегнуснаго вида, со всевозможными яствами, отъ которыхъ разить и прогорклымъ масломъ, и лукомъ. Тутъ и баранья похлебка, гдѣ курдючьяго сала больше, чѣмъ павара, и пашоу опять съ неизбѣжнымъ курдючьимъ саломъ, и мясо съ чеснокомъ, и варенныя въ сахарѣ яблоки и сливы. Последнее не советую пробовать. Въ это «сладкое» еврей обильно прибавляютъ того-же универсальнаго курдючьяго сала. Больше всего въ ихъ обѣдѣ понравились мнѣ удивительно-ароматическія травы, которыя ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Удивительно, сколько можетъ съѣсть еврей во время праздничнаго обѣда, какимъ считается обѣдъ, устраиваемый по поводу пріѣзда гостя. Куда нашииъ извоцинамъ на постоянныхъ дворахъ! Тутъ — безъ конца. Итъ разъ обнесутъ пашомъ, по три разъ за хинкаль принимаютъ. На кутумъ насадутъ — все уничтожать, что подано, а въ антрактахъ, для разнообразія и возбужденія аппетита, головки лука и чеснокъ — нещадно истребляются! А тогъ-же еврей въ будни у себя за столомъ, кромѣ чурека да чеснока, ничего не видитъ и смѣтъ, и доволенъ бываетъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что такихъ растяжимыхъ желудковъ ни у кого нѣтъ.

Большое вниманіе и особенная честь со стороны хозяйки, если онъ самъ, собственными своими пальцами, разорветъ для васъ вареное мясо на куски или точно

такимъ же порядкомъ предложить вамъ копченую рыбу...
Еще странный обычай. Встрѣчал евреевъ въ Россіи, и особенно въ западныхъ губерніяхъ, въ привычки къ ихъ умеренности. Народъ трезвый; пьяный еврей—рѣдкость. Правы израиля воинствующаго не таковы. Вино они пьютъ до остервененія. Тосты провозглашаютъ одинъ за другимъ.

Право, подумаешь, что это ваша братья славяно.

— Здоровье твоего дѣда! — обращается къ вамъ хозяинъ, когда весь наличный составъ болѣе близкихъ родныхъ истощенъ.—Хорошій человекъ былъ! — заключаетъ онъ, точно очень близко знакомъ съ нимъ былъ.

— Большой джигитъ! — прибавляетъ другой, думая, что все это вамъ доставляетъ особенное удовольствіе.

Пьютъ всё, желя здоровья взять и мирно почившему предку вашему. Вы пробуете объяснить, что «большой джигитъ» давнымъ-давно въ землѣ сырой. «Ну, все равно, тамъ ему будетъ лучше»!.. — И они благочестиво возносятся очи горѣ.

— За кунаковъ кунака твоего! За братьевъ друга твоего!

Пьютъ.

— Чтобы пистолеть твоей никогда не давалъ осѣчки!

— Чтобы въ полѣ у тебя кукуруза всегда родилась!..

— Пусть Господь пошлетъ ангеловъ въ сады твои!

И за ангеловъ пьютъ.

— На посрамленіе твоихъ враговъ!..

— Чтобы подъ ними лошади всегда слѣтыкались!

И по поводу враговъ выжили.

— Чтобъ твоя папаха дальше носилась!

Бываютъ очень не подходящіе тосты, весьма сказбразнаго содержанія, недоказывающіе, чтобы израиль воинствующій былъ особенно на языкъ воздерженъ.

Только за женщины не пьютъ. Большой нескромностью считается о женщинахъ говорить или интересоваться здоровьемъ жены, дочери, сестеръ... И рады вы, когда, наконецъ, пирушка заключается послѣдними тостами, и охмѣлившіе, но неизмѣнно хранящіе восточную солид-

ность гости или расходятся, или похрапываютъ у стѣлъ, опираясь на мягкія подушки, до тѣхъ поръ, пока съновья не растащутъ ихъ по домамъ. Дѣлается это въ сумерки, потому что горецъ ни за что не позажется на улицахъ своего аула пьянымъ среди бѣлаго дня. Это считается большимъ позоромъ. «У него соломенные ноги!» говорятъ про такого.

Подъ вечеръ, когда снимъ сумракомъ окутало окрестности, и вся гора уже засвѣчивалась огоньками, робко еще боровшимися съ послѣдними отсвѣтами отгорѣвшаго дня, у дверей сакли послышалось громкое ржаніе коней и говоръ многихъ голосовъ. Видимо, совершалось что-то важное, потому что бывшіе въ саклѣ встрепенулись и зашептались.

— Должно быть, наши прѣехали!.. Съ погоня!..

Въ саклю почтительно вошло четверо молодыхъ людей. Красавецъ къ красавицѣ—точно на подборъ. Вотъ бы интереснымъ барышнямъ показать! Черты тонкія, красивыя, складъ тѣла сильный, но стройный. Плечи широкія, талия въ перехватъ.

— Ну, что, выслѣдили?

— Нашли... Лисица показала хвостъ!

— Что-жъ вы ее не поймали?.. А еще молодцами называетесь! Вамъ бы у аульной печки хлѣбы печь съ бабами да смѣтничать съ ними, да мѣрять, у кого шаровары шире... Ой, вы!.. Кле жениться собираетесь. Да васъ бабы иголками обидятъ, и жаловаться ны на нихъ побѣжите своей бабушкѣ или матери... Безсовѣстные!.. Васъ бы посадить на яшаконъ, лицомъ къ хвосту, да и провезти такъ по аулу. Дѣвки блудливыя!..

Молодежь молчала.

— Или она васъ хвостомъ напугала, лисица эта?

— У лисицы лисенятъ много...

— Что-жъ, они шайкой одной?

— Вмѣстѣ всѣ. Два дыма было, а за каждымъ дымомъ по шести человекъ сидѣло. За подмогой вернулись! Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Оказалось потомъ, что

украденную дѣвушку отбивать собирались. Похитители притались въ окрестностяхъ. Преслѣдователи наткнулись на нихъ, да спасовали. За двумя вострами двѣнадцать удалцовъ оказалось.

— Что-жъ, она плачетъ?

— Какое,—сѣется! Поди, говорить, скажи роднымъ, что не хотѣли отдавать по согласію, я и такъ обошлась!

— Говорили отцу?

— Нѣтъ... «Арисъ» (женихъ законный, отъ котораго она бѣжала) въ аулъ послалъ. Совсѣмъ потерялъ голову, бѣдная!

— Чего-же вы сюда-то сунулись?

— Да нашихъ храбрецовъ звать пришли!

Двое племянниковъ хозина вызвались ѣхать. Понятно, что и я не могъ пропустить этого зрѣлища, тѣмъ болѣе, что оно скорѣе походило на офенбаховскую оперетку, въ которой недремлющіе стражи порядка, *messieurs les sagabiniers*, проходятъ мимо самаго носа разбойниковъ, великодушно ихъ не замѣчая, чѣмъ на настоящую трагедію съ воплями и стонами, съ выжидательными ударами, кровью и чадами пожарницъ... Дѣло должно было окончиться неизбѣжно миромъ. Потопля была формальностью. Только слѣдовало попытаться отбить украденную родственницу, которая недѣли черезъ три, все равно, сама ляжетъ. Да и всякій изъ преслѣдователей при подходящемъ случаѣ сдѣлалъ бы то же самое.

Когда мы вышли садиться на лошадей, ночь уже зажглась въ темныхъ небесахъ мириады своихъ неувѣсимыхъ лампадъ, и вои чекалокъ уже замиралъ въ глуши окутанныхъ мракомъ ущелій... Было свѣжо, хорошо, пахло скабіозами, лошади бодрились и постукивали копытами о землю. Въ аулѣ блистали огоньки... Гдѣ-то слышалась гортанная пѣсня, и какія-то струны трепетали медленно и пѣжно. «Другъ мой, другъ далекій, вспомни обо мнѣ!» такъ и хотѣлось крикнуть прямо въ лицо этой холодящей ночи...

VIII.

Оффенбаховскіе разбойники и еврейская самокрутка.

Ахъ, какая это была чудная ночь...

Наши кони, сторожко храпя и погряхивая головами, поднимались въ горы. Путь былъ крутъ, такъ что лошади буквально цѣплялись за каждый выступъ наии передними ногами, упираясь въ твердую почву задними. Сучья съ благовоинными цвѣтами хлестали въ лицо, и немудрено: среди этого теплаго мрака тропинка казалась черною щелью. Не различишь, гдѣ нагнуться, гдѣ итти. Ни одной звѣзды вверху, потому что вершины деревьевъ переплетались въ непроницаемые своды. Тамъ слышался порою тихій шелестъ, хотя иттра и въ поминѣ не было. Точно размахъ какихъ-то мягкихъ крыльевъ порою мимо ушей. Разъ что-то теплое, мягкое, бархатистое ударило мнѣ прямо въ щеку и съ тихимъ пискомъ шарахнулось въ сторону. Противное ощущеніе — должно быть, летучая мышь. Въ черной чашѣ порою брилліанты, изумруды и яхонты вспыхивали, смѣшиваясь съ золотистымъ блескомъ желтаго топаза и краснаго рубина. То по одиночкѣ, то кучками, точно въ воздухѣ дрекаютъ и мерцаютъ головные уборы лѣсныхъ сальфовъ. Посвѣтить, посвѣтить, переимѣнить нѣсколько цвѣтовъ и вдругъ потухнетъ, точно водою вспрыснутая искра. Одинъ поворотъ тропинки — и новая чудная деталь этой великолѣпной картины. Тихо журчитъ лѣсной ручей, сонно, медлительно, словно ситъ ему самому захотѣлось, словно эта молчаливая ночь унимаетъ его шло-вавыми серебряными струйки. Надъ нимъ вьются нѣсколько свѣтляковъ, и отраженіе ихъ заплещетъ въ водѣ; ни падаи, ни впереди ручья не видно, только одинъ этотъ лоскутокъ...

Тропинка все круче и круче. Приходится, чтобы не тонуло назадъ, нагибаться къ самой шеѣ коня.

— Сойти съ лошадей надо! — говорятъ мнѣ увязавшіеся за нами Магоматъ-оглы.

— Зачѣмъ?

— Трудно... Вонъ впереди всѣ уже ишкомъ идутъ. Только подь узды возьми!

Такъ и сдѣлали.

Наверхъ, дѣйствительно, трудно было подыматься, тѣмъ болѣе, что подь ноги совались постоянно, должно быть, узловатые, слипшіеся, какъ змѣи, корни деревьевъ. Натянешься и летишь лицомъ въ сочную траву. Да и подозрительное шуршаніе какое-то по сторонамъ слышится. Не змѣи-ли, не даромъ самая гора называется Змѣиной?

— Что, развѣ тутъ змѣй много?

— Прежде было... Царь ихній жилъ на этой горѣ. Въ пещерѣ...

— Кто-жь его видѣлъ?

— Никто. Только и до сихъ поръ въ этой пещерѣ золотыя кольца да битую посуду, изъ которой ѣлъ онъ, находятъ... Могучій царь былъ. Могъ всякій образъ принять на себя. И волкомъ, и лисицей, и чекалкой, и медвѣдемъ. У него на головѣ три короны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная... Большой былъ царь. Каждый день ему по три мальчика и по три дѣвочки приносили, за то змѣи не трогали никого. Ваша Миріамъ (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на сѣдѣніе змѣиному царю. Ну, отецъ молиться сталъ. Миріамъ приняла ея образъ и вмѣсто нея пошла къ змѣѣ. Какъ увидѣлъ ее змѣиный царь, дрогнулъ и въ самое нутро горы вползъ со всѣми своими подданными. Изъ пещеры въ «сердце» горы жила тинулась. Ну, тогда Миріамъ заплала змѣѣ, чтобы онъ вышелъ изъ своей тюрьмы только тогда, когда кто-нибудь на этой горѣ храмъ ея разрушить...

— А развѣ здѣсь есть церковь?

— Древняя стоитъ... Пустая давно...

— Магомадъ-оглы, будь другомъ, покажи...

Въ моемъ воображеніи такъ и возникла разомъ поэтическая картина развалины въ темномъ царствѣ этого дремучаго лѣса.

— Послѣ... Вотъ догонимъ неисту, а тамъ видно будетъ... Да они далеко еще, развалины эти. Ну, какъ заклала Мириамъ змѣй, ни одна не показывается здѣсь. Только какъ заночуешь на горѣ, такъ ночью слышится, какъ внутри, далеко, далеко подъ землею, что-то шуршитъ, и стонетъ, и шикаетъ, и свищетъ. Это онѣ... Это царь змѣиный ищетъ выхода, да не находитъ его и шипитъ отъ злости. А то волкомъ въ горѣ завостъ или, какъ ребенокъ, плакать начнетъ. Тоже на свѣтъ выйти хочетъ. А то у него тамъ дни нѣтъ, все ночь, хоть и живетъ онѣ въ алмазныхъ палатахъ, гдѣ чудесныя звѣзды горятъ...

Иногда по сторонамъ болѣе зловѣщія звуки слышались. Что-то тяжелое, грузное, массивное шарахнулось отъ насъ въ чащу, такъ что долго послѣ того трещали сучья, все тише и тише, и змираль пороухъ встревоженного звѣря. Хорошо еще, если такимъ образомъ кабана испугнешь, а то вѣдь въ эти горы зачастую и тигръ жалуетъ, а про леопарда и толковать нечего—постоянный гость. Выхватить же изъ насъ любого и труда особеннаго нѣтъ... Оружіе за спиною, бреденъ черезъ силу, темно, и не увидимъ даже, какъ не досчитаемся товарища. Положение скверное. Даже передовые остановились, видно переговариваются, что дѣлать?..

— Въ прошлой году также мехнатый чертъ унесъ Абдуль-Рахима. Потому только обрывки платья, панаху да кости нашли!

— А помнишь, какъ здѣсь звѣрь русскаго чиновника попортилъ?

Толковали, толковали и не нашли ничего лучшаго, какъ зажечь сучья какого-то сильно пахучаго смолистаго дерева и съ этими импровизированными факалами идти впередъ. Всѣ остановились на нѣсколько минутъ. Слышимъ, какъ ломаются вѣтви. Ланнади пугливо хрюкать, а ночь еще чернѣе, еще непрогляднѣе...

Вонъ вспыхнуло ярко-красное пламя. Другой огневой языкъ выхватилъ изъ тьмы сѣрые стволы какихъ-то су-

мрачныхъ великановъ; третій еще дальнѣе загорѣлся, освѣтивъ какое-то бородатое лицо, сіяющее самой беззащитной дѣтской улыбкой. Четвертый прямо передъ понуренной мордой вороного коня. И трещать сучья, и раскидываютъ по сторонамъ снопы ярчихъ пестрь. Вмѣстѣ съ свѣтомъ послышались шутки. Кое-гдѣ смѣхъ, громкій, откровенный. Дали и миѣ цѣлый пукъ смолистыхъ вѣтвей; зажегъ у Магомада; смотрю—надо мною въ вышній висеть, какъ борода, длинная волокна чужаждныхъ, перебрасываясь съ одного дерева на другое. Такой длинной бахромы, пожалуй, и надъ тронами средневѣковыхъ сюзереновъ не колыхалось съ ихъ торжественныхъ катафалковъ. Теперь вся тропинка съ ея извилами намѣчивается чудесно. Вонъ огоньки впереди повернули вправо, круто повернули, точно мы назадъ собираемся идти. Вотъ палѣво вьзыхи... Какіе-то сѣрые камни по сторонамъ. Неужели близка вершина, что помани утесы? Мой факель освѣщаетъ чью-то широкую спину впереди и крупный задъ сѣраго коня, помахивающего хвостомъ.

— Теперь безопасно,—говоритъ Магона рядомъ.— Ни одинъ звѣрь на огонь не пойдетъ. Особенно, когда увидать, что насъ много!

Общительность евреевъ сказалась и при этомъ. Пока темно было, всѣ молчали; точно ночь данила. Теперь молодежь расхвасталась такъ, что передъ ея воображаемыми подвигами поблѣднѣли бы блистательныя дѣянія сказочныхъ Рустема и Зораба. Чего, чего тутъ только не было. Одинъ разъ съ тигромъ схватился и задушилъ его голыми руками, «какъ щенка», другой съ дерева десять медвѣдей перестрѣлялъ. Точь-въ-точь наши охотники, одною пулей двухъ зайцевъ пронизывающіе и ею же случайно убивающіе полюбившагося впереди медвѣдя! Самый красно-рѣчивый изъ нихъ слышалъ, притаивъ въ чащѣ, какъ два звѣря въ лѣсу разговаривали по-лезгински, въ чемъ остальные не нашли ничего невѣроятнаго. Израиль воинствующій твердо вѣруетъ, что душа наша по смерти переселается въ различныхъ животныхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы «настрадаться». Послѣ

того ее очищаютъ сквозь огонь въ аду и, наконецъ, водворяютъ въ жительство въ рай. Точно также мнѣ рассказывалъ одинъ еврей, что онъ видѣлъ, какъ на кладбищѣ купали въ чанѣ съ водою только-что схороненный его пріятель. Для этого они нарочно ставятъ у могилъ воду. Это — тоже очищеніе. Дѣло въ томъ, что душа не тотчасъ же оставляетъ тѣло. Она триста дней находится въ могилѣ вмѣстѣ съ труномъ, и нельзя же ей въ этомъ неопытномъ видѣ возлетѣть въ горніа. Употребляютъ ли столь чистоюдушныя души при этомъ казанское мыло, покрыто мракомъ неизвѣстности. Что, если бы евреи заживо подражали своимъ душамъ и не были одержимы водобоязвью, на сколько выиграло бы это племя въ красотѣ и приличіи!

Вѣрованіе о пребываніи души въ могилѣ находитъ подтвержденіе въ томъ, что разрытыя могилы обнаруживали часто труны въ иномъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ ихъ хоронятъ. Евреи кладутъ своихъ покойниковъ въ продолговатую яму, аршина три глубины, прямо въ землю, на спину, лицомъ къверху. Надъ нимъ съ аршина оставляютъ свободное мѣсто, для чего устраиваютъ надъ покойникомъ родъ крыши изъ досокъ. Сверху яма заваливается землею.

— Какъ же онъ повернулся бы въ могилѣ, если бы души съ нимъ не было?..

— Надоело ей лежать на одномъ боку — легла на другой. Самыя грѣбшия души поворачиваются лицомъ въ землю. Поворачиваются и отъ другихъ причинъ.

Разъ умеръ старикъ-еврей. Сынъ его сталъ обижать свою мать. Старикъ въ могилѣ услышалъ и постарался выйти; долго онъ силался приподнять доски, наконецъ, удалось. Душа его вышла, задушила непочтительнаго и преступнаго сына и вернулась въ могилу. На другой день надъ нею оказалась земля взрыкленною, и сквозь нее выглядывали углы приподнятыхъ досокъ...

Наконецъ, лѣсъ порѣдѣлъ, и въ просѣкахъ его заблагоувѣло какое-то яркое зарево...

И было приостановился.

— Тамъ, должно быть! — указалъ Ягома.

— Кто... что?

— А храбрѣе, что аусу увезь...

Наша партія шла съ веселымъ смѣхомъ, безъ всякой осторожности. Мраченъ и молчаливъ былъ только одинъ оставленный женихъ — арасъ.

Чѣмъ ближе, тѣмъ ярче въ просвѣтахъ пылаютъ красное зарево. Черные силуэты деревьевъ на немъ обрисовались каждою своею вѣтвью, даже сквозь листву прорывается багровый свѣтъ, и вся она точно нарисована на немъ, — каждый зубчикъ листа, каждая арабеска переплетающихся сучьевъ. Кака-то большая птица сидитъ на голой вѣтви и вся на красномъ фонѣ выдѣлилась...

Крики и оттуда доходить...

Къ самой опушкѣ подошли... Небольшая возлика, огненное пятно ярко горящаго костра посередкѣ... Масса ослѣпительно сверкающихъ углей, черныя колоды только что срубленныхъ деревьевъ, обливаемыхъ темнымъ дымомъ. Цѣлыя снопы взвивающихся вверху искръ. За костромъ утесъ. Только верхушка его видна надъ пламенемъ и точно сплошь облита кровью. Огненные руки цѣпаются за нее, отбрасываются назадъ и снова въ отчаяніи схватываютъ ближайшія деревья. Дотронулся до вѣтви и поволотить ее, доселѣ совершенно темную. Золотится, золотится, разсыпается искрами, и вѣтъ ей. Узкія, вьющіеся жала пламени разбѣгаются вокругъ костра по землѣ, то оближутъ кустарникъ, то едва замѣтною струйкой проникнутъ внутрь его и вдругъ оттуда вылетятъ цѣлымъ клубомъ блѣдно-чернаго дыма, на который громадный костеръ кидаетъ свои багровые отбѣнки и отсвѣты. А тамъ, смотришь, съ тихимъ шелестомъ свертываются, сжимаются и тлѣютъ красивые бѣлые цвѣты. Сочные сучья куста еще держатся, да и имъ не выстоять. Огненное жало дѣлаетъ свое дѣло. Легкій трескъ пройдетъ по нимъ, завьются и закружатся они, осыпая точно градомъ помертвѣвшіе листья, и скоро на мѣстѣ куста еще одно огненное пятно

выхватываетъ изъ мрака ближайшія къ нему коричневые стволы какихъ-то лѣсныхъ великановъ изъ скрывавшаго ихъ сумрака. Въ дыму костра порою грузно шмыгнетъ встревоженный йстребъ, на минуту точно краснымъ платкомъ взмахнули тамъ—и пѣть уже очнувшагося хищника, и долго его недовольный плекоть слышится въ чернотѣ...

На огненномъ фонѣ черныя фигуры. Видимо, онѣ пастъ услышали и насторожились, приветали. Вонъ черныя силуэтъ человѣка и тонкая линия ружья у него въ рукахъ; черное на красной фонѣ. На пурпурную скалу, позади костра, человѣкъ взобрался. Онъ совершенно краснымъ въ пламени кажется. Храпѣнье коней изъ лѣсу. Одинъ къ костру подошелъ и тоже чернѣетъ на его огнистомъ пятнѣ. Кто-то въ сѣдло садится. Женскій голосъ. Вотъ и она сама, граціозная, тонкій станъ, узко-покатые плечи, широкіе разливы бедръ, формы которыхъ не скрадываются хорошо обмятымъ платьемъ.

Черные клубы дыма заслонили краснаго человѣка на красной скалѣ. Но свѣтлая струйка точно брызнула вверхъ, и оттуда, сквозъ трескъ и свистъ костра, гринулъ выстрѣлъ. На огнистомъ фонѣ костра замелькали люди, и вырисовались тонкія черточки горслихъ винтовокъ.

— Трусы, собаки!—оретъ наша партія и разомъ изъ двѣнадцати стволовъ стрѣляетъ въ воздухъ.

Запахъ пороха билъ въ носъ. Чувствуешь головокруженіе какое-то. Возбуждаетъ—весело.

— Дьяволы подыме! Давно-ли пенята орловъ ловятъ?—слышится у костра, и оттуда взметываются въ воздухъ нѣсколько свѣтлыхъ струй, и слышится грохотъ. Но и тамъ стрѣляютъ въ воздухъ...

И такъ и подозрѣвалъ, что будетъ нѣчто вроде лекоковской оперетки. Точно сцена изъ «Les brigands».

— Что это вы тутъ, воры, дѣлаете?.. Вотъ мы васъ!..—кричимъ мы.

— Унесите ноги! А то сжаримъ въ огнѣ и медвѣдамъ жаркое оставимъ!—отвѣчаютъ оттуда.

— Подлая ворона! — пронзительно восклицает женский голос. — Покажите имъ себя, храбрые молодцы. Снимите съ нихъ шальвары и вустите домой голоногихъ!

Опять мы стрѣляемъ въ воздухъ, то-же дѣлаютъ и противники. Клубы порохового дыму еще гуще разстилаются кругомъ.

— Нахшонъ! — выкрикиваетъ кто-то изъ нашихъ, уже совершенно дѣльнымъ тономъ.

— Чего? — откликаются изъ противной партіи.

— Мать велѣла тебѣ передать, что дровъ дома нѣтъ!

— Знаю, я уже говорилъ братьямъ!

— А какое у васъ вино съ собой? — въ свою очередь, въ перемежку съ руганью, вопрошаетъ кто-то оттуда. — Не захватили-ли бурдюка? У васъ мало!

И опять ругань...

Нани всакиваютъ на коней, похитители невесты — тоже. Я остаюсь въ тѣни. Благо на сухое мѣсто попалъ. Лечь мягко, удобно... Нужно-же кому-нибудь быть зрителемъ этого спектакля.

На красномъ фонѣ костра точно сцена изъ вальбургіевой ночи. Черные силуэты наѣздинокъ мелькаютъ съ бѣшеною стремительностью, налетаютъ одни на другихъ, сталкиваются, разбѣгаются, вьются, выдѣлывая въ сѣдлѣ разными инзерцији джигитовки высшей школы, стрѣляя назадъ, впередъ, по неизмѣнно въ воздухъ. Все это съ головокружительной быстротой. То въ одну кучу собьются и точно многоголосое чудовище, какая-то безобразная, черная амфибія клубится и катится тамъ, какъ вдругъ свалка разобьется, и всадники, точно чѣмъ-то испрыснутые, стремятся прочь одинъ отъ другого, чтобы сейчасъ же опять свалиться въ одно мѣсиво... Ругань, сѣхъ дробится въ воздухъ, ржанье лошадей смѣшивается съ молодецкими выкриками. Вотъ кто-то изъ сѣдла вылетѣлъ, и всугнанный конь мимо меня шарахнулся безъ сѣдока въ черную чашу. Ловить его кинулись всѣ — и преслѣдователи, и преслѣдуемые. Я боялся, чтобы не затоптали меня... Поневолѣ къ стволу прижался, точно приаши.

Крики ихъ замерли въ глуши лѣса—и опять загрѣмѣли со всѣхъ сторонъ. Лошадь была поймана... Невѣста все это время спокойно сидѣла у огня, точно и не слѣдло совсѣмъ.

Солиднаго Магомадъ-оглы я не узналъ даже: пинаха на латылкі, хохочеть, ореть больше другихъ, благинь матомъ. Ругается, стрѣляетъ, съ разбѣгу всадилъ кинжалъ въ дерево и, ни съ того, ни съ сего, на ближайшій кустъ плюнулъ, точно тотъ оскорбилъ его лѣйшимъ образомъ.

— Ты чего?—накинулся онъ на меня.— Или не весело тебѣ?

Наконецъ, обѣ партіи устывать начали. Опять разъединились и заняли первоначальное положеніе.

— Чего-же вы отъ насъ не бѣжите? Вѣдь вамъ бѣжать слѣдуетъ по адату!—негодовали въ нашей партіи.

— Зачѣмъ? Мы посмотримъ, какъ собаки отъ лѣсныхъ звѣрей побѣгутъ. Убирайте ноги вы!

— Совсѣмъ не наше дѣло бѣгать! — резонерствовали преслѣдователи.— Вы увезли невѣсту, вамъ и уходить слѣдуетъ, а мы васъ догонять будемъ... Пора вѣдь... И она утомилась!

Начался третій актъ этой оперетки. Убѣжденные нашими ораторами въ своей обязанности бѣжать, джигиты бросились къ дѣвушкѣ. Десятки рукъ схватили ее, приподняли въ воздухъ, моментально завернули въ какую-то кошму и разомъ, въ видѣ какого-то свертка, взбросили на сѣдло въ руки къ ея избраннику. Послышался какой-то дикій крикъ, точно вой волчьего стада, и вся эта масса разомъ израхнулась впередъ, въ сырую темень лѣсной чащи.

И едва успѣлъ вскочить въ сѣдло, какъ мой конь, увлеченный общимъ смитеніемъ, стремительно ринулся впередъ, со слѣпа набѣжалъ на костеръ, прыгнулъ въ сторону и чуть не вышибъ меня изъ сѣдла прямо на огонь. На одну секунду обдало горячими искрами, обожгло лицо, близко-близко мелкнуло въ глазахъ яркое пламя, и спустя минуту я уже вслѣдъ за другими вихремъ несся среди

непроглядного мрака, шипивших инстинктивно въ гриву коня и прижимая голову къ его измышленной шеѣ. Вѣтан хлестали въ лицо, изъ-подъ копыть лошади сыпались искры, когда она попадала на камень, а преслѣдуемые и преслѣдователи еще неудержимѣе, еще безумнѣе неслись все впередъ и впередъ, буда молчаливыми окрестности дикими криками какой-то адской, дыханіе захватывающей травли. Воображаю, какъ отъ насъ шарахались въ стороны испуганные зѣбри, какъ зѣсные хищники — филины-пугачи, мшломленно забирались въ густую чащу чираръ и каштановъ. Мнѣ до сихъ поръ удивительно, какъ насъ не разбило о какое-нибудь дерево, какъ мы не сломали себѣ шеи, когда конь спотыкался среди своего бѣшеннаго бѣга, когда сѣдо какъ-будто отрывалось отъ его спины. Въ ушахъ свисталъ воздухъ, оглушали выстрѣлы. А кровь приливала къ вискамъ, росло воодушевленіе, и все дальнѣе и дальнѣе хотѣлось нестись впередъ, хотя и въ хвостѣ этой сумасшедшей травли. Опьянело!..

Ужъ внизу мою лошадь схватилъ подъ узды Маго-вадь-оглы.

— Стой!.. Ты хотѣлъ церковь видѣть вашей святой Миріамъ!

— Гдѣ она?

— Въ сторонѣ немного. Теперь, все равно, погони не увидишь. Они до слѣдующаго аула гнать будутъ. Молодецъ, что пелѣту украсть, спрячется тамъ у своего кунака, а остальные въ аулъ вернутся!

Я послѣдовалъ за нимъ.

Конь еще вздрагивалъ, поводитъ ушами, похранивалъ, заявляя поминутно желаніе сѣгнуть умѣренную рысь на дикій бѣгъ.

Большая поляна. Мѣсяцъ уже всталъ на краю неба. Сюда доходить только его слабый отсвѣтъ. Края поляны отодвигаются на царство тьмы непроглядной. Точно гнѣтъ ихъ вовсе. Только позади насъ видны деревья, а кругомъ мракъ, и изъ этого мрака выдѣляется едва освѣщенное

пято площадки. Тихо, сумрачно, торжественно позади въ дѣсу, но здѣсь, на этомъ пятнѣ, еще тише сумрачнѣе и торжественнѣе едва-едва намѣчаются, точно призраки, грандіозныя руины древняго храма.

И разобрать ихъ трудно! Смутно ужъ очень. Одна громадная масса стремится вверхъ, и ея-то вершина всего ярче видна. Точно виситъ она. Подножіе теряется въ сумракѣ. Кругомъ кучи щебня, обгрызки какой-то стѣны, круглая башня съ чернымъ зѣвомъ провала.

Чуть-чуть намѣтилось во мракѣ и опять ушло во мракъ, когда мѣсяцъ спрятался за тучей. На одну минуту только и показалось, строгое, торжественное, молчаливое и величавое. Такимъ оно мерещится мнѣ и теперь, полнымъ сумрака и тайны, безъ деталей, безъ второстепенныхъ набросковъ, но необычайно цѣльное, внушающее благоговѣніе. Точно старый, полузабытый сонъ встаетъ предо мною! Помнится еще только запахъ цвѣтовъ, которые, словно невидимыя кадила, возносили во тьмѣ свои благоуханія къ невидимому алтарю этого сумрачнаго храма, цѣлые вѣка умирающаго въ своей таинственной глуши.

И опять мракъ дѣса, и опять тряска на жесткихъ сѣдлахъ.

II.

ВЪ ГУРИИ И НА ЧОРОХЪ-СУ.

I.

П о у щ е л ь ю.

— Бичо (человѣкъ)! Гдѣ же конецъ этому ущелью? Глазѣ, скоро ночь будетъ!

— Нѣтъ конца, батона (господинъ)! Туда пайдошь— Азургетъ придошь, суда пайдошь — Багдадъ придошь... Два тысяча версты!..

Мой проводникъ вообще былъ склоненъ въ преувеличеніямъ. Съ какинъ-то конвойнымъ княземъ ему случилось побывать въ Петербургѣ, откуда молодой грузинъ вывезъ самое невыгодное понятіе объ умѣ русскаго человѣка. Мы по его мнѣнію, только и годились на то, чтобы, разинувъ ротъ, внимать восточному Хлестакову, если ему вздумается пуститься въ рассказы о своихъ чрезвычайныхъ походахъ. Такъ, мой бичо серьезно повѣствовалъ мнѣ о томъ, какъ нѣкая петербургская книжна вълюбилась въ него по-уши и даже хотѣла бѣжать съ нимъ, но онъ, въ порывѣ великодушія, отказался отъ нея, предоставивъ красавицу конвойному князю. Тотъ, разумѣется, женился на ней и въ приданое взялъ «много денга, два балшихъ миліона!»

— Твоей Тымазъ бывалъ? — спрашивалъ онъ у меня въ Цети.

— Идти. А что? Большой городъ?

— А Петербургъ видаль?

— Видаль.

— Десять разъ больше!.

Такимъ образомъ, у него и ущелье Кара-су раздвинулось въ одну сторону до Озургеть, а въ другую — до Багдада. Хотя онъ и шалъ рядомъ со мною, но я только и могъ различить громадный носъ, загибавшійся внизъ чисто по-истребинному. Этотъ носъ былъ очень замѣчательнъ. Паскыль онъ великъ былъ въ профиль, настолько же онъ казался незамѣченъ en face. Дѣло въ томъ, что это былъ настоящий грузинскій носъ, тонкій и длинный, какъ безобразные руки турецкихъ фезуковъ на Черномъ морѣ. Сверху все лицо бичо было закрыто папачой изъ верблюжьего сукна съ овчинной оторочкой, снизу все скрывала неключенная, лохматая бурка. Держался онъ на сѣдлѣ какъ-то бокомъ, чтобы казаться помолодочагѣе, точь-въ-точь, какъ питерскіе фланеры приманиваются на дрожжахъ тычкомъ, стараясь граціознѣе охватить при этомъ мѣтущую рядомъ съ ними дѣвицу легкаго чтенія. Для довершенія эффекта мой бичо постоянно раскрывалъ бурку, чтобы даже окружающія насъ деревья и скалы видѣли громадный кинжалъ въ серебряной оправѣ, болтавшійся у его пояса. Кинжалъ этотъ, какъ и все на немъ, былъ особенный. Шиньчки на его рукояти выдавались впередъ такъ же, какъ носъ на лицѣ его владѣльца. Оружіе это ужасно мѣшало проводнику, но онъ скорѣе разстался бы съ буркой и папачой, чѣмъ съ нимъ. Всюду, гдѣ ущелье расширялось, и дно его образовывало довольно гладкую поверхность, бичо съ гипсомъ и приспистою заснакивалъ впередъ, выхватывая кинжалъ изъ ноженъ и, размахивая имъ надъ головой, выдѣлывалъ на лошади самыя головокружительныя курбеты, повороты и завсасы.

— Пускай разбойникъ будытъ, чичасъ даюй бинка!.

И размахи кинжала становились еще энергичнѣе.

— У теби и кинжалъ, вѣрно, знаменитый? — спрашиваю его, зная слабость моего бичо.

Тотъ даже зажмурился.

— Кюръ-огу слыхалъ? Его ханджаръ самый. Тысячи душъ Кюръ-огу рѣзиль этимъ ханджаромъ. Инирагъ рѣзиль, кунца съ миндаломъ *) рѣзиль, тигра рѣзиль, левъ рѣзиль!..

И бичо пыталво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, желая, по-видимому, убѣдиться: повѣрю-ли я въ существованіе львовъ на Кавказѣ, или усомнюсь.

Аджара, куда я ѣхалъ, составляетъ часть турецкой Грузіи. Эта горная и дикая страна доступна только съ трехъ пунктовъ: изъ Батума проходомъ Аджара-цхвали, Бабланскимъ ущельемъ Ахалцхского пашалыка и изъ Гуріи рѣками Супсой, Губазели и другими. Аджарцы тѣ же гурійцы, только онусульманившіеся. Здѣсь въ разныхъ грущобахъ разбросано около семидесяти деревень, съ 15,000 жителей, съ трудомъ отстаивающихъ свою национальность отъ турецкаго вліянія, мало-по-малу захватывающаго въ свой районъ послѣднія гвѣзда грузинскаго племени. Съ каждымъ днемъ въ Аджарѣ замѣтно исчезаютъ послѣдніе сады христіанства, которое нѣкогда исповѣдывало все мѣстное населеніе. По свидѣтельству Дмитрія Банрадзе, исламъ внесенъ былъ сначала въ Лазистань, потомъ въ Чорохское ущелье и уже изъ нынѣшняго ахалцхскаго уѣзда проникъ въ Аджару. Акты, найденныя въ Гуріи, свидѣтельствуютъ, что мѣстечко Хино, гдѣ даже было пребываніе епископа, только въ 1790 году приняло мигометанскую религію. До сихъ поръ въ разныхъ пунктахъ этого интереснаго края встрѣчаются развалины храмовъ, самыя величественныя, самыя изысканныя въ Грузіи. Аджара была прежде владѣніемъ князей Гуріели. Въ 1483 г. она находилась въ рукахъ перваго извѣстнаго Гуріеля-Кахабера. Нѣсколько разъ она переходила къ Турціи, но всегда возвращалась обратно послѣ кровопролитныхъ войнъ. Такъ, наприимѣръ, Гуріель Маміа II въ 1609 г. истребилъ здѣсь турецкія войска, сжегъ мусульманскія поселенія и

*) Миндалъ—желѣзь.

присоединилъ къ своему царству Аджару, но опять ненадолго. Мени, впрочемъ, мало интересовало прошлое этой страны. Древніе акты и душевные архивы не особенно привлекательны; напротивъ, въ моихъ глазахъ мой проводникъ Вано Вардавія представлялъ несравненно болѣе живую и интересную дѣйствительность, цѣлый и ходячій архивъ народнаго міросозерцанія. Каждая жалкая деревушка, приближившаяся къ лыснѣ какаго-нибудь утеса, такъ и тянула къ себѣ. Среди развалинъ, затканыхъ бѣлой амавіей и широкластной бегоніей, я готовъ былъ проводить цѣлые дни, не мудрствуя лукаво, а въ волю пользуюсь свѣтомъ и прохладой, заглядывалъ на таинственную сцену горныхъ силуэтовъ, заслонившихъ золотистыя дали южнаго полудня. Мнѣ хотѣлось уйти туда подалее, спрятаться въ такую глушь, гдѣ бы все было и ново, и оригинально, гдѣ бы каждая встрѣча казалась выхваченной изъ «Тысячи и одной ночи». Отъ скалы къ скалѣ, отъ аула къ аулу, отъ ущелья къ ущелью!.. Солнце гребетъ, дождевыя тучи пока проходятъ мимо, дорога выдвигаетъ, одинъ за другимъ, самыя поразительныя виды горныхъ улоговъ, долинъ и утесовъ, розовыя кисти шелковистой абазии наполняютъ воздухъ такимъ ароматомъ, рододендроны, азалии и дивній жасминъ такъ и бьютъ въ носъ на каждомъ шагѣ, — до архивовъ-ли тутъ и историческихъ актовъ! Господь съ ними!..

— Батоно! Еще три верста и большой аулъ будытъ. Толки ты туда ѣзжай одна!

— Что такъ?

— Такой дѣлъ былъ. Мой отца рѣзилъ башка его отца!

— Кого это его?

— Леонъ Цулукидзе.

— Ты, значить, боишься показываться туда?

— Зачѣмъ боится? А толки ни надо рамбавія (шумѣ) дѣлать... Чужой народъ, сейчасъ! Тутъ Сафаръ-бей есть, онъ посадить въ турма... ты ѣзжай одна!..

Мы съ нимъ условились встрѣтиться въ двухъ верстахъ отъ аула, — иначе не знаю, какъ и назвать это

основание гурібскихъ мусульманъ. Избѣгалъ «шахтана Леона Пузукидзе», мой бичо долженъ былъ провести всю ночь въ развалинахъ стараго замка, вѣнчавшихъ вершину утесистой горы.

Ущельемъ Кара-су мы ѣхали уже второй день. И не могу до сихъ поръ забыть этого уголка Аджары. Въ самомъ началѣ передъ нами словно легла извилистая щель между двумя рядами голубыхъ горъ. Въ глубинѣ этой щели стоялъ точно туманъ. Гдѣ онъ былъ гуще, тамъ откосы горъ вѣзывались въ ущелье, гдѣ онъ растянулся ровною полосой, тамъ можно было отгадывать неширокія площадки, образуемыя раздвигавшимися стѣнами этой трещины. Даль ея манила къ себѣ своею заманчивою синью. Надъ однообразнымъ колеритомъ ущелья висѣли бѣлыя, кое-гдѣ сверкавшія рѣжушимъ глаза блескомъ снѣговыхъ шапки Чарахъ-дага и другихъ великановъ...

Въ это время мы переѣзжали какую-то небольшую рѣчку, разливавшуюся здѣсь патью рукавами. Лошади сторожеко ступали въ шипѣющую подъ ними воду, иногда изъ-подъ копытъ вывертывались круглые, выполированные водой камешки, и конь почти оступался и на минуточку приостанавливался, подаваясь назадъ. Надъ нами опрокидывалось безоблачное небо, словно еще раздвигавшееся въ даль и въ высоту. Черною точкою въ недосытаемой глубинѣ его висѣлъ горный орелъ. Въ душѣ незамѣтно росло впечатлѣніе свѣжести и простора. Въ этой глуши, несмотря на зной и на зло безлюдью, дышалось легко и весело. Гдѣ-то послышался рѣзкій, хищный крикъ и что-то, грузно прорѣзывая воздухъ, камнемъ шлепнулось въ зеленую чашу айвовыхъ деревьевъ.

Переправу мы кончили благополучно, и тутъ уже ущелье Кара-су раздвинулось передъ нами во всей своей красотѣ и дикомъ величїи. Громады горъ словно разошлись, чтобы пропустить чонкую бить тихаго потока, который весной, питаемый стоками талцаго снѣга, заливаетъ все окрестности и чисто смываетъ внизъ цѣлыя скалы, подтачивая ихъ глинистыми основами.

Дорога, — если можно назвать такъ узкую тропинку, гдѣ трудно развѣхаться двумъ конямъ, — взбѣгала на одну изъ зеленыхъ горъ. Громадные дубы и величавые буки устлали все понижи. Кое-гдѣ болѣе темная полоса орѣшниковъ охватывала и глушила со всѣхъ сторонъ крупныя каштановыя деревья, съ которыхъ въ эту пору красиво свѣсивались внизъ благоухающія кисти цвѣтотъ.

Выше тропинки, на яркомъ фонѣ неба, тонко рисовались граціозныя силуэты хвойнаго лѣса. Иногда одинокая сосна, взбѣгавъ на вершину горы, красовалась на веру, словно кокетничая каждымъ своимъ изгибомъ, каждою своею вѣтвью. На эти сосны, привычныя сѣверянину, съ особеннымъ торжествомъ, какъ на нѣчто рѣдкое, особенное, чрезвычайное, указывалъ мой проводникъ.

Вправо и влево отъ Карасуфскаго ущелья, какъ сырыя, черныя трещины, ложились другія ущелья, извилистыя, покрытыя сплошь неисходными лѣсами, любимымъ притономъ кабановъ. Часто оттуда съ громкимъ ревомъ вырывались горныя рѣчонки, словно взбивая милое вокругъ каждаго утеса, преградившаго имъ путь. Иногда, впрочемъ, и утеса не видно. Надъ нимъ только вдрагиваетъ, пугается и сверкаетъ радужными отблесками цѣлая масса пѣны.

Путь какъ-то пошелъ зигзагами. Тутъ былъ крутой спускъ внизъ. Пришлось крѣпко подгнать поводья. Мохнатая, маленькая лошадевка часто приостанавливалась, оглядывая пониже унылыми глазами. На обрывахъ она буквально сползала внизъ. Присѣдая на заднія ноги, она прямо вытягивала переднія и сѣзжала на нихъ, осторожно храни и поводи ушами. Въ одноцъ мѣстѣ я даже не рѣшился остаться въ сѣдлѣ и пустилъ коня одного. Оказалось, что лошадь при этомъ сошла внизъ гораздо легче и удачнѣе моего. Скатывалась по откосу, едва успѣвая хвататься за кусты, попадавшіеся направо и налево, получая чувствительные удары то отъ неустати подвернувагося каменнаго выступа, то отъ внезапно развер-

нувшейся вѣтки, я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ умно и осторожно съѣзжалъ внизъ мой буцефалъ, такъ же вытягивая переднія ноги, какъ канзты, и вѣтки сидя на повернутомъ хвостѣ. Спина его въ этомъ положеніи составляла почти горизонтальную линію. На другомъ концѣ беззаботно сидѣлъ мой бичо, съ усмѣшкой поглядывая на тщетныя усилія своего «батона» цѣлымъ и невредимымъ добраться до зеленой и сочной низины. Всего хуже было, когда я попалъ въ волочіе кусты, цвѣты которыхъ пахли очень хорошо. Это былъ какой-то душистый, но въ то же время невыразимо пріятный аромат. Разумѣется, я оцѣнилъ его уже впоследствии. Въ тѣ же минуты я не чувствовалъ низкого удовольствія отъ шиковъ, вонзавшихся мнѣ въ бока, паранашшихъ руки, раздражавшихъ лицо. Въ одномъ мѣстѣ пришлось неожиданно наткнуться на золотистую съ черными бархатными пятнами змѣю. На мигъ—ощущеніе чего-то мягкаго и холоднаго... противное ощущеніе!. Потомъ опять душистый аромат и шипы густого кустарника. Я, наконецъ, упалъ въ столбую лужу, спугнувъ оттуда какое-то черное тѣло, шарахнувшееся въ чашу орѣшанка. Кабанъ или смиренный волъ—трудно было замѣтить впопыхахъ. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ разъ навсегда не рисковать излннимъ свотолюбіемъ, и, какъ ни были круты и узки тропинки, преспокойно оставался въ сѣдлѣ.

Что можетъ сравниться съ чашею этихъ лѣсовъ, съ этой благодатной прохладой, когда, ошалѣвъ отъ страшнаго жара, охватывающаго путника на приекѣ, разомъ погружаешься въ полное тьмы и холода царство дубовъ и буковъ, всѣ промежи между которыми затканы лавровишнями и рододендронами! А эти, въ свою очередь, перебиты такою головокружительною путаницею дикой лозы и плюща, съ которою только и можетъ поспорить самая чудовищная, самая прихотливая восточная арабеска. Прѣзда солнце чисто-изумрудными лучами проникаетъ сквозь эту густоту листвы и цвѣтовъ и изумрудными же, движущимися пятнами ложится на тихія поляны. Въ

одномъ мѣстѣ на такой полянѣ я встрѣтилъ знакомую гурийскую хижину. Плоская кровля выходила далеко за переднюю стѣну жилья, образуя родъ веранды. Оконъ не было, только двери. Внутри тьма и прохлада, полъ посыпанъ какими-то благоухающими пѣвтами, вокругъ дома—позе кукурузы, и только... Кувшины подвѣшены подъ кровлей и холодѣеть въ нихъ вода подъ вѣтромъ.

— Есть тутъ кто?—спросилъ бичо по гурийски.

Молчаніе. Въ темнотѣ трудно было различить что-нибудь. Гдѣ-то хлопала мушца.

Мы уже хотѣли выйти, какъ на тахтѣ послышался шорохъ. Точно въ углу шевельнулось что-нибудь.

— Эй, кто здѣсь? Не обидимъ!

И бичо, обшаривъ уголь, встрѣтилъ тамъ что-то живое. Послышалось почти дѣтскія всхлипыванія и робкій голосъ.

— Оставь, не трогай!—крикнулъ я.

— Зачимъ оставь. Вода нужна, шамлыкъ надо!

Онъ вытащилъ на свѣтъ Божій преграціозное созданіе. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, едва прикрытая жалкими лохмотьями, съ цѣлою копной волосъ на головѣ. На лицѣ только и можно было различить большіе черные глаза, проубианные миндалинами. Они уже теперь сверкали лучистымъ блескомъ. Но ребенокъ былъ хорошъ только издали. Вблизи видѣлась въ глаза страшная грязь, точно дѣвочка не вѣдала о существованіи воды и мыла. Эта новая Сидрильона прекрасно, какъ оказалось, знала счетъ на русскія деньги. Заневоливъ абазъ, она стала словоохотлива и, почесываясь, жаловалась на «тигра», который будто бы рѣжетъ ихъ овецъ безпоощадно. Съ овцами отлучился и отецъ ея.

— А мать у тебя есть?

— Мать къ туркамъ ушла.

— Это зачѣмъ?

— Въ гаремъ. Сама хотѣла. Отецъ ее и продалъ,—повелъ въ Хузу, тамъ и продалъ. Она рада была. У Софаръ-бека теперь... Черезъ два года и меня продасть.

Точно она говорила о курицѣ, хлопотавшей тутъ же; равнодушно, какъ будто этому такъ и слѣдуетъ быть.

Мы поинтересовались узнать ея личное мнѣніе о такой гулявѣ и продажѣ.

— Тамъ хорошо. Платье бѣлое, сколько хочешь. На лобѣ оплережье повѣсить изъ золотыхъ тумановъ, на шею абазы въ нѣсколько рядовъ. Красное платье изъ мови, канаусовые шаровары, желтые чевина!

Лицо дѣвочки оживилось, зарумянилось. При одной мысли о канаусовыхъ шароварахъ она какъ-то выри-милась и, словно болящая, прошла по верандѣ, стараясь показать, какъ она будетъ шуршать этою великолепною частью восточнаго женскаго туалета. Она даже красива стала въ эту минуту, не какъ дитя, а какъ дѣвушка. Можно было отгадать въ ней роскошный расцвѣтъ и всерядъ поздравить чадолюбиваго отца съ значительнымъ капиталомъ.

Смѣясь надъ моимъ недоумѣніемъ, мой проводникъ разсказалъ, что въ Имеретіи и Гуріи до сихъ поръ даже отны-христиане продаютъ своихъ дочерей, а аджарскимъ грузинамъ мусульманскаго исповѣданія и Богъ велѣлъ. На Кавказѣ очень красивую дѣвушку богатые турки покупаютъ за шестьдесятъ рублей, при чемъ сумма эта въ голодные годы выходитъ до сорока. Дѣвушки идутъ охотно, потому что «канаусовые шаровары» и жирный шловъ все же привлекательнѣе одной и той же невзятной кукурузы и грязныхъ лохмотьевъ родительскаго угла. Случается, что какая-нибудь гурійская красавица сама уходитъ ночью изъ дому прямо въ руки агентовъ, торгующихъ женщинами для турецкихъ гаремовъ. Добраться только до Сухумъ-Кале, Поты, Озургета, а тамъ съѣли въ турецкую фелуку и—поминай, какъ звали! Въ прежнее время Гурія для турокъ была нѣкоторымъ образомъ разсадникомъ женщинъ для гаремовъ. Ватаги турецкихъ разбойниковъ трудными тропинками пробирались сюда, окружали села и чѣсто, перебивъ мужчинъ и старухъ, уведли мальчиковъ, дѣвушекъ и женщинъ. Первые пред-

назначались въ сплухи, вторымъ шли на рынки Смирны, Трапезунда, Константинополя и доходили даже до Каира. Теперь такой нахальный способъ пополненія гаремовъ невозможенъ, и населеніе русской Гуріи, вмѣсто прежней убыли, начало приращаться, но въ Чурухъ-чу (Чорохъ-су), Аджаріи и другихъ пограничныхъ съ Кавказомъ мѣстностяхъ турецкіе разбойники дѣйствуютъ попрежнему.

— Баранина есть?—спросилъ у дѣвушки мой проводникъ.

Та только вытаращила на него свои прекрасные глаза и причмокнула языкомъ, что равносильно слову «нѣтъ».

— А курицу продаешь?

Дѣвочка кинулась къ простодушной насадкѣ и, оглянувшись пугливо, швырнула ее въ какую-то кѣтку. Оказалась непроданная. Сама опять было забралась въ уголъ.

— Что же есть у васъ?

— Джоріела!

Мы невольно поморщились. Джоріела—плохой видъ кукурузы, чуть не дико растущей на горахъ, въ холодныхъ и сухихъ мѣстностяхъ. У меня даже зубы заныли при одной мысли объ этой жесткой и невкусной сѣднѣ.

— А гони есть?

Молчаніе. Предложеніе зарѣзать курицу, повидимому, заблѣкло дикарку. Проводникъ было хотѣлъ самъ распорядиться, съ тѣмъ, чтобы послѣ оставить плату. Но я рѣшительно воспротивился этому, и онъ, ворча, принялся рыться въ сумкахъ и размыскивать чего-то, хотя мы оба хорошо знали, что тамъ, кромѣ кукурузныхъ лепешекъ, нѣтъ ничего. Время плодовъ еще не настало. Была, правда, алуца и черешня, но въ этой части Аджары ее мало, да, пожалуй, и совсѣмъ нѣтъ... Роясь въ сумкахъ, мы вытащили свертокъ позумента. Смотрю—дикарка подходить сама: уставилась на него глазами. На лицѣ борьба видна. Сообразивъ дѣло, я какъ-будто ненарочно развернулъ его. Золото блеснуло подъ скудными лучами, едва проникавшими въ саклю.

— Ай, вай!—съ восторгомъ причмокнула дѣвушка.

Мы какъ будто и не замѣчаемъ. Свертываемъ позументъ.

— Если этотъ позументъ да покрутъ головы, на тав-сакрава (головной уборъ), чудо что такое!—какъ-будто про себя проговорилъ бичо по-гурійски Она подвинулась еще ближе. Глаза такъ и разгорѣлись. Алый, маленькій ротъ неловко, робко улыбается. Рука то впередъ протянется, то назадъ отойдетъ.

— А примѣрить... можно?

— Что жь, примѣрай, зеница глазъ моихъ!

Оттуда ужъ всталъ кусочекъ зеркала—не знаю. Только она за нимъ никуда не ходила. Обернула голову позументомъ и засмѣлась, въ ладоши хлопнула и по горницѣ запрыгала.

— Что ты не выустышишь курницу, ишь какъ она у тебя, бѣдная, бьется!—добродушно и какъ будто вскользь замѣтилъ бичо, и громадный носъ его какъ-то передернуло при этомъ.

— А много надо этого позумента, чтобы и рукава на платье обшить?

— Пустяки... Только если здѣсь ничего нѣтъ, такъ намъ и ѣхать пора; можетъ быть, встрѣтимъ другую саклю гдѣ-нибудь, тамъ продадутъ курницу!

Дѣвушка заусила губу и... спустя двѣ минуты, курница уже варилась на таганчикѣ надъ наскоро разложеннымъ огнемъ. Несчастная жертва нашего коварства пошла за три аршина мишурной тесьмы, а змій-искуситель, въ лицѣ моего бичо, свирѣпо хлопоталъ надъ кастрюлей, чуть не разваривая въ ней, вмѣстѣ съ насѣдбою, свой собственный носъ.

Гурійку и узнать нельзя было. Она сообщила, что ее зовутъ Фатимой, что она мусульманка, что отецъ ея тоже мусульманинъ, но что пресвятую Богородицу и почему-то царичу Тамару они очень почитаютъ. Что вблизи въ дѣсу есть священная роща, гдѣ нѣкогда стоялъ христіанскій храмъ, разрушенный валимъ-то эфендіемъ. Что

это мѣсто, какъ и всѣ христіанскіе храмы, возбуждаетъ въ нихъ страхъ,—если тамъ поклониться и не исполнить клятву, то ночью непременно придетъ шайтанъ и задумитъ человека или броситъ его въ пропасть на дорогѣ... Что у ея отна есть образа, бывшіе когда-то въ этомъ храмѣ, и онъ бережетъ ихъ, какъ святыню, и всякій разъ молится имъ послѣ намаза. По праздникамъ передъ этими образами рѣжутъ куръ, а богачъ Хамша-швани волеетъ даже въ честь ихъ барановъ. Отъ турокъ эти образа скрываются тщательно и особенно боится говорить о нихъ ближайшимъ мулламъ. Узнавъ, что мы христіане, дикарка рѣшилась показать намъ эту святыню, къ которой она относилась съ суевѣрнымъ ужасомъ. Оказались изображенія св. Нины, св. Тамары и Георгія Побѣдоносца, всѣ стариннаго грузинскаго письма, потемнѣвшія и выцвѣтшія окончательно. Мой проводникъ перекрестился, а дѣвочка спрятала ихъ обратно, предварительно приложась къ нимъ лбомъ. Такимъ образомъ, старая религія хранится здѣсь, хотя и жалкими осколками. Прекрасныя каменные церкви, бывшія иѣкогда въ Дондало, Кадѣ, Хулѣ и Схалте, по свидѣтельству Бакрадзе, сломаны, за исключеніемъ схалтской. Схалтская—одна изъ лучшихъ въ Грузіи. «Она безъ купола, не очень велика, но поражаетъ необыкновенною чистотою отдѣлки, изыщною рѣзбою, прекрасной живописью и особенно затѣйливыми арабесками», узоръ которыхъ нигдѣ не повторяется. Каждое окно имѣетъ свой узоръ, и каждый уголъ окна не похожъ на другіе углы арабесками. Фантазія безгранична! Судя по стилю, схалтскую церковь слѣдуетъ отнести къ X—XIII столѣтіямъ; она принадлежала къ михетской епархіи, и мѣстные поселенцы до сихъ поръ рассказываютъ о ней множество легендъ, гдѣ пренія христіанскія вѣрованія облечены въ поэтическія формы и краски мусульманскаго міровоззрѣнія.

Несмотря на нѣкоторое сходство гурійской рѣчи въ устахъ дѣвочки и моего проводника, мнѣ сразу бросилась какая-то весьма ощутительная разница между тою

и другою. Рѣчь дѣвочки звучала иногда чѣмъ-то совершенно постороннимъ и даже враждебнымъ гурійскому языку. Я поразспросилъ объ этомъ у бичо, и онъ мнѣ объяснилъ, что аджарскіе и чорохъ-суйскіе грузины мало-по-малу поддаются вліянію турецкой народности и даже воспринимаютъ въ свою рѣчь нѣкоторыя фразы и обороты болѣе сильнаго племени.* Эта порча гурійской рѣчи въ настоящемъ случаѣ тѣмъ еще замѣчательнѣе и непонятнѣе, что въ Аджарѣ не живетъ ни одного турка, между аджарскими поселеніями нѣтъ ни одного турецкаго ставнища, и, такимъ образомъ, два племени совсѣмъ почти не соприкасаются между собою. Турки не стараются вліять на аджарцевъ, которые управляютъ своими же беками—князьями грузинскаго происхожденія. Движенію въ пользу турецкаго языка особенно усилилось въ эти двадцать лѣтъ. Мѣстами здѣсь, среди сплошнаго гурійскаго населенія, уже не говорятъ по-грузински, и теперь встрѣтить аджарца, владѣющаго прекрасно турецкимъ языкомъ и не понимающаго своего—вовсе не диво, хотя можно поручиться, что тотъ же аджарецъ нигдѣ и никогда не видѣлъ настоящаго турка.. Еще страшнѣе то, что вліяніе турецкой рѣчи отражается и на русскихъ гурійцахъ озургетскаго и ахалцыхскаго уѣздовъ. По окраинамъ, прилегающимъ въ Аджарѣ, они уже усваиваютъ себѣ чуждые обороты и совершенно равнодушны къ русскому языку, хотя съ нами они находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ, чѣмъ съ турками. Есть аджарцы, которые, вполне ненавидя турокъ, тѣмъ не менѣе съ большимъ удовольствіемъ говорятъ по-турецки, чѣмъ по-своему. Это ясно. Племенная вражда уступаетъ вліянію религіи, особенно такой, какъ мусульманская, которая охватываетъ всего человѣка и тяжелою гнетомъ ложится на его мысль, слѣзается съ его грезами, являетелъ цензоромъ каждаго его поступка. А что племенная вражда существуетъ, доказываетелъ начинающіеся въ Аджарѣ волненіемъ противъ турокъ. Гурійцы возстаютъ противъ безсовѣстныхъ поборовъ турецкаго правительства и выгоняютъ вонъ немногихъ турец-

нихъ чиновниковъ, присылаемыхъ сюда изъ Пашалыка. Знаменательно это одновременное разложене, обнаруживающееся въ самыхъ противоположныхъ пунктахъ блистательной Порты: Герцеговина и Аджара, христіанство и мусульмане. Тутъ дѣло не въ вѣрѣ, а просто жутко жить стало, душно и тяжело. И самому турку также некуда уйти отъ голоденокъ и административныхъ безобразій, какъ и несчастному рабу его, рабѣ. Одинъ такъ же тяготится своею властью, какъ другой своимъ ярмомъ. И напрасно думаютъ, что изгнаніемъ турокъ въ Азіатскую Турцію уже совершенно устраняются всѣ затрудненія настоящаго момента. Въ Аджарѣ Оттоманской имперіей готовится вторая Герцеговина, а въ Чоухъсу, Курдистанѣ и Лазистанѣ—второй Критъ. Борьба будетъ неизбежна, и борьба еще болѣе безнадежная, потому что для возстанія несчастные подданные турокъ должны забыть общность религій съ своими повелителями, подавить свои мусульманскія симпатіи и стремленія. И рядомъ съ этимъ очевиднымъ явленіемъ, рядомъ съ этимъ накопленіемъ легко возгорающихся элементовъ ненависти, недовольства — удивительное распространене турецкаго языка, какъ результатъ того же религіознаго вліянія. Такимъ образомъ, не слѣдуетъ ли признать, что и въ наиболѣе косномъ, мусульманскомъ мірѣ вѣра и жизнь уже расходятся по разнымъ путямъ, церковь и государство живутъ обособленно, а социальный строй мало-помалу уходитъ изъ-подъ рукъ эфендіевъ и муллъ.

Курица была съѣдена, послѣдняя бутылка взятаго съ собою превосходнаго изарели вынута... Мы заплатили дѣвушкамъ за услуги и выѣхали. Лѣсная тропинка отсюда круто сворачивала въ сторону и, спустя полчаса, мы уже выѣхали на опушку. Гдѣ-то пониже имѣлась другая тропинка, прямо изъ одинокой савлѣ землянкѣ, плоская назанал кровля которой почти пропадаза за темною зеленью гранатовъ, сквозь листву которыхъ точно шлозили ихъ крушныя огненные вѣты. Западъ тоже шлозали. Солн-

це садилось. На яркомъ фонѣ заката весь вырисовался почти черный мостъ, аркою перелетавшій съ одной стороны на другую, мостъ безъ перилъ, но прочности необычайной. Столѣтія прошли, а онъ стоитъ здѣсь несокрушимый, не потерявъ ни одного камня изъ своей надвиге сплотившейся массы. Какъ и всѣ постройки на Кавказѣ, онъ приписывается царицѣ Тамарѣ. Подъ черною аркою смѣлаго моста блѣднѣла и съ глухимъ ревомъ неслась впередъ клубы радужной пѣны горная рѣченка. Даже отсюда жутко было подумать о переѣздѣ черезъ арку. Перилъ некакихъ, а вода саженяхъ въ семидесяти внизу. Вдали изъ огнистаго моря смутно выдѣлывались едва намѣченные горныя массы, лежащими на западѣ словно фиолетовыя тучи... Ближе къ намъ гладкая поверхность inferнаго утеса, испещренная трещинами, сіяла, какъ золотая доска, испещренная гроздобразными надписями... Какой-то унылый свистъ вѣтра доносился изъ ущелья свозъ ревъ рѣки... Даже землянка внизу не мѣшала этому безлюдью, даже она не оживляла дикой пустыни...

Со дна долины поднимался туманъ... Клубы его, словно какія-то чудовищныя амфибіи, медленно ползли вверхъ по откосамъ горъ, цѣпляясь по скаламъ и кручамъ. Вонъ длинная запа уцѣпилась за одинокій утесъ, и вслѣдъ за ней грузно поднялась вся сѣрая масса, а другая уже тянется къ тому боковому лѣсу... Только вершины дубовъ плаваютъ въ однообразномъ морѣ мглы... Заволокло ближайшія горы... На двухъ утесахъ, соединенныхъ аркой, уже ступаютъ тучи... Одинъ только мостъ словно виситъ въ воздухѣ... Вотъ тучи двинулись одна за другой... Арка словно таетъ по краямъ... Меньше, меньше и—совсѣмъ пропала, наконецъ. Только огнистое зарево заката порою еще мѣдно-краснымъ багрянцемъ сквозитъ во мглѣ... Но и оно уже блекнетъ.

Какими необычайными ароматами нахнуло со дна долины! Раздражается кровь; нервы какъ-то напряженно бьются... дыханіе становится порывисто и неровно. Можно съ ума сойти отъ этого запаха... Земля точно падитъ

небу въ этотъ торжественный часъ величаво подступающей ночи, кадитъ всеми своими чудными ароматами. Всѣ южные цвѣты раскрыли чашечки и курятся... Но между другими особенно слышенъ запахъ шалфейной ципи и благоуханіе огромныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ сильнодушистой магноліи. Мой проводникъ восторожился. По этому запаху онъ заключилъ, что гдѣ-то вблизи есть садъ... Носъ его тщетно вытягивался впередъ. Наконецъ, онъ безнадежно ударилъ себя по бокамъ.

— Не знай, гдѣ... Большой садъ... Должно, бѣгъ жить. Пилавъ есть, шашлыкъ...

И онъ такъ повелъ носомъ, точно раздражающій нервъ голоднаго человѣка запахъ пригорѣлаго мяса уже достигъ этой высокой и пустынной площади.

Наивный грузинъ шизакъ не могъ понять, что и бы ни за что не промѣнялъ эту чудную ароматную ночь на всевозможныя благоуханія кебаба, шашлыка и пилава, приправленнаго вареной въ сахарномъ соку душицей.

Тѣмъ не менѣе, по этимъ узкимъ тропинкамъ по ночамъ не ѣздить. Направо и нѣлѣво—обрывы; увѣренный днемъ, ночью шагъ коня становится неровнымъ; онъ точно смущенъ и не знаетъ, куда ему ступить въ туманѣ. Въ сброй мглѣ предметы сливаются. Скала вырастаетъ въ гору, а гора кажется темной тучей. Обрывъ заслоненъ клубами тумана. Облако виситъ надъ бездной—и ея не видно. Развѣ только роботъ потока внизу надоумить. Сильная влажность гурійскихъ долинъ, обуславливающая такую роскошную растительность, въ то же время отнимаетъ всю прелесть у здѣшней ночи. Неба не видно снизу. Ни одна звѣзда не роиляетъ своихъ трепетныхъ лучей въ тихіе сады одинокаго аула, и только когда подымаешься выше тучъ, въ обитель орловъ, тогда раскинется надъ вами эта словно дышущая твердь, устланная крупными звѣздами, сверкающими не голубымъ, льдистымъ блескомъ сѣверной ночи, а желтымъ, страстнымъ мерцаніемъ юга... Изъ тумана подымается и словно

плавасть въ немъ вершина одинокаго кипариса. Чу! Гремучая пѣсня соловья долетѣла снизу и опять замолкла... Тишина. Слышно только, какъ камни, обрываясь сверху, пересчитываютъ все выступы крутого ската и падаютъ въ глухо-шумящую рѣчку, такъ глухо, что ея рокотъ будто и не нарушаетъ этого благоговѣйнаго молчанія природы...

Когда мы чуть не ощущая поднялись выше тумана, передъ нами, точно чудный романтическій сонъ, встали полуразрушенныя башни замка,—круглыя башни, облитыя луннымъ блескомъ. Окно въ окно сквозило... Синіе мѣсяца выхватывало изъ синей тьмы и зубья развалившейся стѣны, и словно изъденныя массы стариннаго храма съ провалившимся куполомъ... Верхушки развалились все на свѣту, ихъ основаніе прячется во тьмѣ. Вверху видно даже, какъ искривленные, ползучія вѣтви какихъ-то растений вырываются изъ камня и снова уходятъ въ камень, оставивъ на свѣту нѣсколько крупныхъ листьевъ, казущихся теперь черными... Зато внизу ускользали отъ взгляда цѣлыя груды обваливагося камня... И все это было такъ стройно, такъ красиво, такой воззвѣіи полно, что разомъ воскресли все сказочныя грезы юности, все средневѣковыя былины стали лицомъ къ лицу со мною, какъ живыя...

— Экая прелесть попал!—не выдержалъ я.

— Скорпіонъ есть... Змѣй живетъ! Самы дурной мѣста!—разочаровалъ меня проводникъ.

Тѣмъ не менѣе, дальше уходить было некуда. Тропинка, обитнувъ свободную отъ тумана вершину горы, убѣгала опять въ туманъ. А тамъ шли бездны и кручи... Тутъ еще ужалить-ли скорпіонъ или нѣтъ — бабушка на-двое сказала, а тамъ—во всякомъ случаѣ, шею сломаешь.

— Что жъ, остановимся здѣсь.

— Куда пойдемъ!

— Гдѣ-же, въ развалинахъ, что-ли?

— Тамъ шайтанъ... Здѣсь бурка стели, сунка въ го-

лову и бай! — прибавилъ, улыбаясь, бичо, цоголвиний столь основательнымъ знаніемъ русскаго языка. Я не послушалъ и вошелъ въ развалины сквозь полуразрушенныя ворота. Стѣнки ихъ еще существовали, но арка давно легла внизу безобразною грудой. Когда я ступилъ на нее, подъ ногами въ камняхъ послышалось подозрительное шуршаніе и шорохъ. Но отступать было уже некогда, невыносимо же, если этотъ длинный пось нахально засмѣется вамъ навстрѣчу, а обладатель его разразится какою-нибудь грузинскою остроотой, которой вы не поймете, а потому и претендовать на нее не имѣете права. Я не ошибся, сказавъ, что пось моего бичо могъ смѣяться. Онъ какъ-то сморщивался, весь стягивался кверху, отчего становился еще уродливѣе. Мнѣ это разъ уже было памятно, во время достопамятнаго спуска съ горы, описаннаго выше...

Внутренность развалинъ была вся ярко освѣщена луною, какъ разъ впереди. Позади стѣны уходили во мракъ, и только бойницы сквозили, точно въ этой тѣмѣ были свои просвѣты, узкіе, какъ лезвіе ножа или какъ носъ моего проводкаго. Груды камня, обломки стѣнъ и круглыя башни, — но какъ все это красиво и строго красиво! Ничего лишняго, ни одной линии некетати. Даже трава и кусты наверху, и тѣ на своемъ мѣстѣ. Массы башенъ подъ луною казались еще толще, еще фундаментальнѣе. Въ нихъ чертили трещины, затканныя плуцемъ... Вставки блага подреватаго камня въ стѣнахъ представлялись глыбами матоваго серебра. Внутри башни глухо и жутко... Что-то, неожиданно-потревоженное, скользитъ вдоль стѣны и причется къ камнѣ. Что-то юркнуло тутъ же подъ вами. Я даже приподнялъ ногу, совершенно инстинктивно... Стѣнъ не видно, онѣ въ тѣни; зато иззубренный кругъ вершины башни весь на свѣту и блестятъ, точно осыпанный снѣгомъ... Въ одну изъ узкихъ бойницъ прямо свѣтитъ яркая звѣзда. Сверху осыпается щебень. Что-то грохнуло въ грудь камня у стѣны, что-то прощелестило около по остатку аркады,

такъ прошепестило, будто юркая ящерица, извертываясь и заглядывая въ каждую рабинку камня, быстро проскользнула вверхъ, на лунный свѣтъ.

Такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце робко бьется въ груди, и духъ захватывается.

Вотъ на прилѣбѣ блеснуть золотой комочекъ, — наверху, а весь виденъ. Это свернувшаяся змѣя. И она красива, и она у мѣста. Да, что бы не сдѣлать умѣстнымъ этотъ щедрый свѣтъ луны?.. А ночь-то, самая печь: точно кто-то дышетъ рядомъ съ вами, точно кто-то вздыхаетъ тутъ. Скажешь, пощелкай разлить въ воздухъ. И покажутся эти разначины живыми, и населеть ихъ яркая греза цѣлымъ росемъ виднѣй и звуковъ.. Какъ хорошо!

— Батона! — слышалось откуда-то.

Вѣрный мой Санчо обезпокоился. Нужно было идти назадъ.

— Халы суда, халы туда. Голова долой, — канчалъ башка! — угрюмо ворчалъ онъ.

— Что такое? — не понялъ я.

— Что такой, что такой! Шайтанъ тамъ; а нѣтъ шайтана — разбойники есть!

Я расхохотался. Фантазія Ваню была еще богаче моей; ему всюду чудились шайтаны и разбойники.

— Твой будить рѣзить, а денга не получу миנדаль — фью!

Ваню почему-то былъ убѣжденъ, что за благополучное окончаніе моей поѣздки онъ получитъ медаль. Какъ и ни разубѣждалъ его, все было напрасно — медаль засыла у него въ головѣ; напрасно я говорилъ ему, что не имѣю ничего общаго съ чиновниками, путешествующими по службѣ и испрашивающими медали ихъ провожатнымъ; напрасно объяснялъ, что я частный человѣкъ, празднующійся. Ваню только хитро прищуривалъ лѣвый глазъ и дергалъ носомъ въ сторону, словно заявляя:

— Оставь, ужь и знаю, что знаю, меня не надуешь!

И при первомъ случаѣ опять несколько занималя уверенность въ неизбежномъ полученіи медали за мою скромную особу. Иногда даже его интересовалъ вопросъ, на какой лентѣ эта медаль будетъ: на голубой или красной.

— Луче желты!—безапелляционно рѣшалъ онъ, и повторилъ нѣсколько разъ, желая, чтобы это поглубже застряло въ моей памяти.

— Желты лента золотой медалы!

Разостлавъ бурки и положивъ подъ головы сумки, мы улеглись, закутавшись, елико возможно. Видъ развалинъ, дышащее небо, словно мигающія звѣзды, стреноженные кони, ихъ фырканье и удары копытъ долго еще мерцались мнѣ, и я заснулъ счастливымъ беззаботнымъ сномъ, увидавъ въ послѣднюю минуту облитую луннымъ свѣтомъ круглую башню развалившася замка.

Въ другихъ частяхъ края туристы встрѣчали на вершинахъ горъ такіе же угрюмые замки. Какъ и мосты, гурійцы принимаютъ постройку замковъ парижъ Тамарѣ. Мусульманское населеніе этой страны одинаково вѣритъ въ легенды о Тамарѣ, какъ и христіанское—Кавказа. Нѣкоторые замки положительно напоминаютъ генуэзскія развалины по восточному берегу Чернаго моря, а немногіе похожи на рейнскія развалины этого рода. По одному ущелью Верхней Аджары насчитывается до четырехъ замковъ. Руины ихъ часто возвышаются посреди ауловъ (не знаю, какъ вѣчаютъ и называютъ аджарское село); кое-какъ сдѣланныя и обложенныя сакли робко жмутся къ этимъ башнямъ, но въ самомъ паденіи своемъ грознымъ великанамъ. Часто хижины примощены къ ихъ стѣнамъ, а мнѣ, напримѣръ, случилось даже видѣть башню, къ которой, словно уши, были подстроены сакли снаружи и внутри до самой ея вершины. Она была и безобразно-грязна, и въ то же время невыразимо красива и живописна! Во время набѣговъ стараго добраго времени въ эти башни пряталось все населеніе аула или становища.

Гурійскіе феодалы не уступали прирейнскія собратьямъ въ хищничествѣ. Они усылали всѣ вершины крутыхъ горъ своими замками, и горе купцу-армянину или мирному путешественнику, пробирающемуся внизъ у ихъ подножіи. Камнемъ падали сверху коршуны, и несчастную, биншуюся и тщетно протестующую жертву уносили на эти скалы, гдѣ добыча братски дѣлилась между княземъ или бекомъ и разбойничьею дружиною, а путникъ или купецъ сбрасывался внизъ, такъ что въ долину, если и долетали, то безобразные куски кроваваго мяса. Еще недавно у насъ, въ Кутаисской губерніи, чуть ли не въ шестидесятихъ годахъ, такимъ же образомъ разбойничать князь Абанидзе, о мужествѣ и красотѣ котораго разсказываются цѣлыя легенды. До сихъ поръ его замокъ не тронуть и, какъ орлиное гнѣздо, виситъ онъ надъ мирной гурійской долиною, по которой дѣшво извивается красавица-рѣчка Квирило.

Утромъ и проснулся отъ неожиданнаго удара по моей рукѣ. Смотрю — рядомъ бичо, встревоженный и блѣдный.

— Что съ тобою, князь?

И забылъ прибавить, что Ваню дѣйствительно послѣ этотъ титулъ и во Франціи имѣлъ бы право именоваться принцемъ.

— Гляди... песоки!

Смотрю — на песокъ верочается, приподнимая хвостъ, окончивающійся жаломъ, отвратительный зохматый скорпионъ, какого-то гниlostнаго, зеленовататаго цвѣта, весь въ противныхъ складкахъ и суставахъ. Какъ оказалось, Ваню ловко смахнулъ его съ моей руки въ то самое время, когда ядовитая гадина собралась забраться ко мнѣ подъ рукавъ отъ стужи. При одной мысли объ этомъ меня обдавало холодомъ. Не такъ опасно, какъ противно прикосновеніе этой мерзости. Развалины, повидимому, кипиля-кипѣли ими, а когда мы приподняли бурки, разостланныя на землѣ, подъ одною оказалась забравившаяся во впадину камня сбровагала змѣя съ черными кольцами и узенькою граціозной головкой. Потревоженная, она злобно

зашипела и высоко подняла голову надъ красивымъ сверчкомъ своего гѣла. Звѣз ее похвинуто отирывался во всѣ стороны, и тонкое жало языка далеко высовывалось впередъ, дрожа, какъ задѣтая струна. Бичо хладнокровно расплющила скорпиона камнемъ, такъ что обрызгала отаратительной жидкостью его окрестные валуны; потомъ пришла очередь зѣи.

— Тыперь твой чюдодь! Я буду Кюръ-огла, а ты инаралъ. Давай башка!

Зѣи откинула голову назадъ, словно приготовилась моментально вонзиться въ руку врага, играющую передъ нею кинжаломъ. Жало заколебалось еще замѣтнѣе, шипѣніе становилось яростнѣе.

— Смотри, князь, укуситъ!

— Одинъ такая биль, кусалъ!

И ловко отсѣченная голова зѣи повалилась внизъ, продолжая зѣвать и сверкать глазами, хотя языкъ уже оттянуло внутрь. Острые малые зубы зѣи были очень изящны. Что значитъ наружность: зѣи была несравненно ядовитѣе скорпиона, но въ то же время, какъ глазъ любовался изящными извилами первой, второй возбуждалъ одно отвращеніе.

Начлеги здѣсь почти всегда сопровождаются такими неожиданными сюрпризами. Приходилось убѣдиться, что бурка вовсе не избавляетъ отъ приближенія гадюкъ и скорпионы далеко не чувствуютъ ужаса передъ овчиной. Бичо не ограничился убійствомъ врага: онъ разрѣзалъ на куски зѣю, чтобы показать мнѣ, какъ каждый изъ этихъ кусковъ еще сокращался и шевелился, сохраняя отдѣльную жизнь. Голову зѣи онъ расплющила и закопала.

— Сросутся! — пояснилъ онъ мнѣ, наивно показывая зубы, бѣлыя зѣиныхъ.

— Ну, спасибо, Ваню, что отъ скорпиона спасъ. Мучился бы и теперя!

— Жолты лента лучи. Золотой миндадь, жолты лента! Я только отпахнулса рувою.

Утро было прелестное. Только-что вставшее солнце раз-

гонило туманъ; одна за другою облажалась вершина окрестныхъ горъ. Лошади отъ ветеринарія скребли землю копытами. Какал-то черная птица вымала изъ развалины и разомъ утонула въ яркомъ сияннн зари, только хищный клекотъ замеръ въ воздухѣ. Словно костры, на вершинахъ запылали снѣговые глыбы. Тусклый блескомъ отразили зарю гладкія скалы; мгла, еще клубившаяся въ безднахъ, приняла фиолетовые тоны. Какъ хороши были развалины въ эти минуты! Ихъ обило розовымъ блескомъ, и онѣ словно ягѣли въ этотъ аломъ мерцаннн, выступая на свѣтъ каждою своею выпуклостью. Кусты на вершинахъ башенъ, самыя башни, зубцы стѣнъ, груды щебня—все это разомъ оживилось, точно въ эти безжизненные камни влилась горящая яркимъ руинцемъ кровь молодости и силы. И странно: розовѣли они не снаружи, зоря не изливъ обливала ихъ своимъ торжествующимъ блескомъ. Нѣтъ, этотъ руинецъ словно расходился изнутри ихъ, точно тамъ посреди была центръ этой жизни, средоточіе этого блеска.

Тропинка вела отсюда черезъ арку стариннаго моста безъ устоевъ. Мостъ былъ такъ узокъ, что если бы кто-нибудь ѣхалъ навстрѣчу, то одинъ изъ насъ своего коня долженъ былъ бы сбросить внизъ, прямо въ ревущую бездну потока. По окраинамъ арки замѣтны слѣды парапета, но онъ давно обвалился и только въ одномъ мѣстѣ торчитъ часть его одинокимъ зубцомъ. Странное чувство охватило меня здѣсь, — чувство не страха, а какое-то напряженіе всѣхъ нервовъ. Каждый какъ будто живетъ отдѣльною жизнью, жилы вытягиваются, пульсъ бьется сильнѣе, и при каждомъ взглядѣ внизъ кружится слегка голова. Нѣсколько сотенъ лѣтъ стоитъ эта замѣчательная арка, а все-таки странно — какъ вдругъ оборвется и рухнетъ внизъ? И за лошадь жутко. Оступится — и поминай, какъ звали! А тутъ, какъ нарочно, слушаешь, какъ потокъ ворчитъ внизу, какъ горныя теченія разбиваются р скалы, торчащія сверху острыми. По склонамъ горъ внизу аснутъ огромные лѣса, а сверху отсюда кажется, что

только трапа устилаеть откосы. Жутко! Хоть бы лошади проскакала стремглавъ, какъ сдѣлалъ это съ своею мой бичо изъ молодечества; итъ, едва ступаетъ, медленно, осторожно, точно она не доврѣлеть или итъ, сѣдоку, или аркъ, писищей надъ пропастью. Колѣни сами собою тѣснѣе сжимаютъ бока коня, и при всякомъ движеніи подпрути руки невольнo хваталась за гриву лошади... А все-таки и въ этомъ напряженіи нервовъ до боли, и въ этомъ страхѣ, если только можно было назвать подобное чувство страхомъ, есть что-то приятное, хорошее. И жутко, и весело. И голова кружится, и хочется въ то же время крикнуть на весь этотъ просторъ.

Говорятъ, что привычные люди не боятся переѣзжать эти арки даже и тогда, когда онѣ прячутся подъ тучами. Признаться, я бы на это никакъ не пошла. Особенно опасна была арка, которая повалась на нашия пути. Поверхность камней тутъ такъ сгладилась, что копыта лошади скользили и разбѣжались по сторонамъ. А когда на этомъ шаткомъ основаніи покоится туча, тутъ уже мало чутья лошади. Коню трудно обладать цѣпкостью обезьяны или способностью цыпки присасываться ко всему. Но вотъ мостъ кончается. Колѣни разжимаются сами собою, руки освобождаютъ гриву, и посадка дѣлается незамѣтно молодцоватой, точно это и не ты вовсе трепеталъ одну минуту тому назадъ. Даже шумъ бездны, исчезавшій позади, становится гармониченъ, и душно чувствуешь, какъ онъ подстать этимъ дикимъ кручамъ и скаламъ, какъ хорошо выдѣляется на его однообразномъ фонѣ флоритуры рѣзкого, пронзительнаго крика водяной птицы и унылый стонъ тѣснаго фазана.

Тренишка за мостомъ круто спускалась внизъ. Лозы дикаго винограда глушили остальную растительность. Громадные пантаны и маститые дубы задыхались въ мощныхъ объятіяхъ этихъ удавовъ, перекалывавшихся отъ ствола къ вѣтвямъ, отъ вѣтвей на другія деревья. Нѣкоторые ряды малорослыхъ орѣшниковъ совсѣмъ прятались въ этой убійственной сѣткѣ. Свернуть въ сторону отъ

тропики иногда было невозможно, именно потому, что частый переплет одеревеневшихъ лозъ былъ доступенъ только топору или огню. Странное дѣло: несмотря на обиліе грозъ, здѣсь почти нѣтъ дѣсныхъ пожаровъ. По крайней мѣрѣ, по всему пути мы не видали ни одного выгорѣннаго мѣста. Невольно вспоминались при этомъ сѣверные лѣса, мощные своимъ подавляющимъ однообразиемъ. Ѣдешь тамъ, бывало, недѣлю—и ни одной поляны. Сѣрые стволы сосенъ, въ ихъ вершинахъ гудитъ вѣтеръ; а внизу тихо, только перебой падающихъ шишекъ нарушаетъ это безмолвіе... Ѣдешь ночи и дни—и вдругъ передъ вами, словно черная плѣшь вылезла-то, начинается обгорѣлое мѣсто. Еще за версту сосны кажутся скорченными; ближе—вѣтан обуглены, преимущественно со стороны пожара. А на самой голинѣ только черные ши да кучи золы и углей. И Ѣдешь этими «горѣлыми плѣшками» дни и ночи; ноги уходятъ въ лоду, ничто живое не шевельнется среди мертваго безлюдья мрачной пустыни. И такъ дни и ночи, на десятки верстъ тянутся слѣды пожара, пока не наткнешься опять на прямую стѣну уцѣлѣвшихъ сосенъ и не погрузишься въ ихъ сонное и молчаливое царство. А тутъ, въ Аджаріи, гдѣ гроза чуть-ли не ежедневное явленіе, здѣсь часть и сѣнь, ни одной обгорѣлой поляны, несмотря на обиліе горючаго матеріала въ видѣ высохшихъ, но еще цѣлко охватывающихъ лѣсныхъ великаны виноградныхъ лозъ толщиною въ руку.

Иногда по дорогѣ попадались небольшія поля томи, но рѣдко. Часто четырехугольникъ, засеянный кукурузой, а домъ гдѣ — Господь нѣдаетъ. Разъ только изъ лѣсу на насъ кинулась, похожая на загнаннаго, вытертаго волка, собака, но и та, хрипло пролаявъ съ минуту, убралась къ себѣ въ зеленую чащу. Въ другой—гдѣ-то вдали замирала пѣсня, крикливая гурійская пѣсня, внезапно переходящая въ мягкіе тоскующіе звуки. Словно кто-то плачетъ и стонетъ, но плачетъ и мучится страстно, неробко и покорно, а негодуя на свою муку, съ болью соплавая свое безспасіе.

Чѣмъ ниже, тѣмъ растительность становилась гуще. Часто попадались буковые деревья сажени двѣ въ диаметръ. Передъ такими великанами и невольно останавливался. Они внушаютъ какое-то неодолимое почтеніе. Лавровишни у ихъ подножіи казались карликами. Бывавшій здѣсь г. Баррадзе находилъ на буковыхъ деревьяхъ, на высотѣ 4 или 5 сажень, нарочно положенные ульи, къ которымъ подымаются посредствомъ длинныхъ крючьевъ, чтобы достать медъ. По его же словамъ, «мѣстныя пчелы именно изъ листьевъ бука и извлекаютъ самый лучший медъ». Я не знаю; въ той части Аджары, гдѣ былъ я, я не встрѣчалъ вовсе слѣдовъ пчеловодства. Тѣнистыя и раскидистыя павлины, попадающіяся сѣвернѣе Аджары, тутъ уже рѣдки. Чаше — темно-зеленые, почти коричневые кипарисы, съ трудомъ выбивающіеся изъ чаши боярышника, надъ которыми поровъ подымается дикія поросли фигового дерева. Въ полдень, когда все это млбеть въ жарѣ, аромат поизсей убійственный. Огненные цвѣты граната просто отшибаютъ отъ себя, а попадаешь въ полосу жасминовъ — голова закружится, кровь бьетъ въ виски, передъ глазами заходятъ огненные спирали. Можно отравиться этимъ благоуханіемъ! Въ чаши стоялъ неумолимый стрекотъ и гамъ, тамъ все копошилось, шуршало; часто видишь только, какъ при полномъ безвѣтріи колыхнутся вѣтви, а что тамъ за ними — и не угадать. Мы подстрѣлили пару прелестныхъ яркихъ фазановъ, стрѣляли въ кабана, но неудачно. Бичо какъ-то выстрѣлилъ въ дикую босую, съ такимъ же плачевнымъ успѣхомъ.

Выѣхали на чистое мѣсто. Только-что мой восточный человѣкъ заплескалъ на лошади и заджигитовалъ, верти въ рукахъ винтовку, какъ издали, за изгибомъ дороги, сначала послышался топотъ копытъ, а потомъ показался и всадникъ, одѣтый по-гурійски.

Мы остановились, остановился и тотъ. Вѣрно увидѣлъ ружье въ рукахъ у моего бичо — и самъ вынулъ.

Молчимъ. Только лошади фыркаютъ и нетерпѣливо потряхиваютъ головами.

— Спроси у него, князь, кто онъ такой?

— Зачѣмъ? Пускай самъ; можетъ, турокъ. Пускай онъ говорить. Два уха—одна языка!

— Старая поговорка!—недовольно пробормотала я про себя, проливая знаніе русскаго языка моимъ бичо.

Наконецъ, послышался гортанный и хриплый голосъ. Задробились странныя гурійскія фразы съ обычными причмокиваніями, придыханіями, съ невозможными слогами въ родѣ слхвэ, пчкше и т. д., произносимыми такъ, какъ будто субъектъ подавился и никакъ не можетъ справиться съ попавшей въ горло костью. Мой Ваню отвѣчалъ на томъ же невозможномъ языкѣ. Всадникъ подвинулся къ намъ, мы къ нему, держа ружья наперевѣсъ. Переговариваясь, мы проѣхали мимо, не забывая предосторожности и поминутно оглядываясь назадъ, пока изгибъ дороги не скрылъ его отъ нашихъ глазъ.

— Недобрая человѣкъ!..

— А что?

— Мой глазъ знаетъ... Должно, кровь пьетъ.

— Это еще что?

— Стары обида метить... Канчалъ-банка хочетъ... Злая душа!.. Шайтанъ народъ Аджара. Кровь любить, миръ не любить!

И мой бичо задумался и затуманился. Какъ уже известно, ему самому грозила такая же месть.

Тропинка иногда пропадала подъ зарослями дикого жасмина, и только по помятымъ стеблямъ можно было отличить направленіе пути. Такимъ образомъ мы ѣхали вплоть до вечера, когда, какъ видно изъ начала этой главы, бичо объявилъ рѣшительно, что онъ не въѣдетъ въ лежащую передъ нами ауль, и предложилъ встрѣтиться съ нимъ на другой день за селомъ. Причины оказались очень уважительными. Бабушка его погрязла какъ-то съ бабушкой гурійца Леона Цулукидзе. Бабы перессорили ихъ мужей, и вотъ дѣдушка моего бичо проноролъ кинжаломъ животъ дѣдушкѣ злокозненнаго аджарина. Съ тѣхъ поръ между двумя фамиліями возгорѣлась страшная вражда. Сыновья.

братья, племянники, двоюродные и даже троюродные родственники считали священною обязанностью при каждой встрѣчѣ пускать въ дѣло винтовку или кинжалъ и добросовѣстно выполняли эту вендетту. Такъ продолжалось до сихъ поръ, и изъ-за глупой ссоры двухъ взаимношннхъ фурий пролился рѣки крови, погибло трое жизней, и одинъ родичъ моего князя пожертвовалъ въ битвѣ даже лучшимъ управленіемъ грузина — носомъ, безвременно сраженномъ неустоимымъ прагомъ!.. Рассказывали цѣлыя фамиліи легенды, въ родѣ слѣдующей: отецъ моего бичо полюбилъ дѣвушку. Сошлись они по душѣ и скоро готовились вступить въ законный бракъ, какъ вдругъ женихъ узнаеть, что невѣста — дальняя родственница Цудунидзе. У варвара хватило жестокости обрѣзать ей уши и въ такомъ видѣ отпустить домой. Лучше всего, что мой бичо восхищался поступкомъ своего достойнаго родителя.

— Тва уши за одна нос! —

И онъ начиналъ гоготать совершенно по-жеребчьи, такъ что мнѣ становилось противно и досадно. Я готовъ былъ пололотить его даже, стать для этого на минуту варваромъ и звѣремъ, — такъ дѣйствовалъ на нервы этотъ животный, иначій смѣхъ.

— Бичо, какъ же доберусь въ селѣ до ночлега? Вѣдь я по-гурійски ни слова не знаю!

— А ты, батоно, спроси солдата Иванъ. Есть тамъ одна такой. При Барятинскій — русски билъ, бижалъ, голову билъ — татаринъ сталъ!

И онъ научилъ меня, какъ добратъся до жилья этого дезертира, оставшагося «добрымъ человѣкомъ», хотя и «большимъ шайтаномъ».

— Онъ новы маладой жена недавно бралъ! — пояснилъ мнѣ бичо.

Князь сталъ ужасно остороженъ. Теперь онъ осмотрѣлъ ружейный замокъ и внимательно оглядѣлъ окрестности съ вышины одного придорожнаго холма. Винтовку не выпускалъ изъ рукъ и, пустивъ меня впередъ, самъ спорте крадеа, чѣмъ ѣхалъ позади.

— Неужели же Цулупидзе такъ тебя и убьетъ сразу?

— Леонъ? Ачего не убьетъ?.. Моя туренка паспорта дѣтъ, твая тоже нѣтъ. Балшой ему награда будетъ отъ ага. Скажить, разбойникъ убивалъ!..

И бичо заболталъ какую-то чушь. Миѣ, правду сказать, вовсе не улыбалась перспектива—въѣхать въ чужое село, одному, къ этимъ завѣдомымъ грабителямъ и разбойникамъ, зная только единственную фразу на мѣстномъ нарѣчьи:

— Гдѣ солдатъ Иванъ?

Ущелье мало-по-малу расширилось.

— Ступай по дорогѣ прямо!

И бичо куда-то разомъ пропалъ, точно сквозь землю провалился. Юркнулъ ли онъ въ чащу орѣшниковъ или просто пріютился за кучей грандіозныхъ скалъ, кое-какія навороченныхъ одинъ на другія—не зналъ. Только я разомъ пересталъ чувствовать его присутствіе. Ни топота его рыкаго коня, ни веселаго гортаннаго голоса. Тѣнины горъ раздавались направо и налево, образуя большую зеленую котловину, посреди которой возвышался гнписто-песчаный холмъ, омываемый внизу, кажется, однимъ изъ притоковъ Аджарисъ цхале. Рѣчонка красиво отгибалась горку и, пустынь отъ себя нѣсколько серебрястыхъ рукавовъ, исчезала на горизонтѣ зигзагами. Вдали горы сливались въ одну синюю точку, а рѣка видѣлась вся, какъ на ладони, точно она висѣла въ воздухѣ, поднималась на небо. За то, что могло сравниться съ картиною этого села! Весь холмъ подъ розовыми лучами заката казался розовымъ. Земляныя плоскія кровли сакаль одѣли все уступы. То, что казалось холмомъ, при ближайшемъ знакомствѣ вышло простою массою землянокъ, прилеженныхъ къ нему, нагроможденныхъ одинъ на другія. Столбики однихъ опирались о кровли другихъ, и все это въ такомъ живописномъ беспорядкѣ, что даже привычный пейзажистъ почувствовалъ бы здѣсь полнѣйшее свое безсиліе. Слои тысячъ лѣстницъ перекрещивались между собою во всѣхъ направленіяхъ, при чемъ роль ступеней играли сакли. Чѣмъ

ища и руче, тѣмъ саки казалась меньше. На самомъ краю строго бланталъ въ зломъ, сивни зары выложенный парадокъ голубой миваретъ и подъ нимъ хорошенькій комокъ мѣстнаго хадди или эфенди, на манеръ тѣхъ, которые управляютъ предметъя Трапезунда. Изрѣдка изъ средины вырывалась зеленая чаща фиговыхъ и тутовннхъ деревьявъ, немногими пятнами разбросанныхъ по всей этой глинистой массѣ человеческого улья. Скаты окрестныхъ горъ были одѣты хорошо воздѣланными виноградниками. Я даже подвизелся ихъ обилію. Посреди этихъ «нивъ Аджаріи» возмншалась наметы изъ виноградныхъ лозъ. Сады были разбиты внѣ аула. Изъ нихъ такъ и несло благоуханіемъ миндальныхъ цвѣтовъ. Айвовыя, грушевыя деревья были въ цвѣту, ярко-оранжевые гранатники такъ и рѣзали глаза. Громоздное стадо черныхъ барановъ паслось въ сторонѣ отъ дороги. Настухъ на лошади, съ винтовкой на плечахъ, сурово оглядывавшій окрестности, просился на картину. Надали уже слышался шумъ рѣчки, пробравшейся по камнямъ и вскипавшей бѣлою пѣною въ небольшихъ порогахъ.

II.

Солдатъ Иванъ.

Все поселеніе аула высыпало мнѣ навстрѣчу.

Я еще подѣзжалъ къ деревнѣ, а уже на плоскихъ кровляхъ замелькали группы притаившихся въ ожиданіе грязныхъ локмотья женщинъ. Между ними суется весъ и трещали дѣти, иногда голыя, но въ неизбежныхъ вчинныхъ шапкахъ. Типъ народа совершенно гурійскій, красивые лица на диво сложенныхъ атлетовъ, нѣсколько гордый взглядъ полуразбойника, полупоселянина, овидывавшій презрительно то, чему въ дунгѣ аджарецъ удивляется несказанно. Странную жизнь придавалъ этимъ группамъ шый отсвѣтъ зари. Даже ветонь, едва не пакишавшая съ плечъ, казалась красной и изливной. И и

могу забыть головы одного старика, попавшагося мнѣ на дорогѣ. Головъ, какъ водѣно, черепъ казался розовымъ, покрытое обманчивымъ румянцемъ зари морщинистое лицо словно улыбалось, хотя обычное выраженіе его было, по видимому, сурово и сосредоточенно; длинная сѣдая борода свѣтилась алымъ блескомъ. Такъ густы здѣсь заревые отбѣнки. Скоро и рѣчонка, какая-то Арва или Ходжичай, не помню, позади села горѣла багрянцемъ, вся сверкала, хотя поля, по которымъ она струилась, и горы, обступавшія ее, исчезали въ синевѣ таинственныхъ далей.

Я подѣхалъ къ деревнѣ, положительно не зная, куда сунуться. Не ѣхать же было прямо на кровлю! А другого исхода не оставалось. Съ ближайшихъ крышъ гурійское бабье, по видимому, любовалось и тѣшилось затруднительностью моего положенія. Никто не приходилъ на помощь. Гдѣ то слышались звуки бубна, унылые, отрывистые, дикіе. Наконецъ, я приостановился передъ одною кровлей и только-что хотѣлъ спросить, гдѣ солдатъ Иванъ (единственная известная мнѣ фраза по-гурійски), какъ всѣ эти прелестныя нимфы Аджаріи кинулись отъ меня и, стѣснившись въ одну вучу у какого-то провала въ крышѣ, — при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ тукманокъ и криковъ, — одна за другою исчезли внутрь сакли, словно въ трубу. Досада разбирала меня. Спустился я къ другой кровлѣ — то же самое! Только-что взглядывалъ на женщинъ, какъ тѣ, закрываясь рукавами, посылали мнѣ привѣтствія, по видимому, не совсѣмъ почтительнаго свойства, если принять въ соображеніе интонацію этихъ ворчливыхъ фурій. Особенно злы оказывались старухи. Желая задѣть, вѣрно, мое самолюбіе, онѣ изъ приличія закрывали свои лица и, напротивъ, показывали то, что въ Европѣ открывать вовсе не принято. Какая разница въ испугахъ о приличіи!..

А солнце все садилось, и магическая фраза: «гдѣ солдатъ Иванъ!» вовсе не оказывала должнаго впечатлѣнія; я даже сталъ было сомнѣваться въ существованіи этого мистическаго Ивана, считая его настолько же действитель-

тельнымъ лицомъ, насколько действительно король Канаду I въ офенбаховской опереткѣ, какъ вдругъ сверху свалился ко мнѣ какой-то голобрюхий, босовогій мальчуганъ въ овчинной шапкѣ и какомъ-то, повидимому, бибьемъ башметѣ. Съ неба онъ свалился или аджарская вѣдьма, прелетая мимо, вытрясла его изъ кармана—Госпадь иѣдаетъ. Вѣришь, что по столбу скользнулъ съ кровли ближайшей сакли. Онъ завертѣлся у ногъ моего коня и, ругаясь, показывалъ мнѣ что-то, особеннымъ образомъ, вовсе не лестнымъ для меня, складывая пальцы правой руки. Я приблизилъ къ универсальному средству, одинаковому для всѣхъ временъ и народовъ,—бросилъ ему какую-то серебряную монету. Мальчуганъ оторопѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать; ругаться пересталъ, правда, но пальцы руки все еще были сложены попрежнему, хотя онъ уже пересталъ мнѣ ихъ показывать. Я расхохотался и бросилъ еще. Кубаремъ покатился ребенокъ за деньгами, но въ эту минуту изъ темной, какъ колодезь, сакли вылетѣла какая-то простоволосая, безобразная фурія и, давъ пизенка мальчугану, вырвала у него деньги. Думалъ,—бросить мнѣ,—иѣтъ, унесла съ собою. Показывалъ другую монету, и заставлялъ собиравшася уже змшлать бутуза подвинуться ко мнѣ.

— Гдѣ солдатъ Иванъ?—А самъ даю ему понять, что деньги будутъ вручены ему.

Мальчуганъ подумалъ, подумалъ, потомъ повернулся ко входу въ савлю, обиженно заоралъ туда что-то и, схвативъ лошадь мою подъ уздцы, рѣшительно направился въ незамѣченный мною свачала проулочекъ, темною щелью извивавшійся между савлями и выступавши кровель. И что это былъ за оригинальный переулочекъ! Грязь невозможная, хотя тутъ же сочтется кавал-то канавка. Собаки коминутно кидаются подъ ноги коню, одна съ полверсты преслѣдовала насъ, бросаясь къ моимъ икрамъ. Улочка то огибала землянку, то уступомъ, иногда очень крутымъ, взбѣгала на плоскую кровлю другой землянки, чтобы сейчасъ же схватить поворотъ въ противоположномъ напра-

васили, мимо третьей. Такимъ образомъ мы подымались довольно долго и все зигзагами. На улицахъ лошадь моя часто заставляла прижиматься къ стѣнамъ спиною молчаливыхъ и солидныхъ аджарцевъ, которые, въ совершенный контрастъ своему прекрасному полу, не обращали на насъ никакого вниманія! Дзыгъ, тѣ при одномъ нашемъ приближеніи проваливались съ кровель внизъ, внутрь своихъ савель.

Напонецъ, мы остановились передъ землянкой побольше и показистѣе другихъ. Рядомъ росъ каштанникъ, нѣсколько прѣточныхъ грядочъ поодѣ выступомъ кровли.

— Пованесь!—закричало мальчонко. Молчаніе.

— Пованесь... Вай-пованесь.

На веранду вышелъ крѣпкій еще старикъ, въ которомъ трудно было узнать русскаго. Какой-то неопредѣленнаго цвѣта отъ ветхости бешметъ, башмаки съ загнутыми вверхъ носами и безъ задковъ, на босу ногу. Голова обернута трапками, игранными роль чалмы или чего другого—трудно опредѣлить. Борода до пояса.

— Пованесь!—тихонько въ него пальцемъ мальчонко и проткнулъ руку за подачкой.

Старикъ уставился на меня. На лицѣ недоумѣніе. Что-де за человекъ такой, и чего ему отъ меня нужно?

— Здравствуйте!—говорю ему по-русски.

— Батюшки! Пацъ! Землякъ!.. Голубчикъ!

И, всхлиывая, Иванъ кинулся поддерживать стремъ, пова я собду. Странно, что какъ только онъ заговорилъ по-русски, такъ и фигура его вымѣнилась и сталъ онъ разомъ похожъ на отставнаго солдатика, несмотря на свой бешметъ и чалму. Усы оказались подстриженными, даже и выщипана явилась.

— Можно у васъ въ ночь пріютиться?

— Родной!.. Очастлививъ!.. Да я тебѣ въ ноги за это. Двадцать годовъ христіанской рѣчи не смыхивать. Ты чего еще спрашиваешь... Хозяиномъ будешь...

Старикъ говорилъ отрывочно, короткими фразами, съ передышкой, какъ-будто припоминая. Видно было, что

ему даже не удавалось перемолвиться словомъ съ русскими. Онъ какъ-то заглядывалъ мнѣ въ глаза, все забѣгалъ впередъ и крѣпко держалъ за руку, точно боялся, что вотъ-вотъ я провалюсь сквозь землю, и поминай, какъ звали, тогда.

— Вотъ свѣтлаго праздничка дождался! Все Богъ... Кругомъ-то вѣдь чужіе. Аня необразованная, хоть и сжилась съ ними, а все, какъ въ лѣсу, иной разъ такъ на души зашемитъ, точно къ покойнику!

— Ахмедъ!—крикнулъ онъ въ саблю.

Вышелъ малый въ родѣ провожаннаго меня нальчугана.

— Тоже смилъ!—съ недовольствомъ кинулъ старикъ на бритую голову Ахмеда.—Ничь она, какаа нехристь!

Иванъ что-то проговорилъ ему и отдалъ уздцы лошади, которую тотъ и увелъ при мнѣ.

Съ провали смотрѣли внизъ, безъ враждебнаго презрѣнія, двѣ женщины, одна старая и безобразная, другая молоденькая, стройная, красивая, съ газельими глазами и тонкими оваломъ изящнаго личика. Снизу я могъ различить узенькую и маленькую ножку, поджатую красавицей подъ себя. На шеѣ у нея болтались серебряныя монеты, широкій рукавъ рубахи позволялъ разсмотрѣть привлекательныя линии бѣлой и вѣжливой руки, понаблюдому, вовсе незнакомой съ какою-бы то ни было тяжелой работой.

— Въ горницу прошу!

И старикъ провелъ меня въ свою саблю, — иначе не знаю, какъ и назвать этотъ домъ.

Нужно замѣтить, что такіа землянка есть въ незначительныхъ мѣстахъ Аджаріи, въ которой надѣли почти исключительно дома гурійской постройки. Сверхъ того, въ другихъ деревняхъ жилища нѣсколько разбросанныя поощенной мною, хотя они все-таки скученнѣй гурійскихъ ауловъ.

Саваи состояла изъ двухъ отдѣленій: того, гдѣ помещалось семейство старика, и лунацкой комнаты, т.-е.

для гостей, гостиной. Тутъ было темно. Свѣтъ проходили только въ двери да въ какую-то дыру на потолокъ. Тѣмъ не менѣе, можно было различить родъ грузинской тахты, или громаднаго сидѣнья, занимавшаго полкомнаты въ длину, а въ ширину настолько, что человѣкъ самаго крупнаго роста могъ бы здѣсь улечься поперекъ тахты. На ней были разостланъ коверъ, уже порядкомъ потертыи, несколько позволяло различить бѣдное освѣщеніе жилья. На тахтѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали подушки валиками, длинныя и круглыя, большею частью въ канусовыхъ наволочкахъ, собиравшихся въ двухъ концахъ этихъ цилиндровъ, какъ собирались старинныя кисты съ табакомъ. Внутри пахло чѣмъ-то хорошимъ, не то жасминомъ, не то другими цвѣтами. Все показывало зажиточнаго хозяина.

Старикъ на минуту исчезъ распорядиться по хозяйству, и вернувшись съ подносомъ, на которомъ были мѣстные лакомства. Кое-какіе сухіе плоды, хабъ-лаба, странныя засушенные мучнистые шарики, разсыпавшіеся во эту вязкую массу.

— Пока! И велѣлъ своимъ бабамъ баранки закапнуть... Не обезсудьте, по нашему христіанскому обычаю...

— Да вы развѣ христіанинъ?

— А то какъ же? Въ мечети къ нимъ хожу тоже, обрядъ этотъ исполняю... страха ради іудейска, только тамъ не ихнему Аллаху да Магмету молюсь, а Христу Іисусу и Богородицѣ-Дѣвѣ. Никому тоже, по старой памяти, поминую. Онъ вѣдь мой святой. Безъ мечети-то здѣсь нельзя. Народъ къ своей вѣрѣ приверженный страсть. Еула здѣсь — царь, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Валикъ убить — убьютъ, валикъ выгнать — выгонятъ и домъ разберутъ на щепы!.. Сказано — Амин. Ну, и лаку. Потому какъ же мы иначе!

— Васъ, стало-бытъ, Ипполаемъ звать, а не Иваномъ?

— Иваномъ это они по старой памяти мена. Черкесы, у которыхъ я на Кавказѣ жилъ, звали меня Иваномъ, —

у нихъ всини русскій солдатикъ — Иванъ. Ну, и эта зовутъ, какъ я у нихъ поселился послѣ замиренья!

Хотѣлось обо многомъ разспросить старика, да неловко казалось. Точно слышишь какой прѣхалъ рассказывать его прошлое.

Въ горнищѣ старикъ сбросилъ съ себя бешметъ и всталъ въ канусовой рубахѣ и какихъ-то, чуть не синевыхъ съ широкими разводами, шароварахъ. Чевачи брякнулись объ полъ. Вагнулъ и въ хозина — и несказанно удивился. Передо мной, свѣсивъ ноги съ тахты, сидѣлъ вовсе не азіатъ недавній, а нашъ разанскій или новгородскій крестьянинъ. Та же сгорбленная спина, тѣ же руки на колѣняхъ, тотъ же вдумчивый, зоркій взглядъ.

Не успѣли мы еще здѣсь перемолвиться словомъ, какъ въ дверяхъ появился высокій, бородатый хаджа, передъ которымъ старикъ почтительно привсталъ, приложивъ руки ко лбу и сердцу.

— Начальство адѣшнее, все равно, что становой! — напомнилъ онъ мнѣ по-русски.

Гость заговорилъ съ хозинимъ. Дѣло шло обо мнѣ, потому что они поминутно оглядывались на меня.

— Паспортъ спрашиваютъ. Да ты не безпокойся, не вщи, сунь ему какую-нибудь бумажку, да мелочи дай изъ серебра что-нибудь!

Я погѣлъ въ парманы. Въ одномъ изъ нихъ заложилась какъ-то, — пріятное воспоминаніе о далекой юности, расписка ростовщика Карповича въ пріемъ отъ меня вздохъ залогъ серебряныхъ часовъ съ уцѣломъ за нихъ $\frac{1}{2}\%$ росту и $3\frac{1}{2}\%$ за храненіе. Въ минуту жизни трудную я познакомился съ этимъ почтеннымъ джентльменомъ, никакъ, разумѣется, не предполагая, чѣмъ подобное знакомство поможетъ мнѣ въ глуши, въ аджарской деревушкѣ, при сношеніи съ начальствомъ, съ самимъ «становымъ» оттоманской короны.

Я сунулъ предеркавшей власти расписку и ему же вручилъ горсть мелкаго серебра.

Внимательно осмотрѣвъ документъ, хаджа благосклонно

показалъ мнѣ свои зубы и вернулъ «паспортъ». Серебро же очутилось въ его карманѣ какъ-то незамѣтно, будто онъ его и не бралъ руками; точно вареники запорожца Панюка, оно само направилось на свое мѣсто. Признаться, и никогда до тѣхъ поръ не имѣлъ случая удивиться столь ловкому фокусу.

Убѣдась въ моей благонамѣренности, «становой» принялся за разговоръ.

— Правда ли, что нѣтъ на свѣтѣ ничего могущественнѣе падишаха и умнѣ стамбульскаго муфтия?

Старикъ перевелъ мнѣ этотъ мудреный вопросъ. Я пробормотала что-то, по «Иванъ», не теряясь, сама придумала за меня соответствующую фразу:

— Одинъ Аллахъ могущественнѣй падишаха, и только пророкъ Магометъ, да будетъ благословенна его память, умнѣ стамбульскаго муфтия!

На это послѣдовалъ новый вопросъ.

— Что выше горы Арарата и глубже Чернаго моря?

— Выше Арарата милость султана и глубже Чернаго моря Коранъ! — отпарировала за меня старикъ.

Оттоманская власть посмотрѣла на меня очень благожеланно и выразила при этомъ: «какъ пріятно встрѣтить въ чужеземцѣ истинно просвѣщенный умъ и столь высокое знаніе свѣта!»

— Выше падишаха нѣтъ ничего на землѣ. Однимъ начомъ онъ можетъ зарубить англизовъ, другимъ франкофъ. Весь свѣтъ покоряется ему, и онъ милуетъ своихъ подданныхъ, дозволивъ имъ управляться своими царями. Такъ «бурустанъ» управляется намѣстникомъ султана «Васмарги-нашой», «Френгистанъ» — Махиахани-агой; одни англизы выбрали себѣ, съ разрѣшенія падишаха, какую-то женщину изъ его серали, но на то они глуры и плфкры. Если они ѣдутъ свинину и посадили чорта въ свои машины, тавъ почему имъ не подчиняться бабъ?

Такова была философія моего собесѣдника.

— Послѣ падишаха самый сильный царь — Московъ, бѣдлай царь, ему покорны семьдесятъ семь народовъ, и онъ

каждый день есть пловь изъ жемчуга, на золотомъ блюде. Каждый день онъ мѣняетъ блюдо, отдавая старое своему муфтию.

Разсужденіе о величинъ Меккева прибавлено было, очевидно, изъ любвиности ко мнѣ.

Далѣе шли разсужденія, что султанъ можетъ «великодушно» насыпать на своихъ бунтующихся подданныхъ голодь, моръ, землетрясеніе. При этомъ было разсказано, что разъ американскій царь не прислалъ въ свое время пенкеша султану, и тотъ «отъ милосердія и щедротъ своихъ» повелѣлъ одной половинѣ американскаго царства, или панамы избунтоваться противъ другой, а на помощь имъ послалъ негрятискія войска изъ Египта. Американцы билсь между собою снѣдсать семь дней, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ такого подземнаго корабля, который взорвалъ одну половину этой непокорной провинціи. Съ тѣхъ поръ, испытавъ милосердіе и силу надинаха, американцы уже не смѣютъ прекословить его панамѣ и даже прислали въ Средиземное море цѣлый флотъ въ пенкешъ султану, обязавшись каждую недѣлю поставлять новую красавицу въ его гаремъ. Такъ разсказывается здѣсь исторія сѣверо-американской междоусобной войны.

Наговорившись всласть и собиравъ въ заключеніе, что, вѣроятно, мудрый Аллахъ въ скорости истребитъ всѣхъ глуронъ и кифиرونъ, пославъ на нихъ чуму, а наслѣдс ихъ предавъ правобѣрнымъ, ходжа поднялся и вынесъ вонъ, благосклонно наметнувъ мнѣ, что между порядочными людьми водится присылать пенкешъ мѣстной власти не только по прибытіи въ деревню, но и по выѣздѣ изъ нея...

— Этотъ еще такъ собѣ,—объяснилъ мнѣ хозяинъ, съ выходомъ ходжи разсѣлъ превратившійся въ ризанца.— А то на моихъ глазахъ здѣсь бывали такіе, что по семи шкуръ съ членіа снушали!

— И терилъ народъ?

— Нѣтъ, аджара плами смѣлое. Оно стреть какук гордость въ собѣ мѣсть. Двухъ становыхъ здѣсь застрѣ-

ливъ, одного зарѣзали! Ну, а этого ничего, нахрапомъ не беретъ, все съ согласіемъ!..

Сходство съ русскимъ крестьяниномъ до того было разительное, что я не выдержалъ.

— Скажите, вы не рязанецъ?

Старикъ оживился.

— Изъ рязанцевъ, изъ проломленныхъ головъ, изъ самыхъ... Мы зарайскіе. Бывали у насъ когда?

— Какъ же, бывалъ.

— И недавно?

— Мѣсяцевъ шесть назадъ.

— Голубчикъ! Поразскажите-ка про наше мѣсто: какъ живутъ новы... Свободно вѣдь теперь, помещиковъ не стало... Вольный народъ—поди, и духъ другой у нихъ, орлы! Теперь-то магушка наша, Россия, весь свѣтъ подъ себя заберетъ!

Я рассказалъ ему все, что зналъ о Зарайскѣ и его уѣздѣ.

— Такъ, такъ. Оно самое и есть... Не шибко же помни. Кабакъ что, кабакъ и при мнѣ пагубой былъ... Это довѣчиве! У насъ и деревянника-то жалкая была, а два кабака въ ней стояли... Помню я, а только не вовсе. Рѣку помню—всю въ заросляхъ зеленыхъ, а надъ рѣкой первую помню—старую, старую. На мѣсто ангельскихъ липовъ по стѣнамъ—пятна зеленые, и крестъ покосился. Теперь, поди, новый храмъ поставленъ.

Старикъ потушился.

— А то еще мѣсто въ лѣску помню. Полянка такая ровная, сосенки кругомъ, а на полянкѣ крестъ стоялъ, сказывали, что зарѣзаннаго тамъ нашли—поставили. Въ бессонную ночь, когда думаешь, много въ головѣ стараго бродить, тогда бы еще больше вспомнилъ. Дѣдъ у меня былъ, пчелъ держалъ. На холму такомъ у него хозяйство было. Улья-то всѣ промежду цѣпниковъ амыхъ, на тычкахъ стояли, и избенка сѣная тутъ же. Поди, и лицо дѣдово забылъ, а духовитый этотъ запахъ помню, что на его пчельникѣ стоялъ. Хорошо нахло... И пчела тоже

жузить, къ свѣтаѣмъ нагнешься — шуршитъ она тамъ Божья работница. А только и шепить же, какъ воспоминаешь!

— Хотѣли бы мы туда, назадъ?

— Итъ. Буда я гоюсь? Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Ище какъ отъ черкесовъ сюда ушелъ, такъ поближе къ нашей границѣ поселился, думать, не выйдетъ ли дезертирамъ какого манифеста, тогда, ежели бы что, ушелъ домой. Ну, а поитъ, хоть манифестъ будь — не пойду. Главная причина — семья у меня есть, слава Богу, хорошая. Жена у меня, по здѣшнему обычаю, двѣ, одна старуха, другая — молодунья, — такой, поди, по нашимъ мѣстамъ и не сыскать: не озорная, смиренная да ласковая! Дѣти, опять, хорошия, нельзя ихъ поханть. Опять же и сжился я, родни у меня по женамъ, поди, полсела. Хозяйство тоже не послѣднее. Что я въ мечеть ихнюю хожу — не великъ грѣхъ. Богъ одинъ, все же я въ мечети по Аллаху и по Махмудкѣ турецкому молюсь. А ежели въ тишинѣ разобрать, такъ здѣшній народъ, поди, не хуже нашего выйдетъ. Добрый народъ, горячій, правда, да только если ты его не обидишь, онъ тебя не тронетъ. Опять же насчетъ водки большая льгота. Этой пивы, какъ у насъ бываесть, здѣсь и не слыхано. Вино, правда, негладки на законъ махмудскій, дѣлають, но легкое, отъ него только въ тѣлѣ расслабленіе и пріятность, а буѣства — ни-ни. Опять же если несчастіе какое — вселъ поможетъ. Народъ хорошій, душевный народъ! Теперь приди къ нему въ гости, нигдѣ такой пріятности не получишь. Вселъ тебя приметъ, хана самыя иностасныя господишь, и тотъ тебѣ готовъ трубку набить!.. Вотъ какіе тутъ люди есть! А что ежели до дѣтокъ, такъ они все равно русскими будутъ, тогда ихъ и въ нашу вѣру обратятъ!

— Какъ же это?

— Да вѣдь, слава тебѣ, Господи, не сегодня, такъ завтра придутъ русскіе и заберутъ эту Азію, полонить всѣхъ отъ мала до велика... Съ любимъ вальчугой поговори, коли онъ не турокъ, а изъ Аджары этой, сейчасъ

тебѣ скажетъ, что скоро Москва придетъ и всѣхъ ихъ отъ турецкаго салтана отниметъ. Ты какъ думалъ—всѣ здѣсь въ Махмудку этого вѣрять? Итъ, врешь. Довольно тайныхъ хрестьянъ понасыпано. Дозволь завтра въ колокозѣ взречь, замѣсто возниаго пѣнья съ мивареты ихней,— столько наберется молитвенниковъ и поклонниковъ, что только ротъ разинешь. Потому здѣсь народъ прежде Христа держался, ну, а пришелъ турецкій салтанъ, онъ и отворотилъ лицо свое отъ Христа! По малодушію и малоумію, папъ и я же. Какъ бы ты полагалъ, вѣдь они и меня обрѣзали, подыме. Надругались надъ старикомъ, а все тототъ эфендіи здѣшній! Теперь первый пріятель!.. Одно здѣсь плохо...

И старикъ сокрушенно поникъ головою.

— Что именно?

— Да вотъ, братъ, и Махмудка бы ничего, и эфендію этому подъ хвостъ бы плюнуть, а вотъ русскаго нашего хлѣба итъ и кауусты тоже. Они тоже свой виноградъ одобряютъ, во всей подиселенной, говорятъ, другого такого фрукту итъ, а отчего?—Кауусты нашей не пробовали! То-есть и бы, кажется, привези это кауусты—за каждый кочанъ пудъ бы винограду отвалили. Нечего хантъ, и здѣшній фруктъ хороши, что говорить, но только не та въ немъ сила. Хонца бы гратату ихнюю, возмешь это въ ротъ—кисло, сладко, а въ животѣ и не чувствуешь, точно ты и не жевалъ ничего. А каууста, примѣрно, или морковь, рѣна такъ? Рѣдкие теперь поѣшь. — такъ она и ввечеру себя опривдаты можетъ. Да!.. Здѣсь, будетъ такъ говорить, эта самая фрукта—припуду нѣмецкаго!

— Ну, а скажите, какъ съ турками ны ладите?

— И турка —хорошій народъ. Правда, уиъ очень ихъ Махмудка занибѣ, а то всѣмъ бы взяли; добрый народъ. Не тронь только ихъ салтана да Махмудку этого самаго, и будешь ты ииъ первый пріятель и рады сами тебѣ облюбовать! Начальство у нихъ, правда, грабители грабителями, но и то вѣдь надо сказать—всякому себѣ провитать хочется. Жилванья ииъ отъ салтана не положено,

а хватай сколько можешь, — они и хватаютъ. Потому женъ узорные шаровары нужно, дѣтшкамъ — бешметики, ну и себѣ тоже покровъ какой-нибудь. Да припусти тутъ нашихъ капитанъ-исправниковъ, такъ ли еще бы лану запустили. Они бы не на себя шаровары, нѣтъ, они бы на Ивана Великаго припустили. Знаю я!

Старикъ, какъ видите, все еще заднимъ числомъ жилъ; тѣмъ не менѣе, приходилось согласиться, что капитанъ-исправники и теперь, въ новой шкурѣ, охулки на руку бы не положили. Вообще видно было, что старику жилось хорошо, и что онъ чувствовалъ мало разницы между покинутой родиной и настоящимъ своимъ отечествомъ.

Понитересовался я, какинъ образомъ «Иванъ» дезертировалъ изъ черкесамъ.

Исторія оказалась донельзя простою и несложной. Иванъ былъ молодой и красивый солдатикъ, лѣтъ двадцати семи. За нимъ изъ города Гори увязалась хорошеенькая грузинка, и когда полкъ переведенъ былъ на Заваталы, она поспѣдовала за нимъ. Роту, гдѣ находился Иванъ, послали въ одну изъ тѣхъ крѣпостей, гдѣ мухи дохли отъ скуки, гдѣ только стычки съ черкесами да похороны солдатъ, болѣющихъ лихорадкою, разнообразили печальное существованіе гарнизона. Понятно, что Нина и не для одного безотвѣтнаго въ то время солдата казалась привлекательнымъ цвѣткомъ, распустившимся на слудной крѣпостной почвѣ. Кромѣ нея да женъ у двухъ-трехъ офицеровъ, весь женскій персоналъ этого уголка состоялъ изъ трехъ безобразныхъ старухъ-прачекъ, которая, если бы захотѣли, то могли бы выйти замужъ за офицеровъ, — такова была потребность въ прекрасномъ солдѣ. У этихъ метеръ даже были десятки любовниковъ, ссоры между которыми изъ-за обладанія вѣтренными Евами (свыше 50 лѣтъ) доходили до «смертнаго убійства». За Ниной пріударился начальникъ крѣпости, солдатъ вѣтунился было и попалъ подъ розги. Врами было страшное. Слово за слово — Иванъ, наконецъ, въ отчаяніи ворвался въ комнату къ начальству и сдѣлалъ ему тамъ «большую неприятность». Особрился,

что за это попадешь къ разстрѣлу, а то, пожалуй, и шницрутенами побьютъ, Иванъ сейчасъ же бѣжалъ въ горы. Его перехватили верстахъ въ трехъ отъ крѣпости черкесы и, несмотря на то, что онъ шелъ къ нимъ добровольно, заперли его въ «яму», нахѣли на него цѣпи. Годъ онъ провалять тамъ въ такомъ образѣ, благозари попытѣвъ къ побѣгу къ другому племю, которое съ нимъ бы обнялось получше. Наконецъ, убѣдясь, что свадать Иванъ снова бѣжать уже не думаетъ, его выпустили, и онъ прожилъ въ аулѣ пятнадцать лѣтъ. Никто его не принуждалъ принимать исламъ; напротивъ, его полюбили тамъ, и если вѣрить старикамъ, черкешенки также не отказывали русскому солдату въ самыхъ доказательствахъ своего расположения.

— Такъ-то меня тоска одолѣвала, страсть! И на баранами смотрѣлъ. Сидеть это, бывало, на горѣ, а внизу подъ тобою все вдругъ вертеть на сто видѣется. Горы за горѣми, словно мелкія грядки, вдаль уходятъ, рѣки, зумы чужде, и все-то сильно охвачено, словно дремлетъ подъ тобою... Смотришь въ эту снѣдь и затоскуешь. Чудится, что за нею сторона родимая хоронится, и гнѣтъ туда, гнѣтъ такъ, что, какъ ребенокъ, бывало, ударившись о землю и плачешь. Бывали и такіе изъ русскихъ, что умирали отъ этого самого. Высохнетъ человекъ весь, зеленый станеть, ну и пошаванить... Часто и со мной бывало: смотришь за горы, за доли, какъ туда тропки вытесы, да поглядишься тебѣ, что тамъ, въ синей тучкѣ, словысе лѣса какіе-то мерещутся, такъ и тянетъ хватиться банкой о камень или бутыхнуться внизъ, на расклевъ порошью поганому. И каково чудно оно было. Первые пять годовъ я и не думалъ объ этомъ, а на шестой — силю разъ, ночью мнѣ примеренилось, будто поетъ кто олозо* по-русски поетъ, за дуну хватзеть. Проснулся въ поту весь. Въ глазахъ слеза стоитъ, на грудь словно камень навалили, дышать хочу, а дышать нечѣмъ. Вышелъ изъ сакли, на дворѣ легъ. Звѣзды надо мною. Думаю, гѣ же звѣзды, поди, и надъ нашей деревушкой стоятъ... Надъ Русью горить... Такъ до утра продумать — съ тѣхъ

поръ и пошло это. Пять годовъ ходилъ, какъ оналъмый. Забудешься, запоешь, глядь — наша русская ибси. Или ходишь по кручамъ да самъ съ собой разговариваешь!

— Какъ же это кончилось съ вами?

— А все изъ-за бабы и прошло. На бабахъ всю свою жизнь прожилъ! У одного мюрида ихнего дочка была, такъ она все и сдѣлала, съ родимой сторонкой разлучила проклятыя. Пригинулась, сълюбилась мы, только тайкомъ, въ безбѣдности... Ну, потомъ ее турки продали; такъ все и покончилось. Тутъ замиреніе пришло. Барятинскій расшибъ этого чертеса, и стали ихъ гнать со всѣхъ цезей. Я сначала не уходилъ, думалъ, не будетъ ли манифеста какого, не вспомнить ли и о насъ грѣшныхъ. Итъ, не вспомнили, ну, тогда я сюда и ушелъ, въ Аджару эту... Тутъ меня этотъ эфендѣй — шайтанъ его сынъ — и ограничилъ! — добродушно смѣясь, точно какой-нибудь остроумной шуткѣ, намекнулъ онъ на обрѣзаніе.

Въ саклю поинутно заглядывали посторонніе; наконецъ, старуха, жена моего хозяина, сошла сверху и присѣла около меня. И что это была за уродливая баба! Думаю, что даже въ пресловутыхъ завзаселихъ крѣпостяхъ стараго времени эта прекрасная Клена не нашла бы своего Париса. Носъ загibalся крючкомъ, ротъ, словно провалъ какой-то, подбородокъ къ носу тинется, все лицо въ морщинахъ, даже глаза пропадають. Сѣдые космы волосъ точно линнутъ ко лбу, и сѣдые же брови торчкомъ стоятъ впередъ, придавая что-то злобносатому мертвому лицу!

— Ишь она у меня какая принцесса! — засмѣялся старикъ. — погоди, покажу тебѣ другую. Поѣсть принесетъ!

— Да ужъ я видѣлъ на кровлѣ.

— Та возыриши у меня! Грѣхъ, поди, по русскому обычаю, двухъ жемъ имѣть? А я такъ полагаю — итъ. Оно даже и по христіанству хорошо, потому сказано: яко Христосъ съ церковью, а церковь-то, поди, куда много! Вотъ оно по-иному и выходитъ... Ну, да какъ придетъ Москва сюда, тогда я ужъ и показавсь заодно... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять!

Старикъ совсѣмъ расшутился. Только въ первое время его затрудняли русскій разговоръ, потому онъ такъ увлекся имъ, что и изгуги не видно было, и короткія фразы печала, точно всѣ эти двадцать лѣтъ онъ говорилъ по-русски, всѣ эти двадцать лѣтъ, прожитыя въ безпресвѣтной глуши кавказскихъ горъ и Аджаріи. Правда, онъ помынуто мѣшалъ съ русскими словами гурійскія, татарскія и турецкія, но это не мѣшало полнотѣ и силѣ впечатлѣнія.

Въ комнату вошелъ молодой парень лѣтъ восемнадцати — кровь съ молокомъ. Русые волосы, черные глаза...

Старикъ что-то сказалъ ему, поклонувъ на него глазами. Тотъ быстро подошелъ и, прежде, чѣмъ и успѣлъ опомниться, поцѣловалъ мнѣ руку.

— Слышь это мой, Абдуль. Ишь онъ какой! — гордился старикъ. — Итътъ лошади, съ какой бы не сладилъ. Кабановъ по здѣшнему чернолѣсью бѣгать, какъ у насъ зайцевъ. Разъ тигру успокоилъ, до сихъ поръ шкура у меня. А эта вошь сова — мать ему приводится! Первый джигитъ по здѣшнему краю!

Абдуль скромно отогналъ къ двери.

Въ дверяхъ сама стояла уже синяя ночь. И вышело. Бѣсъ холма вулъ мерцалъ огоньками. Какъ это было красиво и оригинально! Точно стояшь лицомъ къ лицу съ осуществленной сказкой. И тишина къ тому же, только изъ тѣмъ ночной рокогъ рѣки въ камняхъ выдѣляется. И слушаешь его безъ конца, и чудныя грезы растутъ на душѣ, подстать этому вселенску.

Вотъ послышалось гдѣ-то далеко - далеко нѣсколько аккордовъ. Точно грузинская чангура заняла.

Вотъ мимо, прижимаясь къ стѣнамъ проулочка, шмыгнула кавал-то тѣль.

На ближайшей проулѣ стоитъ женщина. Какал стройная! Какъ идетъ къ ней эта синяя ночь, и какъ она къ лицу этой синей ночи!

И опять рокогъ рѣки въ порогахъ, и опять поеть и словно вздрагиваетъ отъ боли улылая чангура!..

III.

Старый врагъ.

Ауль сміялась... Гдѣ-то еще лаяли собаки, да около, надъ самымъ ухомъ, слышалось порывистое фырканье жеребенка... Давно потаски разсыпанные, полные грусти звуки чапгуры... Огни въ сакляхъ пропадали одни за другими... Переулки уходили въ сумракъ вожной ночи, дѣлively зажитанней свои яраія звѣзды...

— Мама-джанъ, мама-джанъ!—и назойливый, раздражающій нервы плачь ребенка изъ сосѣдней сакли на минуту всколыхнулъ было сонную тишину аула... И замеръ... И опять только рѣка злился виллекъ на громадную скалу, рухнувшую съ горы поперекъ ея своеобразнаго до тѣхъ поръ теченія.

— А у меня тоже гости изъ нашихъ!— встрѣтилъ меня солдатъ Иванъ, когда и вернулся въ саклю, тускло освѣщенную самодѣльной салыною свѣчей въ громадномъ металлическомъ ширдалѣ.

— Какъ изъ нашихъ? Русскій?

— Да, оно почти такъ... Изъ расейскихъ предѣловъ. Шапугъ одинъ забитый. Домой назадъ ворочается, на милость думаетъ, аносъ на старое мѣсто начальство вустить.

И все еще не понималъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Да послѣ замиренья ихъ всѣхъ погнали съ Кап-паза въ Турнию, ну и его тоже. Саклю свою бросилъ, хозяйство, какое было, прахойъ пашго. Разоренья! Ни себѣ, ни собакамъ! А въ Рессю идти не пожелаешь.

— Да развѣ имъ предлагали переселиться въ Рессю?

— А на Кубань-то, промежъ казаковъ, развѣ это не Ресся? Ну, онъ съ семьей и пошелъ сюда, на султанское милосердіе наложилъ... Теперь назадъ идетъ... Да! Врагъ когда-то былъ, а онѣ—на-поди, одной вѣры!

И Иванъ потушился.

— Гдѣ жъ онъ у тебѣ

— А вотъ погоди... У эфендія этого прохлаждается... Письмо къ нему изъ Хулы привезъ... Мы съ нимъ, съ шапсугомъ этимъ, давніе пріатели. Евонный братъ мени года два на цѣли держалъ, да мѣсяца три и у него въ имѣ посидѣлъ... Другъ!

— И аза у тебя никакого не осталось?

— За что? Они свой обычай сполняли, какъ по ихнему закону слѣдовало. Вотъ, если бы онъ мени билъ, либо бить не давалъ, а то правилу свою долженъ былъ онъ соблюсти... Съ чего же и на него злиться стану? Онитъ же онъ въ такомъ поитъ несчастномъ положеніи, ни угла у него, ни скота. Только и есть, что на себѣ... Много ихъ вазадъ идетъ; кого и пропускаютъ... Жалко!.. Совсѣмъ народъ потерянный, точно изъ могилы ихъ понимело. Больные да голодные. Здорово ихъ султанъ этотъ колынулъ тоже. Не гляди, что свой братъ турокъ: какъ шли они изъ Рассаи, такъ за каждый чурекъ съ нихъ пятеро драли, а кто къ курдамъ попалъ, тотъ и живъ не вернулся. Ограбили, да и душу повымотали. Дѣвченокъ и бабъ — тѣхъ пожалѣли, къ себѣ забрали, ну, и самихъ-то въ лоскѣ! Идомы тоже здоровые! Что гори было, что слезъ! И Махмудъ у нихъ одинъ, и въ мечеть одну ходитъ, а при случаѣ такъ по горлу чикнуть, что и не отнешься. А Сеидъ-Магому жалъ. Хорошій хозяинъ былъ. Лошадей у него табуны хаживали, сады — глазомъ не окинуть, хурда-мурда всякая. Три жены было, шесть дочерей. Въ двухъ саняхъ жилъ онъ; на джамнатъ выходилъ — всѣ ему кланялись... Сеидъ-Магому и на мекхене чествовали, вотъ онъ у нихъ какой былъ. Ты по ихнимъ мѣстамъ не проѣзжалъ ли? Разскажи старику — все ему будетъ радостно. . Хворой теперь да хмурый!

Въ дверяхъ сагли послышался хриплый кашель. И огланулся. Изъ мрака, подъ трепетнымъ свѣтомъ, такъ и вырисовалась сухая сгорбленная фигура ветхаго старца, опиравагося на клюку. На худомъ, желтомъ лицѣ его яркимъ блескомъ свергали, словно чужіе, молодые глаза. Бѣлая борода низко пала на грудь, ребра и углы ко-

торой выдвинулись сквозь прорѣхи жемчужныхъ лохмотьевъ висѣвшихъ съ костлявыхъ плечъ. Низко нависли сѣдыя брови. Старая палача прикрывала лобъ... Ноги были голы и босы.

— Опъ самый, Сеидъ-Магома!

Мы размѣнялись приветствіями.

Несмотря на свою единственную рубаху, да и то разорванную, въ старикѣ не проглядывало униженія и робости. Онъ съ достоинствомъ занялъ свое мѣсто на тахтѣ и нѣсколько минутъ пристально оглядывалъ меня въ упоръ. Я самъ не безъ любопытства присматривался къ этому осколку нѣкогда славнаго, сильнаго и гордаго племени, властительно гнѣздившагося среди суровыхъ вершинъ Кавказа. Теперь можно было рассмотреть на этомъ доносилъ сухомъ, узкомъ лицѣ нѣсколько шрамовъ—слѣды сабельныхъ ударовъ, полученныхъ давно-давно, въ тѣ времена рыцарскихъ набѣговъ и стычекъ, когда война съ кавказскими горами была скорѣе удачною потѣхой, чѣмъ правильно, систематически организованнымъ наступательнымъ изгнаніемъ этихъ вольнолюбивыхъ воинственно-республиканцевъ, этихъ дикарей, согласившихся скорѣе умирать свободными, чѣмъ жить, подчиняясь условіямъ чуждой имъ среды. Между шрамами были словно вѣзаны глубокія морщины, сухой ротъ съ безкровными губами обривался пожелтѣвшими отъ старости сѣдины. И опять эти ярко сверкающіе молодые глаза, глаза, полные кипучей жизни, на лицѣ трупа.

— Урусъ?

Голосъ былъ грудной, сильный. Старческой дрожи слѣда нѣтъ. Видно, что привыкъ перекликиваться со скалы на скалу, съ горы на гору.

Иванъ что-то заговорилъ съ нимъ, поглядывая на меня. Вниманіе старика стало еще напряженнѣе, лицо сдѣлалось подвижнымъ, зашевелились морщины. Костлявая, сухая рука легла на грудь. Старикъ потиралъ ее, словно съ воспоминаніемъ прошлаго тамъ зашевелилась прежняя боль, бласе горе подняло голову и раскрыло, на э

годамъ и разлукъ, свои змѣнные очи... Онъ что-то заговорилъ, глядя на меня. Я ничего не понялъ, разумеется, но видно, что дѣло было заѣтное, близкое. Кровавое дѣло. Голосъ раза два дрогнулъ, и грудь всколыхнулась, точно воздуху ему мало въ сѣнѣ стало, точно онъ хотѣлъ захватить его побольше.

— Спрашиваетъ: проѣзжалъ ли ихними мѣстами, на р. Пескунсе былъ ли... Не видалъ ли аула ихнего?

— Разные встрѣчались, не припомнишь разомъ!

— Расскажи, какъ у нихъ тамъ, я ему передаю!

Пришлось начертить невеселую картину. Война съ кавказскими горцами кончилась. Последній актъ этой трагической эпопеи доиграли, занавѣсъ былъ опущенъ, и никто уже не заинтересовался посмотреть, что слѣдовало заѣтить на этой облитой благородною кровью аренѣ. А настоящая трагедія только и начиналась съ этого момента. Русскіе не могли оставить горцевъ въ ихъ орлиныхъ гнѣздахъ. На старыхъ мѣстахъ, съ вершинъ своихъ горъ, притаясь за утесами и скалами, они всегда висѣли бы надъ Кавказомъ грозowymi тучами. Никакая мирная жизнь не могла бы развиться внизу: какія нивы поднялись бы, какіе сады расцвѣли бы въ ущельяхъ, въ долинахъ, подъ зоркими взглядами жаднаго на добычу хищника, сторожливаго ихъ повсюду въ сырой мглѣ глубокихъ балокъ, за каждымъ камнемъ на горномъ скатѣ, за каждой излучиной окрестныхъ тѣсинъ? Что оставалось дѣлать намъ? Мы и предложили старымъ и неприжиримымъ прагамъ или идти въ долины и селиться между русскими, между казанами, между переселенцами, болгарами и молдаванами, или бросить все, что нельзя унести съ собою, и обратиться въ Турцію, настойчиво зазывавшую ихъ къ себѣ, — въ Турцію въ султана, обѣщавшему имъ великія и богатыя милости... Въ орлиныхъ гнѣздахъ все зашевелилось.

Гордые соколы и коршуны, эти рыцари-хищники, наотрѣвъ отказались исполнить требованіе русскихъ. И, какъ мы были правы съ своей стороны, такъ же правы

были они. Въ саюмъ дѣлѣ, на идти же орламъ въ курганинѣ, не сдѣлаться же старому матерону горному волку домашнимъ животнымъ, смиреннымъ и трудолюбивымъ! Горцы рѣшились умереть, защищая свои вершины. И вотъ началось фланговое движеніе русскихъ войскъ. Все, что ни попадалось имъ на пути, или исчезало въ битвѣ, или стонилось къ восточному берегу Чернаго моря. Горцы гибли отъ холода и голода, отъ болѣзней и лишений, подъ ударами и штыками. Но и въ свою очередь они умирали, убивая. Въ другомъ мѣстѣ подробнѣе будетъ разсказана эта повесть эпопеи, начавшаяся тогда, когда были опущены занавѣсы надъ блестящей и кровавой трагедіей кавказской войны. Теперь же проло мною была одна изъ жертвъ этого исторически необходимаго захвата.

— Живете ли кто въ вашихъ аулахъ?

— Пусты... Переселенцы ѣдутся у берега — вершины безлюдны!

— А ваши сады?

— Развалились...

Цѣлая земля сплошь покрыта ихъ руины. Въ нихъ гниблютъ соны, да дикій звѣрь ищетъ убійства въ пустыхъ мечтахъ.

— А сады? Сады, гдѣ мы росли, гдѣ каждое дерево взлѣтѣло нами?

— Заглохли...

Вѣковыя черешни уже порублены на дрова. Топоръ и до сихъ поръ звенитъ въ ихъ привольной и ароматной чащѣ. Цѣнты или затоптаны, или погибли. Одичавшія лозы убили аллювыя деревья... И только изрѣдка сквозитъ дикую поросль серебристые цѣнты миндальныхъ деревьевъ льютъ по вѣтру свое тонкое благоуханіе.

— А наши могилы?..

Слезы слышались въ словахъ старика... Онъ и не ожидалъ уже отъѣзда, и, когда я ему сталъ еще подробнѣе говорить о запустѣніи его родины, о торжественномъ молчаніи ея мертвыхъ ауловъ и жалкихъ остаткахъ его племени, хоронящихъ вѣкъ по Большой и Малой Лзбѣ,

по Кубани и другимъ «поселеннымъ» рѣкамъ восточнаго берега, старикъ, дѣйствительно, занималъ. Онъ и не приталъ своихъ слезъ, онъ не стыдился ихъ...

— Да, это было неизбежно!.. Кысметъ—судьба! А все душа болитъ!

Этотъ старый разбойникъ, весь исѣченный сабельными ударами, не склонявшій головы передъ дулами своихъ враговъ, всхлипывалъ, какъ ребенокъ, при одной мысли о томъ, что въ его садѣ гибнутъ петухи, а розы и жасмины его горнаго сада вытоптаны и уничтожены врагами.

Но такъ же разомъ, какъ зарыдалъ, такъ и стихъ онъ. Последнiя слезы скатились на желтый платъ—и опять та же суровость въ лицѣ, тѣ же непривѣтно сверкающiя очи, тѣ же низко нависшия брови. И ни слѣда слабости. Даже и грудь ровно дышитъ, только по судорожнымъ движенiямъ пальцевъ да по легкому вздрагиванiю рта видно, что не все еще улеглось на душѣ у несчастнаго, что тоска еще ходитъ по ней, какъ взвездень по широкому морю послѣ бури. И вѣтеръ унялъ, и небо чисто, послѣднiя тучки уже свертываются въ неопредѣленную сивову на горизонтѣ, а волны еще вздымаютъ круто свои мягонина гривы, и зѣби бѣлой пѣны еще вьются между ними...

— Кысметъ!..—и онъ зашепталъ что-то, должно быть, молитву.

— А какъ живутъ ваши.. тѣ, кому дали мѣсто по Лабѣ и Кубани?

Я сталъ говорить о сравнительномъ довольствѣ этихъ добровольныхъ поселенцевъ, объ ихъ хозяйствахъ, занятiяхъ, торговлѣ.

— И слышать странно, и вѣрять трудно! — перевелъ мнѣ Иванъ.—Волки овцами стали!..

— Ты назадъ пробираешься, на Кавказъ?

— Да. Можетъ-быть, парь смилуется... Хочу посмотреть старое мѣсто, умереть у себя...

Я вспомнилъ, что во многихъ аулахъ случалось находить груны стариковъ.

Одинокіе путешественники встрѣчали ихъ въ развалинахъ савель. Исторія оказывалась и проста, и трогательна. Они приходили взглянуть на старое ищелище. Тайкомъ пробирались они на запретныя мѣста, проводили нѣсколько дней въ дорогихъ имъ руинахъ и умирали среди мертвого безлюдья оставленнаго аула! Они были счастливы, если передъ концомъ имъ удавалось отыскать ту алучу, подъ которой они играли еще дѣтьми, взглянуть на тѣ садовые кусты, которые были свидѣтелями ихъ перваго счастья, подышать еще разъ знакомымъ горнымъ воздухомъ, нанѣ вестаръ — послушать свистъ вѣтра въ амбиныхъ ущельяхъ внизу, осторожно побродить по роднымъ скатамъ и извизинамъ горы и смежить глаза далеко отъ врага, среди могилъ своихъ отцовъ, въ странѣ, ставшей одною великою могилою уничтоженнаго племена. Они были счастливы, если въ послѣднюю минуту взглянуть ихъ, тускнѣя и замирая, останавливался еще на громадной панорамѣ горныхъ вершинъ, величаво плавающихъ въ туманѣ, и ухо еще улавливало привычный крикъ орла или рокотъ ключа подъ камнями своего же сада!.. На минуту передъ концомъ они чувствовали себя свободными, какъ тогда, среди приволья бывшей заповѣдной жизни.

— А у турокъ равнѣ дурно?

На меня, на русскаго, стараго врага своего, онъ смотрѣлъ непривѣтливо, правда, но безъ ненависти. А теперь, при одномъ имени этихъ своихъ покровителей и друзей, все лицо его перекосило. Ненависть въ глазахъ, ненависть въ складкѣ рта, ненависть въ разомъ задвигавшихся морщинахъ лица. Голосъ его дрожалъ, но не отъ слабости, а отъ злобы.

— Турки! Русскіе — честные враги. Турокъ — шакаль, вырывающій мертвеца изъ могилы. Мы пришли сюда потому, что насъ ивали, иначе мы лучше бы до одного погибли въ войнѣ съ вами, въ войнѣ священной — газаватѣ. Они намъ обѣщали и пріютъ, и счастье... И обманули, обманули во всемъ. Или насъ селили на пустыхъ и безплодныхъ мѣстахъ, или брали на службу и не пла-

тели ничего. И въ томъ, и другомъ случаѣ насъ грабили. Все, что мы привезли сюда, все, что оставалось у насъ, отнято ими... Все, до послѣднего книжла. Они отнимали у насъ дочерей, силой отнимали. Были мѣстности, гдѣ насъ рѣзали, какъ барановъ. Намъ обѣщали землю, устроенные дома—мы пришли на песчаные степи, гдѣ не изъ чего было и шалаша поставить. Вмѣсто ласковаго друга—мы встрѣтили злого торговца. Изъ насъ тонули жиры. Когда насъ брали на работы, мы должны были дѣлать то, что не подъ силу и мощному волю. У нихъ нѣтъ Бога, у турекъ. У нихъ лезть на языкъ и злѣеное жало въ сердца. Мы просили о помощи—и за просьбы насъ кидали въ тюрьмы, убивали, какъ волковъ. Наши жены у нихъ въ гаремахъ, дѣти умирали на нашихъ глазахъ съ голоду, и эти единоверцы не помогли ниъ. Изъ красивыхъ мальчиковъ ишихъ парочку снуховъ дѣлали... На одномъ переходѣ мы легли, голодные, усталые. Утромъ проснулись—ни лошадей, ни скота, ни имущества нашего нѣтъ. Кто же обокралъ насъ? Тѣ, кто долженъ былъ покровительствовать,—стража, данная намъ для сопровожденія насъ по дорогѣ, для безопасности нашей! У меня былъ братъ—на роднѣ, у насъ, его пять вуловъ слушались, большимъ человекомъ считали. На моихъ глазахъ у него пана отнял жену и дѣтей, а самого бросилъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ... А гдѣ мои дочери, гдѣ моя семья? Спроси у вѣтра, что шумитъ надъ ихъ могилами, спроси у шакала, что вырывается изъ земли ихъ тѣла. Турки, между которыми насъ поселили, принимали насъ не какъ друзья и единоверцы, а какъ воры, которые завлекаютъ путника въ засаду и, успокоивъ его ласковыми словами, убиваютъ соннаго и безоружнаго. Въ одной ихней деревнѣ насъ поселили десять семействъ—только одинъ день наши и выжили, на другой день къ утру все оказались привѣзанными.

И старикъ покурился. Онъ горячо осунулся, окончивъ свою ползую негодованія рѣчь... Даже ярче глаза какъ будто погасли.

Страшна, действительно страшна судьба этого некогда мощного и богатого герца, а теперь нищего, без родины, богатого только одной ненавистью и злобой! А таких разсѣяно многое множество по Турціи...

Одна изъ стѣнъ купальни не доходила до потолка. Въ отъ ретіе дѣлаи вѣтви деревьевъ и сверкали крупныя южныя звѣзды... Потонуло запахомъ дѣтвовъ отсюда.

— Рядомъ тутъ тоже моя сажа... Тамъ тебѣ и горницу я покажу... Дай Богъ сна да легкаго воздуха!

И мы съ Иваномъ вышли изъ дверей.

Луна уже стояла надъ лукомъ.

Серебряный свѣтъ ея обильно лился на казавшіяся близкии кровли свѣжель, словно ступени, покрывавшія весь холмъ. Точно черныя щели, между ними змѣнились проходы и переулки... А эта голубая даль, этотъ серебряный плавиль въ рѣкѣ среди зеленой повизи, эти горы вдали, словно загнувшія въ бѣломъ парѣ луннаго блеска!

И опять запахъ жасминовъ, и опять полные сладкой грусти звуки чангуры... трепетные, разсѣянные, точно кто-то вздыхаетъ, а не струны поютъ передъ вами.

И на одно мгновеніе, словно сонъ, словно страница, вырванная изъ старой забытой книги, мелькнуло передъ глазами унылое полурное море. Мертвые берега, скованные льдомъ, сиятъ подъ свѣтами. Съ гулкимъ рокотомъ набѣгаютъ на нихъ вслѣженные волны. Таинственные сполохи мерцаютъ на черномъ небѣ. Холодно, жутко...

А тутъ-то какая благодать!

Точно чудная красавица, раскинувшись среди влищныхъ горъ, зоветъ васъ въ свои объятія эта долина. И не наглядитесь вы въ ея глубокія очя, полныя страсти и пѣли, не надышетесь вы запахомъ свѣтовъ отъ мудрей ея, не наслушаетесь этихъ малыхъ вздоховъ, этой тоскующей пѣсни любви. И страсть, и пѣга прокрадываются въ ваше сердце, и становится вамъ жарко и душно въ скалѣ, и безсознательно вы ищите кого-то около... Скорѣе, скорѣе на воздухъ, въ плоскую кровлю, гдѣ, засыпая, вы все-таки будете видѣть надъ собою крупныя звѣзды

ожнаго неба, гдѣ мѣсяцъ словно прикроетъ васъ своими серебряными сѣтами, гдѣ шелестъ тополя почувдится вамъ дыханіемъ красавицы, заснувшей рядомъ... И золотыя грезы, и золотыя сны зазвѣдятъ надъ вами. И станеть такъ хорошо и легко, что даже чужое несчастье, недавно встревожившее васъ, покажется старой легендой, поэтической былью, сказочнымъ мифомъ этой сказочной долины!

IV.

В ѣ г л о ц ы.

— Такъ тебѣ безпрерывно въ утрѣ выѣхать надо?

— Да; вотъ какъ солнышко подымется, и въ дорогу!

— А ты погости, божій человекъ. Твой провожатый не больно стоскуется. Опять же я ему съ своимъ Абдукой вѣсть поню.

— Пора. Не по одной Аджарѣ шатаемся!

— А вотъ поѣшь; чѣмъ Богъ послалъ, угощу. Тоже христіанства не забудь. Тогда и показай на всѣ четыре стороны, Эхъ! На одинъ денекъ и привело тебя изъ Рассей... Желанный гость! Коли бы ты у меня хотя на годъ остался, такъ и бы тебѣ въ ножки павлонился. За хозяйна у меня былъ бы! А то совсѣмъ отъ рѣчи нашей отсталъ и. Вѣру Христову забудь. Съ этимъ Махмудкой ихнимъ не долго спутаться. Черти! Алла, Алла, а что такое Алла? Такъ не будетъ намъ манифесту, а? Да и гдѣ бытъ! А и былъ бы—остался. Все одно. А доной такъ и тинеть, на родную сторонунку... Сейчасъ бы съ тобой ушелъ туда. Да и не уйтить ав, ну, ихъ къ Богу?.. Суды только вотъ, засудить.

— А семья?

— И семью бы взялъ. Какъ безъ неа! Бабы у меня добрыя, который годъ живу—свары не было!

Молодой, красивый гордецъ вошелъ въ саклю и почтительно сталъ у дверей.

— Вотъ тебѣ и другой мой сынъ—Абдука. Коли въ

Рассей будетъ, а его живымъ наперомъ въ Мирону переведу. Покойнаго батюшку Миронюхъ звали!

Иванъ заговорилъ съ сыномъ по-тагарски. Тотъ что-то отбитилъ: отецъ разгорчился, должно быть, забранилъ его. Юноша потнительно стоялъ, склонивъ голову. Онъ, повидимому, и не пробовалъ оправдываться. Чуть до затрешивъ дѣло не дошло.

— Совѣтъ большой дуракъ сталъ!—разрѣшился, наконецъ, Иванъ по-русски.

— За что ты это?

— Да обѣдился. Третій день, бритая голова, въ мечеть не ходитъ.

— Что жъ ты его заставляешь въ мечеть ходить?—научился я.

— А то какъ?

— Да давно-ли ты Махмудю-то ихниго ругалъ?

— Что жъ, что ругалъ? Въ другомъ мѣстѣ, въ нашей Рассей, Махмудю ни по чести, а адѣсь онъ въ силѣ. Онъ же долженъ я въ своей семьѣ порядокъ блюсти. Сказано, по здѣшнему закону, каждый день въ мечеть ходить—ну, и ходи... Кто-жъ и присмотритъ за нимъ, какъ не я? Онъ вотъ, заиѣсто мечети, въ дѣвкамъ повадился къ сусѣдскимъ... знаю я! Въ другой разъ я его еще пзеткой проучу, коли не пойдеть на молитву. Не порядокъ это! Ишь ты, весь аулъ въ мечеть ходитъ, а онъ въ саду съ Фатмой тамъ прохлаждается! Тутъ безъ Махмудки не проживешь! Сказываютъ, въ вятскихъ да пермскихъ мѣсахъ мордва такая есть, въ Кереметь вѣрять да каменью повзлонится, а ужъ Махмудю все превосходнѣе Керемети этой выходить. Онъ же, коли бы онъ прещень былъ—другой разговоръ. А то мусульманинъ вѣдь, чего же еще болтаться! А главное—не порядокъ: положено въ мечеть, ну и ходи!

Пришлося только развести руками да подмигнуть оригинальной логикѣ русскаго человѣка, заброшеннаго въ чужія мѣста. Иванъ свято самъ исполнялъ все обряды мусульманства, хоть и ругался при этомъ, но «порядокъ»

разумѣется, былъ выше всего. И дунаш, что онъ и обрѣзати себя позволилъ тоже для «порядку».

— Ради чего усердствуешь?—спрашивалъ и, видя его творившимъ намазъ.

— Для порядку; положено такъ. Опять же, можетъ, это и на пользу, кто его знаетъ. Также и Махмудъ и хий, води, не дуракъ былъ. Умиѣ людей не будешь,— вотъ и исполню!

Пока намъ на скорую руку готовили шевъ и жарили пебабъ, мы выпили изъ сагли.

Утро было славное. Солнце уже высоко поднялось, окутавъ золотистымъ паромъ окрестныя горы. Ярко и ласково свѣтило оно сюда, свозъ густую чащу алучи и каштановъ. Бѣлыми, колеблющимися узорами играло свозъ деревья на мазаныхъ стѣнахъ сагели. Откуда-то пахло дѣтскими ментальными рощъ. Парѣдка доносилась тихая струйка страннаго аромата, родственнаго сибирской обдешнѣ.

— Эвѣи мѣста у васъ!

— Ужъ и мѣста!

— Да чего-жъ тебѣ лучше? Горы, сагл...

— Чудной ты человекъ! Вотъ по нашей калуужской или разанской губернии—точно, что мѣста. Гладко... Глазомъ не окинешь. А это что, точно земля вскипѣла, на версту глади не найдешь. У насъ коли рѣка, такъ рѣка— широкая, тихая. А тутъ—бубнитъ себѣ да пыжитъ! А ее и всю-то перескочить можно. Здѣсь рѣка гордая, драя, грудью бѣжитъ. Безобразіе... Опять же гора: коли гора— ну, и знай свое дѣло. И у насъ горы есть, этимъ не обидѣлъ Богъ. Только у насъ пологія горы, на нее и взойти прѣтно: ни щелей на ней, ни камня. А что тутъ, что на Кавказѣ, горы точно вобѣсилась! Изорваны да избиты. Тутъ скала, тамъ—прывалъ! Одна выше другой тивутъ. Ну ихъ къ Богу! Опять у насъ лѣса пойдутъ— ровно. Береза, такъ силонъ береза, сосна—такъ сосна. Сердце радуется. А тутъ и не сообразишь, куда попалъ. Дубъ, околъ дуба—орѣшникъ, а тамъ—каштанъ. Лоза

крутомъ; точно ихъ баба изъ подола просыпала, да и не собралъ, какъ упало, такъ и выросло. Ужь и лѣса! У насъ въ лѣсу сосной, березой пахнетъ. Запахъ такой-ли духовитый. Бродишь съ топорокъ въ бору—сердце радуется; а тутъ тебѣ чѣмъ въ носъ не шибанетъ... всякіе духи: и розаномъ, и болышничкомъ. Никакого порядку! Опять же насчетъ птицъ: у насъ ежель галка пошла, такъ ужъ ея царство, она и сидитъ. Развѣ что кукушка въ чужу бесѣду замѣшется, ну да зато она прилязетъ. А по лѣснымъ лѣсамъ, на зарѣ, оглушитъ тебѣ. Разная молва идетъ и разный языкъ, словно ты въ сказочное царство какое попалъ. Птицы этой гибель и у всякой свое слово, а порядку нѣтъ; хоша бы еще по очереди, а то вмѣстѣхъ! Идти, куда супротивъ России! Никакой красы нѣтъ по этому мѣсту! Сказано, безмозглая турчина. Съ кинутка все, точно надъ ними каплетъ!

Рядомъ ютился небольшой садикъ; бѣлоснѣжныя лиліи распускали по вѣтру свое благоуханіе; алая, горделивая роза лѣзла прямо въ низенькія двери небольшой сади. Яркими кистями выдали внизъ всякіе-то пурпурные цвѣты, выбиваясь изъ чуждой имъ зелени шкириного дерева.

— Ты на здѣшній цвѣтъ посмотри. Нешто это цвѣтъ?

— Ну, ужъ, наши цвѣты и въ сравненіе не идутъ!

— Не говори, Рассейские куда превосходнѣй. Подсолнечники воляжи—божья трава; куда солнце, туда и онъ смотритъ. Опять же желтища по немъ, сѣмички! Теперь, василька тутъ нѣту, ландышу извнѣго и не слыживали. Все дѣль хуже. Хотъ и нельзя похвалть, а и дѣвка здѣшняя неврижѣръ расейской. У насъ баба въ тѣлѣ, бѣлая да румяная, а здѣсь все поджарая, больноглазыя. Нешто они что понимаютъ? Жидки здѣшнія бабы!

Изъ низенькихъ дверей, почти сплошь заслоненныхъ цвѣтами и листвою, выползъ на свѣтъ Божій глазастый и смуглый ребенокъ, пощурился, пощурился на солнце и заоралъ благимъ матомъ. Этому обстоятельству я былъ обязанъ тѣмъ, что увидѣлъ такую красавицу, какой не опишешь ничѣмъ. Воляжи заревыя краски, темень г

и безлунной ночи, страстное мерцаніе прихвѣ звѣздъ кажнаго неба, смуглый, матовый, бархатный румянецъ снѣлаго персика—все это будетъ блѣдно, все это не передастъ и тѣни очаровательнаго видѣнія, мелькнувшаго на мгновеніе передо мною.

— Экая краса изкал!

— Богодлинная краса, — согласился со мною даже Иванъ. — Съ Кавказу тоже!

— Выселкась, вѣрно?

— Ухедомъ! На нашей сторонѣ часто такия свадьбы правятся.

Я заинтересовался и разспросилъ подробно хозяина.

Сосѣди Михако Давташвили и Инна жили прежде въ Гуріи, въ одномъ селеніи. Они вмѣстѣ росли, чуть не подъ одной кровлей. Женщинына формируется на Кавказѣ очень рано. Въ тринадцать лѣтъ Инна была уже невѣстой, а Михако стукнуло восемнадцать. Ему пришлось уѣхать на годъ въ Тифлисъ на заработки. Возвратись, онъ встрѣтилъ подругу дѣтства пышно расцвѣтшей красавицей. Инна тоже не могла остаться равнодушной къ стройному гурійскому Адаму. На зло сторожевымъ и лютымъ собакамъ и не менѣе лютымъ старухамъ, Михако пробрался ночью къ дѣвушкѣ и столкнулся съ нею. Сиданія повторились чьего, но, какъ и всегда въ этой сторонѣ, отношенія любящихъ оставались чистыми и честными. Рѣшено было между ними—открыться во всемъ отцу и матери послѣ возвращенія Михако изъ Тифлиса, куда онъ долженъ былъ отправиться вторично. Обнадеженный словомъ подруги, Михако уѣхалъ.

Въ Гуріи есть очень странный обычай. Въ каждомъ селеніи у нихъ живутъ мацкулы. Мацкулъ — наша сваха, только съ слѣдующимъ отличіемъ. Во-первыхъ, мацкулъ — мужчина, во-вторыхъ, мацкулы рѣшаютъ между собою бракъ дѣвушки и молодого человека, ранѣе согласія ихъ родителей. Отказъ со стороны послѣднихъ немислимъ, не въ обычай: мацкулы рѣшили, слѣдовательно, и толковать нечего. Слово ихъ свято, противъ

не пойдет никто. Такъ велось искони, такъ ведется и теперь; даже понохавшіе нѣкотораго образованія гурійцы никогда не осмѣливаются сопротивляться власти мацкула. Печальный обычай этотъ вызывается частыми преступленіями, убійствами, но они не вразумляютъ гурійцевъ.

Мацкулы Давидъ и Пралайъ рѣшили выдать Ницу за сына перваго изъ нихъ, Георгія, пдіота, безобразнаго и притомъ же пьяницу. Георгій по окрестнымъ селамъ былъ извѣстенъ подъ именемъ ишака (осла); разъ ему сватали какую-то дѣвушку, но несчастная весною бросилась въ разливъ рѣки Хафенхали и только смертью избавилась отъ противныхъ ласкъ ишака Георгія. Мацкулъ Давидъ былъ человекъ богатый, какъ и всѣ люди его профессіи. Молодежь веселыми ублажаетъ ихъ, даритъ имъ барановъ, золотые туманы, чтобы тѣ не связали какъ-нибудь съ немилыми. Лучшая сакал, лучший домъ, садъ, лучшее стадо у мацкула. Давидъ, сверхъ того, славился своею жадностью. Онъ, напримѣръ, выразивалъ безъ церемоніи поирашишующая ему лошади, вилкалъ, и разъ юнону, отказавшаго ему въ подаркѣ, женилъ на уродливой и пожилой гурійкѣ, которую тотъ зарѣзалъ на другой день послѣ свадьбы. Тѣмъ не менѣе, въ виду богатства Давида, породниться съ нимъ для родителей Ницы было очень лестно. Когда мацкулы объявили имъ свое рѣшеніе, они сообщили о немъ Ницѣ, точно о невѣстѣ кзой радости. Ница, разумѣется, ударилась въ слезы; но, какъ и у насъ на Руси, въ Гуріи дѣлать слезы дешево. Старуха-мать даже побила дочку за излишнюю разборчивость. Она и въ толкѣ не могла взять, какъ ея дѣвчонка не соблазняется возможностью носить канусовые шаровары и каждый день ѣсть сколько угодно плова, вмѣсто однообразнаго чурека съ виноградомъ. Отецъ тоже обругалъ Ницу, сказавъ, что это не ея дѣло. Мацкулы рѣшили—не ей же избѣжать ихъ безанеллионнымъ опредѣленія. Мусульманка тѣмъ бы и удовлетворилась. Ее продадутъ. Кыснетъ—судьба, и дѣлать, слѣдовательно, нечего. Гурійки другого зачала. Ница погрозилась бѣжать; ее

заперла. Побилась, побилась бѣдная, да и погрузилась въ какое-то отупѣніе, близкое къ идиотству. А между тѣмъ маникулы дѣлали свое дѣло. Давидъ, за согласіе на рѣшеніе, подарилъ Ираклію парбахскаго коня и десять золотыхъ тумановъ, сшилъ дураку Георгію шегольской костюмъ на свадьбу. Приготовленія шли быстро.

Наконецъ, Нина очнулась и кое-какъ дала знать о своемъ положеніи мѣстному священнику; тотъ только плечами пожалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно идти противъ маникула? Его самого женили маникулы. Оставалось одно средство — оповѣстить Михало. Юноша въ Тифлисѣ былъ мушой, т. е. носильщикомъ. Муши составляютъ одну артель и другъ друга знаютъ. Найти его немудрено. Начъ села въ Тифлисѣ отправился молодой гуріецъ, чтобы занять высокую и почтенную должность тулукчи — водопоза. Вечеромъ, когда онъ было готовился уже убраться въ послѣдній разъ подъ отчимъ проломъ, въ дверяхъ показалась закутанная фигура.

— Ты кто? Ступай своей дорогой!

Бѣлое покрывало откинулось. Занесанное лицо казалось еще печальнѣе подъ серебристымъ свѣтомъ мѣсяца.

— Нина!

— Скоро-ли, Леванъ, въ Тифлисѣ будешь?

— Дня черезъ четыре. Ниче, знаешь, чорта въ котель запрягли русскіе. Онъ и возить... До Квилло дойду на лошади дня въ три, а тамъ до Тифлиса по чортовой дорогѣ — одинъ день только!

Нина бросилась къ ногамъ юноши и, зарыдавъ, обвила ихъ.

— Что ты, Нина, оставь — войдутъ...

— Не оставляю, пока не побѣдишься исполнить мою просьбу. Умру у твоихъ ногъ, а не уйду! Пусть застанутъ, пусть думаютъ, что хотятъ!

— Да развѣ и отказываю тебѣ, роза? Развѣ ты не помогла моей сестрѣ, когда она выходила замужъ, развѣ можно не послушаться тебя, когда ты о чемъ-нибудь просишь? Говори, что тебѣ надо, пусть меня шайтанъ съ горы сброситъ, если я не исполню!

— Ты вѣдь другъ Михако?

— Еще бы!

— Онъ мой женихъ!

— Какъ!.. Онъ мнѣ ничего не рассказывалъ... Бѣдная, бѣдная... А тебя за ишана Георгіа отдадутъ... Ай, Михако!..

— Какъ прѣдешь въ Тифлисъ, отыщи сейчасъ же Михако и расскажи ему все!

— Постой, нельзя ли будетъ раньше помочь... Иди спи, Нина; если ничего здѣсь не сдѣлаю — завтра уѣду, а черезъ четыре дня Михако все узнаетъ... Иди мое сердце... Ай, бѣдный Михако...

Леванъ проводилъ Нину, вразучился подъ свозными стѣнами виноградниковъ, взошелъ до ея савли...

— Смотри, если обманешь — тебя Богъ накажетъ! — обернулась она къ нему.

— И другъ Михако... Развѣ ты этого не знаешь? А другъ за друга кровь прольетъ!.. Что ты, вчера родилась, что нашего гурійскаго обычая не вѣдаешь... Экая ты, Нина! Зачѣмъ обманешь меня... Говорю, или свать сподойно...

Леванъ братски поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ, и самъ ушелъ въ сторону обдумать дѣло...

Оповѣстить Михако немудрено... Что въ этомъ особеннаго, это всакий сдѣлаетъ... Хорошо я ему приятель буду, если тѣмъ только и удовольствуюсь. Будь онъ изъ моего племени — повробовалъ бы помѣнать этому ишану Георгію завладѣть такою жемчужиной!.. Нужно хоть отдалить свадьбу... А какъ?.. Эге, да развѣ я не гуріецъ?.. Развѣ у меня руки плѣтъ?..

Гурійскія селенія не скучены. Одно отъ другого жилища ихъ разбросаны иногда за версту. Нечувствительно Леванъ забрался далеко, размышляя о способахъ отдалить неизвѣстный Нинѣ бракъ. Тѣмъ образомъ, онъ подобрался къ жилищу мацкула Давида. Издали еще оттуда мигалъ ему огонекъ.

— Ишь проклятый, не спитъ... Колдуетъ, шайтановъ братъ...

Дождь макикул, побогаче другихъ, былъ обведенъ отъ скрытой галлереей, образуемой выступомъ плоской крыши, опиравшейся на деревянные балки. Крутомъ поле томъ и виноградники. Изъ общей массы ихъ выдѣлись круглыя вершины тутовыхъ деревьевъ. Вся усадьба была обведена колючею изгородью изъ привольно разросшагося здѣсь кустарника.

— Не пройдемъ! — попробовалъ было Леванъ. — Нужно въ ворота!

Что-то съ лѣсковымъ тѣнканьемъ подвинулось ему подъ ноги. Ощущалъ. Ба, да это та же собака, которую выростилъ Леванъ и подарилъ макикулу. Вотъ пригодилась!

— Одинъ другъ въ такомъ дѣлѣ стоитъ тысячи враговъ! — вспомнилась ему старая гурійская поговорка.

Взявъ онъ собаченку на руки, шмынулъ, чтобы она не лаяла. Умное животное поняло и поджало хвостъ. Тихо скользнулъ Леванъ въ ворота. Лунный свѣтъ отбрасывалъ длинныя тѣни отъ изгородей виноградника. Леванъ поползъ подъ ними. Слѣдомъ тихо шла собака.

И затѣмъ ползъ — самъ не зная. Тянуло туда, точно на мѣстѣ можетъ опредѣлится планъ, какъ ему дѣйствовать. Истинитыя прирожденнаго хищника сказались!

Наткнулся на что-то холодное... Противное ощущение скользкого и влажнаго тѣла осталось на лицѣ... Что-то, шурша, бросилось въ кусты... Леванъ приостановился.

— Змѣя?.. Нѣтъ, ящерица вѣрно. Коли змѣя, собака за ней бы кинулась... А вѣрно тутъ и змѣи есть... Ишь у него, у шайтана, огонь! — приподнялся онъ на локтяхъ. — Должно быть, деньги считаетъ.

Изъ окна послышался голосъ. Леванъ, какъ лежалъ, такъ и притихъ въ тѣнь изгороди. Собака прижалась къ нему. Тревога оказалась пустой. Юноша проскользнулъ дальше. Между изгородями и домомъ было чистое мѣсто. На него прямо падалъ лунный свѣтъ. Тутъ, какъ ни прятался — изъ окна видать, не укроешься. Точно серебряная скатерть разостлана. Ишь, и сіяніе мѣсяцъ — какъ легкій паръ дымится надъ нею. Леванъ присѣлъ подъ по-

сидящую изгородью, тихо снискать чевяки и, навзленившись изъ земли, бесшумно, стремительно пробѣжалъ полинку, отдѣлившую его отъ галлерей сельскаго дома. Собака и не повинула. Увидѣвъ передъ собою стѣну, юнона ничкомъ упалъ на землю и даже затаялъ дыханіе. Въ домѣ, по-чуждому, ничѣмъ не слышали. Оттуда раздавался громкій разговоръ.

Какъ зѣба, проскользнула Леванъ подъ окно и приползся.

Въ саклѣ горѣла свѣчка. На тахтѣ сидѣли мацкнулъ Давидъ и сынъ его, никакъ Георгій. Передъ ними бурдюкъ съ виномъ. По вѣтру такъ и разносится изъ окна запахъ превосходнаго кварели. Леванъ даже носомъ повелъ и глаза зажмурился отъ сладостной истомы. Подъ локоточкой засосало.

— Этакое вина мнѣ и въ свадьбѣ не уластятъ попить. Ишь счастье ему какое! Каждый день вьезть, поди!..

Давидъ и Георгій были уже пьяны. У обоихъ носы красные, изъ подъ сѣдыхъ, низко нависшихъ бровей мацкнула не видно было почти смежившихся глазъ. На багровомъ лицѣ сына такъ и сіяла самодвольная туговость. Мышиные глаза сладко перебѣгали съ бурдюка на отца. Ротъ кривило въ какую-то глуую улыбку.

— Такъ ты и знай, Георгій,— чуть выказъ языкомъ отецъ.— Какъ возьмешь, ее—сейчасъ смирять начини. Она противъ воли идетъ, не любить тебя. Шель твою звать должна. Да и кто тебя, дурака этакого, любить станетъ? За мое богатство разивъ. Такъ вѣдь, дѣвушки глуны, имъ богатство не надо. Слышишь ты, что я говорю?

— Слыну, батона!

— Ну, то-то. Ради теби хлопочу, чтобы у теби красивая жена была. А красивѣе Нины на сто вереть кругомъ нѣтъ!

Георгій улыбулся еще слаще. Даже громадные уши его, красныя, разлапастыя, точно передвинулись выше.

— Это-то, вѣрно, понимаешь?

Ишакъ только головою кивнулъ и нацѣдилъ себѣ зипа.

Левану пришлось опять носомъ дернуть, — ужь очень соблазнительнъ былъ запахъ.

— Жена должна бояться мужа, что Божьей грозы. Можешь ли ты поднять голову, когда надъ тобой громъ гремитъ и молніи сверкаютъ?.. Такъ и жена у тебя. Ея дѣло склонить голову. Понимаешь?

— Батона, не безпокойся. И ее бить буду. И умѣю!

— То-то. Когда оселъ упрямя, что съ нимъ дѣлаютъ? Ну и съ женой то же. Главное — на ласки ея не поддавайся. Женщины хитрые черта. Она когда ласкать начнеть, значитъ — обмануть хотеть. Понимаешь?

— Я ее палкой!..

— Ну, вотъ. Когда женщина говоритъ — въ домъ черта входить, замолчить — ангелъ встаетъ. Понимаешь?

Пробовать было Давидъ подняться съ тахты — ноги подкосились.

— Георгій — уже косившимъ языкомъ позвалъ онъ, — подай мнѣ подушку!

Подушка, валикомъ, длинная, точно опрокинутый на бокъ цилиндръ, была около. Попробовать было Георгій двинуться за ней — покачнулся. Кос-вакъ, впрочемъ, долезъ и подалъ отцу. Тотъ прилежъ и захрипѣлъ. Георгій нацѣдилъ еще вина и, сладко улыбаясь, сталъ пить.

— А они говорятъ, что я инакъ, — крикнулъ онъ вдругъ въ окно. — Я — инакъ... А у меня красавица жена, вина, сколько хочу, и денегъ много!.. Умреть старикъ — еще и того больше будетъ. Какой же я инакъ? — Безсмысленны слова смѣшались не менѣе безсмысленной пѣсней! «Приди скорѣй, роза моя, прилетай скорѣй, моя легкая птичка!..» — А отецъ хорошо это говоритъ, чтобы бить побольше. Жена слушаться будетъ. «Ой, выйду я на высокую гору, крикну я оттуда въ долину — зачѣмъ ты вала мое сердце, безжалостная!..» Плетью бить лучше, чѣмъ палкой. А любить станетъ, пѣловать будетъ — перестану. Отецъ глупости говорить. Чѣмъ я не молодецъ, чѣмъ не красавецъ?.. «Роза въ саду зачѣмъ мнѣ... твои глаза — на что мнѣ!..»

Леванъ поползъ дальше, за уголъ. Тутъ были навалены груды саману, сухой виноградной лозы и стержней отъ прошлогодней кукурузы.

Ювешу точно въ голову ударило.

— Ну, Михаэ, ты будешь довозить мой дружокъ! Самъ Богъ показываетъ мнѣ, какъ помочь бѣдной Шитѣ!

Огниво и кремень неразлучны съ гурийлемъ. Собралъ побольше сухого саману, онъ высѣлъ огня. Солома закурилась и зашипѣла. Раздуть ее было дѣломъ одной минуты. Показался огонекъ. Леванъ захватилъ охапку виноградной лозы и подбросилъ ее. Съ тихимъ свистомъ выпрыгнувъ на огни завитки лозника, и скоро огонь, треща, длинными языками, пробѣжалъ сивомъ чаму сучьямъ вверхъ; на минуту ихъ было покрыло дымомъ, но яркое пламя взвилось еще выше, и издали, за версту, уже видно было оно краснымъ пятномъ надъ озареннымъ луною скатомъ зеленой горы.

— Гори, чортово гнѣздо! Гори!.. Ну, Михаэ, что ты скажешь про Левана?.. Сдѣлай самъ лучше, ежели можешь!..

Еще подождать съ минуту, Леванъ пошелъ прочь.

Въ полуверстѣ отъ дома мацкула жили его работники. Они еще не ложились, когда въ окно увидѣли яркое зарево.

Выскочили.

— Ване!.. Нашъ шайтанъ горитъ. Должно быть, дѣдушка изъ ада въ гости къ нему прилетѣлъ на черной лошади съ огненными крыльями. А помочь надо, хотя и не стоять онъ!

Когда они сбѣжались, задняя стѣна жилища была охвачена огнемъ. Гурийцы вытащили только мацкула и его сына. Къ утру отъ дома остались одни обгорѣлые бревна да кучи угля. Садъ и виноградникъ уцѣлѣли.

Леванъ не зналъ ничего этого. Чуть свѣтъ онъ уже съкачалъ изъ лошади къ сѣверу, по владжарской дорогѣ, пробирался къ Квириламъ, чтобы оттуда уже направиться въ Тифлизъ въ большой арбѣ, которую везетъ шайтанъ,

сиритинный русскими въ большой котелъ съ золотою трубою. И до того этотъ шайтанъ наученъ, что стоитъ только большому начальнику ступить въ котелъ, какъ засвищетъ и востонетъ шайтанъ и остановится. Хотѣли было эту чертову дорогу на Михеть провести, да шайтанъ не можетъ ничего около святаго собора михетскаго сдѣлать, оттого и обошли городъ стороною; дажего отъ Тифлиса останавливается вѣщать съ чертомъ въ котлѣ все по той же причинѣ: святаго сіонскаго собора боится. Слышалъ Леванъ, что русскіе не остановились бы на этомъ, но всему бы Кавказу проложили подобныя дороги, да не могутъ найти нигдѣ еще одного шайтана. Какъ опашутъ, сейчасъ же выстроятъ. Ужъ они за чертомъ и въ горы лазятъ, нискозвъ ихъ пробиваютъ, да все ничего сдѣлать не могутъ. Дьяволъ вѣдь тоже уменъ, что ему за счастье въ котлѣ сидѣть весь нѣкъ, — ну и бѣзвѣтъ отъ русскихъ!.. И жарятъ же тамъ несчастнаго шайтана! Известно, своей волей не станетъ же онъ чловѣку служить. Не собака вѣдь, не лошадь, не верблюдъ. Для того и поддерживаютъ огонь въ котлѣ, для того и бросаютъ туда столько дровъ. Иначе съ чертомъ бы ничего не подѣлали. Вѣдь, шельму, меньше жарини, онъ и бѣзвѣтъ медленнѣе.

Только что проснулась Нина, слышишь, что донъ магнула сгорѣлъ. Пыльных едва вытащили изъ огня.

— Должно быть, Леванъ сдѣлалъ! — мелькнуло въ головѣ дѣвушки, только, разумѣется, никому она не сообщила своей догадки.

Въ тотъ же день вечеромъ къ родителямъ Нины, въ ярыхъ карабахскихъ коняхъ, шестолетъ нарядными немехинскими уздечками съ ахалцыхскимъ пасѣчлою, нежданно-негаданно подѣхали погорѣвшіе мацкикулъ Давидъ съ ишаномъ Георгіемъ. Нина такъ и обомлѣла. словно мертвая, просидѣла она все время на тахтѣ, съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, вслушиваясь въ разговоръ гостей. Если бы Леванъ былъ здѣсь, онъ бы узналъ, что почное приключеніе его не повело ни къ чему. Все имущество

напишула было въ другой селѣ, куда должны были перебраться новобранцы. Сгорѣла только старая изба. Тѣмъ не менѣе, благодаря пожару, свадьбу отложили на двѣ недѣли.

— Слава Богу, слава Богу! — радовались родители Нины, которымъ не давала покоя мысль, что ихъ дочь будетъ носить канаусовыя шаровары и каждый день есть кебабъ. Что же дѣлать, каждый понимаетъ счастье по своему. Изголодавшемуся гурійцу сытная пища кажется благодатью. Среди роскошной природы, среди изобилія плодовъ земныхъ и благоуханнѣйшихъ воздухей въ этой странѣ встрѣчается такая нищета, передъ которой, смѣло можно сказать, блѣднѣетъ нужда шибкого голубянина сѣвернаго прѣстѣнства. Покрученикъ на Мурманѣ, корель гдѣ-нибудь въ Шуезерской волости, Кемскаго уѣзда, голыть въ Сумѣ или Сорокѣ, успешнѣе обездоленный солеварь, иннекскій отоманнѣй на неурожаихъ да безжорнищѣ крестьянинъ — счастливы сравнительно съ гурійскими нищими. Хоть рыбы въволю у сѣвернина. Гони, дунуруза, плохой хлѣбъ, неуспѣшнее перебродить пиво, арбузы и дыни въ извѣстную пору года — вотъ и все, что есть у гурійца. О мисѣ и толковать нечего. Есть гурійцы, которые не слышали и запаха жаренаго мяса!.. Видѣ челолюбивыя гурійки не даромъ же запродаютъ турецкимъ промышленникамъ своихъ дочерей, видѣ не на радость же себѣ дѣлаютъ онѣ это.

— Славная сторона наша! — обратился я разъ къ одному гурійцу.

— А что?

— Прелестная природа, обиліе растительности, красивый тапъ!

— Совѣмъ бы рай былъ, если бы гурійцы не голодали! Я было не повѣрилъ.

— А вы слышали одну изъ нашихъ легендъ? Послалъ Богъ ангеловъ по всей землѣ — узнать, гдѣ лучше живетъ. Ангелы на землю не сходили, только летали надъ ней. Сверху имъ и повѣдись. Гурія краше всѣхъ странъ

на свѣтѣ. Вернулись и описали наши горы и долины расемъ земнымъ. Возмолвились праведники—пусти ихъ туда. Послушалъ Богъ и пустилъ. Первый день чудесно имъ было: сытые съ неба пришли, а на второй, какъ вѣсть захотѣли, и раскаялись. Плоды еще не созрѣли. Пришлось промозголою кукурузу, твердую, какъ камень, жевать, хотѣли было миса, да взать негдѣ. Рыбы въ рѣкахъ мало. Вина хорошаго выпить не удалось—все изъ Тифлисъ увезли, а на мѣстѣ только въ погребахъ у армянъ оно и хранилось, а армяне—известно, что за народъ: самому Богу безъ денегъ не дадутъ выпиться. Видать святые, что дѣло плохо, вознеслись скорбе на небеса. Разсердился Богъ на невѣрныхъ ангеловъ и въ наказаніе имъ заставилъ отдать свои свѣтлыя лица гурійскимъ дѣвушкамъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ у насъ и порода красивая пошла! А жить все-таки не лучше стало...

Богачи-гурійцы обладаютъ ароматическими травами, грузинскимъ сыромъ да хлебными лепешками съ кистью винограда. Одни малякулы развѣ знаютъ, что такое курятина, баранина да рисъ въ обыкновенные дни. Въ торжественныхъ случаяхъ и бѣднякъ лицомъ поданомится. Я самъ въ горахъ патнулся на деревушку, откуда были идти только пѣшеходныя дорожки. Тамъ ужъ второй годъ никто не ѣдалъ миса!..

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Леванъ на четвертый день добрался до Тифлиса. Первымъ дѣломъ нужно было разыскать Михако. Гдѣ сараниться? Простодушный гуріецъ отправился въ первый попавшій духанъ.

— Гдѣ тутъ живетъ нашъ Михако?

Старый армянинъ, сидѣвшій въ пріятномъ обществѣ козлиныхъ бурдюковъ, широко распылъ глаза отъ изумленія.

— Какой Михако?

— Изъ нашей деревни!

— Да ты самъ откуда?

— Я?.. Я — Леванъ, пріятель Михако... А Михако второй

годъ уже живетъ въ Тифлисѣ. Неужели не знаешь: мы въ Мартвили оба. Большой такой, сильный еще, ибени хорошо пить, умѣть и драться ловко?

Армлиниъ усѣхнулся.

— Въ Тинлызѣ шавовъ много, не одинъ Михако. Впрочемъ, такъ и быть, я помогу тебѣ найти товарища. Ступай все прямо, упрешься въ стѣну, поверни направо, попадешь въ большія ворота, что на Мтаминду ведутъ — водами направо, подынешься въ гору — направо, сойдешь съ горы — опять направо, такъ поворачивай, пока не встрѣишь такого же дурака, каковъ я ты самъ!

Леванъ обидѣлся.

— Съдал борода у тебѣ, а смѣешься надъ чужестр. и — цемъ. У насъ такъ не дѣлають: приходи въ Мартвили, спроси, кого угодно, вскажй тебѣ до мѣста доведеть!

— Тылызъ не Мартвила, тутъ такихъ шавовъ, какъ ты, тысячи. Кто же узнаеть, кто изъ нихъ Михако!

Шатался Леванъ до вечера, истомился весь, приставалъ и къ грузинамъ, и къ ахалцхскимъ завочникамъ, и все безъ толку. Наконецъ, на нишаго иморетинина наткнулся. Тотъ его ужъ надоумилъ, гдѣ искать товарища. Турѣицы жили въ Тифлисѣ все вмѣстѣ, одною артелью. Поздно ночью добрался Леванъ до нихъ и первымъ долгомъ съелъ разбудить спавшаго прѣтеля, цѣлымъ днѣмъ таскавшего тяжелые грузы на своей выносливой спинѣ.

— Бѣда, Михако: маикулы сговорили Ницу за Георги! Ница сама велѣла передать тебѣ объ этомъ!

Михако остолбенѣлъ. Товарищъ его утѣшилъ разговоромъ о поджогѣ дома ненавистнаго Давида. Михако даже и не поблагодарилъ. На мѣстѣ своего друга онъ сдѣлалъ бы то же самое. Здѣсь это кажется такою естественною вещью! Разбудили еще одного надежнаго товарища и стали держать совѣтъ, что дѣлать.

— Да ты ее хорошо знаешь? Любитъ ли она тебя?..

— Росли вмѣстѣ. Вхаль — алдлась никого не любить я ни за кого не идти, кроиъ менѣ!

— Этого мало... Цѣловалъ ты ее?

— Какъ же!

— А полсъ развязывать ей? — намернула пріятель на общеизвестный гурійскій обычай.

— Итъ, куда... не такая дѣвушка...

— Жаль... Какъ бы она не побоялась, въ случай чего, бѣжать съ тобой!

— Куда хочешь уйдешь!

Думыи, гадали и рѣшили, наконецъ, завтра же утромъ ѣхать всѣмъ троицею вмѣстѣ назадъ въ Маргвилли.

— Ужъ вы не оставьте меня, бѣднаго! — умолялъ Михаилъ.

— Ай, Михаилъ, развѣ мы не друзья тебѣ? Вмѣстѣ дѣтьми играли, какъ же теперь измѣнить товарищу?

— Куда ты, туда и мы. Тебѣ бѣжать придется — и мы съ тобой уйдемъ. Земля велика, найдемъ мѣсто.

— Безъ прови не обойдется, и вино мацникула Давида. Упримый старикъ.

— Ну, что-жъ! Только старая баба боится крови! За то всѣ дѣвушки стануть рассказывать о нашемъ удаливствѣ и молодечествѣ. Слыхалъ ты, что поютъ про Абашидзе? Такъ и объ насъ будутъ пѣть. Не перевелись еще въ Гуріи удальцы, а «за дѣвушку сложить голову — въ рай поивать». Жаль, что мы еще не вѣстѣ себя не пригладѣли, а то бы всѣ вмѣстѣ ушли. На Черохъ-су можно уѣхать, въ Аджару. Только границу перескочить! Лови вѣтеръ, когда онъ свиститъ по ущельямъ, или орла, когда онъ взойдетъ выше горной тучи въ синее небо, — не поймаешь. У него же, у мацникула, и коней уведешь!

— Постой! У жени есть другъ между работниками мацникула. Мы и его возьмемъ.

— Старую пословицу поминаны: «три союзника сильнѣ десяти враговъ», а четвертаго не надо: «одинъ лишній языкъ — все равно, что колокольчикъ на шеѣ у ишака»; звонить, издали слышно.

— Аббадіа человекъ надежный!

— Оставь трусами искать помощниковъ. — слышалъ пословицами Левашъ. — У удальца должны быть два союз-

линя — дѣй руки, два проводника — два глаза, да одинъ другъ — винтовка. Хорошо говорили старые люди!

Старые люди совѣтують дѣвушкамъ передъ своимъ плотно затворять двери и окна. Вина, чрезъ несколько дней послѣ отъѣзда гурійской молодежи изъ Тифлиса, забыла исполнить это. Посреди ночи ей смутно послышался какой-то шумъ около. Она подошла къ дверямъ. Чья-то тѣнь скользила вдоль стѣны.

«Не Михаилъ-ли?» — подумала она, ожидая, когда тѣнь эта выйдетъ на лунный свѣтъ, обильно обливавшій кругами горы и сѣрыя скалы Мартвилья.

Серше вѣсть подало, Михаилъ быстро воркнулъ въ двери и заперъ ихъ за собою. Дѣвушка, едва сдерживая рыдания, кинулась къ нему.

— Скоро-ли свадьба? — удерживал ее отъ ласкъ, спросилъ юноша.

— Черезъ три дня!

— Что-жъ ты... идешь за пшавка!.. Охотой?.. Дала согласіе?..

— Нѣтъ. Я ужъ рѣшила, если ты не придешь, зарѣзать его. Будь, что будетъ!

— Твое счастье. Ежели бы охотой шла, я бы тебя самъ сейчасъ зарѣзалъ! — И Михаилъ вложилъ бывшій у него наготовѣ кинжалъ въ ножны. — Легче мнѣ тебя мертвой встрѣтить! Только теперь онъ обвѣлъ дѣвушку.

— Уйдемъ скорѣй... — страстно шепталъ онъ, покрывая поцѣлуями ее разомъ немыхнувшія щеки.

— Послушай, рѣчи женщины живы. Не повѣрю я, что ты уйдешь со мною. Все вы на одну стать. Языкомъ вылезаетъ, что воза хвостомъ. Пригрозятъ отецъ съ матерью — и выйдешь за пшавка Георгія. До тѣхъ поръ не повѣрю, пока не станешь ты моею женой... теперь, сейчасъ!

Вина только еще бессильнѣе припала къ нему на грудь.

Михаило и двое его товарищей цѣлый день просидѣли въ глухомъ ущельѣ послѣ этой ночи. Гурійскій Парисъ «разнизалъ полесъ» у своей Елены и потому былъ сподобенъ. Она не достанется никому. Молодежь свела подѣ

лаврошиповыми деревьями, запасался силой и энергией на ночь. Нико, третий приятель, добывал где-то «магчары», сильного, молодого вина, сладкого и сильно опьяняющего. Когда взошла луна, она вышла из засады. Прежде, чем пойти спасти Нину, молодые люди должны были отомстить старым макикулам за святотество мартвильской красавицы. Такъ какъ братъ еще не былъ совершенно, то убийства последовать не могло. — въ противномъ случаѣ плохо пришлось бы Давиду и Ираклю. Нико отправился къ жилью первого, а Левантъ къ Ираклю. Михако, согласно предварительному уговору, сторожилъ Нину, которая должна была выйти сейчасъ же, какъ справа и слева древо схватитъ дома неизвестныхъ макикуловъ. Ждать пришлось недолго. Какъ только языки южной ночи разгорелись, словно раздутые угли, и серебряный свѣтъ мѣсяца проникъ въ самыхъ глубокихъ тѣснинахъ мглится сумерекъ, вдали послышались крики, и среди волниго безлѣвья пламя охватило два жилья, отдѣленные одно отъ другого громаднымъ прожегнутымъ. Дома загорѣлись, какъ свѣчи. Сухое дерево способствовало пожару. Михако съ Ниной, Нико и Левантъ стремглавъ мчались къ условленному мѣсту на отбитыхъ у макикуловъ коняхъ, держа въ поводу каждый запасного. Дѣло бы обошлось безъ свалки, да воздыхъ гурьмаевъ обуздалъ обывищеніе торжества. Они выхватили ружья и давай стрѣлать въ воздухъ, съ громкими воплями гардуя на статныхъ коняхъ. Когда прошли первые минуты столбняка, все село кинулось къ дворянцамъ, и старшій, и малый пустились въ погоню. Дѣло завязалось нешуточное. Михако остановился, желая разрядить ружье въ головы первымъ, кто покажется на узкой тропинкѣ въ горы, куда они пробирались.

— Ав, Михако! Или ты потерялъ голову, что хочешь отбиваться отъ нихъ? И тебя убьютъ, и Нину не пощадятъ!

— Все равно: догонять, — не пощадятъ. Зарѣжутъ, какъ барановъ!

— А Нину?

— Нину я самъ убью. Все легче, чѣмъ другіе!

— Итъ, такъ нельзя, — вмѣшался Левантъ. — Ты теперь по одному: уноси свою голову, а мы съ Нино постараемся задержать здѣсь погощу, насколько можно. Вы ужь далеко будете.

— Да насъ убьютъ!

— Слава Богу. Такие дѣла удачны не въ духанѣ дѣлаются... Не веселья же ждуть. Прощай, Михако, береги Нину. Прощай, Нина!

Помертвѣвшая дѣвушка ничего не слышала. Сидя на лошади, она безсознательно держалась за гриву порогого карабѣха, опередившаго всѣхъ своимъ замѣчательнымъ иноходьемъ, которою славятся вообще кони этой породы.

Михако даже и не задумался исполнить великодушное требованіе пріятелей. Онъ самъ поступилъ бы такъ на ихъ мѣстѣ.

Нино и Левантъ залезли за утесы и открыли огонь по приближающимся. Началась правильная перестрѣлка. Пули двухъ горель-юношей били на выборъ, выстрѣлы съ другой стороны пропадали даромъ. Такъ прошло время до ночи. Бѣглецы успѣли уже перебраться за турецкую границу и наши гостепріимный пріютъ въ первой же аджарской деревушкѣ, куда охотно принимаютъ единоплеменныхъ гурийцевъ, или преслѣдуемыхъ въ Россіи, или же инцунахъ просто привлеченій. Нино и Левантъ думали отстрѣляться тоже, но судьба рѣшила иначе. Нѣсколько преслѣдователей пустились въ обходъ и нежданно-негаданно сверху спознали на юношей. Тѣ еще не успѣли очнуться, какъ на нихъ напали съзади съ кинжалами. Оба погибли отъ ранъ, нанесенныхъ въ спину. Такая рана здѣсь считается намѣшеческой и позерить побѣдителямъ.

Печальнымъ финаломъ завершилась эта гурийская драма.

О великодушій и удальствѣ юношей мѣстныхъ дѣвушки поютъ легенды, а счастливый Михако преспокойно живетъ себѣ въ Аджарѣ, раслаживая въ ей безпросвѣтной глуши красивое и сильное позолиніе.

Исторія Нины въ краткихъ чертахъ была разсказана Иваномъ. Потомъ я узналъ ее подробнѣе.

— Вот онъ какой дикій народъ, — рѣшилъ Иванъ. — Изъ-за чего — изъ-за бабы столько смертнаго убійства!

Въ Аджарѣ оказывается не мало бѣглецовъ изъ русской Гуріи. Не мало ихъ и въ Чорохъ-су. Удачные рыцари большихъ дорогъ спасаются сюда отъ Сибири; сюда же молодежь увозитъ невѣсты; тутъ же хоронятся отъ кровавой мести — вавлы.

Солнце все щедрѣе и щедрѣе обливало аулъ звономъ и свѣтомъ. Бѣлая мажаниная саван и плоскія прови сверкали почти рѣжущимъ глазу блескомъ. Только и отдышалъ здѣсь на зелени тончай и на рощахъ ароматныхъ садовъ.

Пора: конь давно фыркаетъ и нетерпѣливо постукиваетъ въ землю копытами. Мальчишки гурьбой собрались кругомъ. Даже старухи на кровляхъ уже не хмурятся по-вчерашнему.

— Ну, прощай, Божій гость, спасибо тебѣ! Одичалъ бы здѣсь, не видя русскаго. Утѣшилъ ты меня, старика. А то-бы погостилъ еще? А? Что-бы, въ самомъ дѣлѣ, съ недѣлю пожилъ у насъ? Чудесное дѣло. Нѣтъ? Ну, Господь съ тобой. Последняго русскаго, пожалуй, на роду своемъ вижу. Эхъ, ты, доли горькая!

Старикъ дико отвернулся, чтобы и не замѣтилъ слезъ, проступавшихъ у него на глазахъ. На приземистомъ, но сильномъ аджарскомъ конькѣ выѣхалъ изъ какого-то проулочка Абдулъ, сынъ моего гостепріимнаго хозяина. Онъ долженъ былъ проводить меня до мѣста, гдѣ я встрѣчу моего знаменитаго джигита и удалца, Ваню.

Скоро хвостъ, весь покрытый саклями съ ослѣпительно сверкающимъ инаритомъ мечети на его вершинѣ, пропалъ за извилинами сырого ущелья.

Небо было безоблачно, день становился удушливъ. Хорошо было еще въ тѣни, на плѣщахъ же, подъ солнцемъ, было невыносимо. Кровь прилиwała къ головѣ и стучала въ вискахъ. Передъ глазами сыпались искры и дрожали въ воздухѣ. Въ травѣ звенѣли безчисленныя цикады.

У.

Опять въ дорогѣ.

Повернувшись въ боковое ущелье, черною сважинной ложившись на востокъ, мы погружились въ сырое царство дубового и букового лѣса. Утомленные уже ослѣпляющимъ блескомъ дѣтняго дня, глаза отдыхали въ таинственномъ сумракѣ заповѣдной дубравы. Троишна прихотливо вилась въ чащѣ, то сбѣгая внизъ къ водѣ, сочившейся по дну этой щели, то переплываваясь съ уступа на уступъ и забиралась все выше и выше по откосамъ и безъ того крутой горы. Случно было вѣхать съ моими провожатыми, они не понимали ни слова по-русски, и были нѣмы, какъ рыба, на турецкомъ языкѣ... Дорога только и разнообразилась то золотисто-пестрыми фазаномъ, стремглавъ вылетавшимъ сбоку, совершенно неожиданно для насъ, то глухимъ шуршаньемъ какого-то грузнаго тѣла, пробирававшегося сквозь дощички, весь опущенный крутыми ямами цѣпями... Какъ жаль, что во мнѣ нѣтъ истиннаго охотника! Это аджарское чернолѣсье кишитъ-кишитъ кабанями, самаго круннаго разбора. Они доходятъ здѣсь до 4 футовъ въ длину и до 450 фунтовъ вѣсу. Конечно, что этому способствовать сочныя болота, такъ какъ въ той же Аджарѣ, въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, на сухихъ плато, и вѣсъ, и величина кабановъ значительно уменьшаются. Здѣсь и въ Чорохъ-су ихъ такъ много, что мѣстные жители жалуется на опустошенія, производимыя съ ихъ плантаціяхъ выводками этихъ животныхъ, бродячихъ цѣлыми стадами. Мнѣ только два раза пришлось ихъ увидѣть, и то издали. Я остановился какъ-то на почти отвѣсномъ обрывѣ. Внизу подо мною далеко разстилалась зеленая поляна, со всѣхъ сторонъ опущенная лѣсомъ... Лѣса западалили всѣ окрестности, и только на горизонтѣ смутно мерещились мрачные силуэты окутанныхъ синими сумерками горъ. На полянѣ, у небольшого озера, сверкавшего, словно серебряный щитъ, бронзовый на дно котловины, неподвижно чернѣлась-какая-то точка.

Всматриваюсь въ бинокль и только тогда узнаю грузныя массы кабановъ, расположившихся здѣсь на отдыхъ. Они на привольѣ ничѣмъ не возмущаемаго затишья раскинулись группами по два, по три. То нѣсколько ихъ свалились въ одну кучу, то самка окружила себя дѣтенышами... Наибольше сильными животными разбѣстились въ сторонѣ, въ одиночку, составляя, повидимому, своеобразную аристократію кабаньего міра. Два или три слонно разбухшихъ тѣла чертили на отмеляхъ озера, кое-гдѣ въ водѣ, на неглубокомъ днѣ, покоились темныя хребты... На нашихъ глазахъ одинъ кабанъ, отдѣлившись отъ прочихъ, медленно сошелъ въ озеро и, словно не двигая лапами, провалился въ небольшому островку, слономъ покрытому пѣстами и окаймленному зеленою щетиной камыша... По движению камышевыхъ метелокъ мы уже догадались, что животное забралось туда, спасаясь отъ жары. Въ обществѣ кабановъ, глубокомысленныя и столь же неподвижныя, на желтыхъ отмеляхъ темнѣла цацаи. Представители четвероногихъ и пернатыхъ жили, повидимому, въ мирѣ между собою, не обращая другъ на друга никакого вниманія... Въ другой разъ, когда мы остановились въ лѣсу на привалъ и, разостлавъ коверъ, транезовали грузинскимъ сыркомъ, панивая его сладковатой маточной (молодомъ виномъ), въ сторонѣ словно вихрь пронеслось что-то. Звучи были таковы, будто сѣвозъ слонинную массу лѣса, перенитаго лозинкомъ и боярышникомъ, пролетѣло, ломая сучья и стволы, какое-то громадное тѣло.

— Что это? — спрашиваю.

— А кабаны. Ихъ тутъ до прѣнасти.

— Какъ же они продравятся сѣвозъ боярышникъ?

— Это ужъ ихъ дѣло!.. Только пинавая чаща ихъ не остановитъ; медвѣди задержитъ, тигрь стороной пройдетъ, а кабаны на проломъ возьмутъ — точно иглой лѣсъ пронизутъ. Они даже любятъ это... Ринутся нарочно на сплошную стѣну чернолѣся, смотрѣшь за ними — дорожка, хоть въ тѣлѣ пробьешь. И все по прямой линіи, никуда въ сторону не свернуть

Кабаны чрезвычайно осторожны.

Не успѣлъ я спуститься въ тотъ разъ съ горы, разумѣется, не по сбрыгу, а боковыми тропинками, какъ топотъ моей лошади и шорохъ осыпанной земли и кренией былъ уже подхваченъ животными. Сначала подняли голову нѣсколько, вѣрно болѣе старыхъ и опытныхъ, пабановъ. Не успѣлъ я выѣхать опять къ откосу — смотрю, всѣ они сблизись въ кучу, такъ что клочекъ зеленой долины потерялъ подъ ними... Еще нѣсколько поворотовъ по дорожкѣ, извивавшейся зигзагами, — и все стадо ринулось въ чащу лѣса... Поляна безъ нихъ совсѣмъ помертвѣла. Неподвижные силуэты навель по откосу надъ водою мало оживляли ее... По озерку хоть бы рыба прошла. Нѣтъ, стоитъ себѣ, не шелохнется, сверели подъ яркимъ полуденнымъ солнцемъ. Не дрогнетъ. Хоть бы кругъ расплылся отъ всплеска приближившей рыбы... Только камыши вѣтушатаго острова пошевеливаются метелками и словно виваетъ ими... Должно быть, кабаны подальше забираются въ чащу. Когда лошади наши уже совсѣмъ спустились на зеленый коверъ долины, паши тяжело, неловко, нехота поднялись и медленно, словно съ натугою размахивая крыльями, одна за другой потянулись къ зеленому царству сумрачнаго лѣса, до-нельзя вытягивая назадъ свои и безъ того длинные ноги.

Но это было тогда!

Теперь же намъ пришлось ѣхать по совершенно черному ущелью. Когда мы, вмѣстѣ съ однимъ изъ неожиданныхъ поворотовъ тропинки, повернули направо, и конямъ пришлось слѣдовать по теченію ручья, небо сузилось и заглубѣло надъ сырою понизью яркою лентой, на которой, точно бѣлыя пятна, разбросались круглыя облака «барашками». Съ каждымъ ударомъ копыта по всѣмъ сторонамъ брызгали холодныя капли воды; иногда подъ ногами лошади расплывались съ громкимъ, раскатыстымъ трескомъ вучи прѣней, намытыхъ сюда ручьемъ. Наконецъ, направо опять показалась желтая извилина дороги, и мы взѣхали на нее, промокнувъ насквозь»

Какъ невыносимы эти мусульмане! Хотѣ бы заплѣ Абдуль, хотѣ бы крикнуть. А то молчить, какъ пень, почтительно слѣдуя за мною позади. О чемъ онъ думаетъ все это время? Я билъ и пробовалъ заплѣвать: оглинулся — то же серьезное, невозмутимое, хотя и молодое лицо. Разъ даже отнесся и къ нему съ какою то русскою фразой. Улыбка недоумѣнія, вопросительный взглядъ — и опять молчаніе. Онъ былъ совершенно надъ-стать этому мертвому ушелю, этому мертвому дѣсу, этиамъ мертвымъ сказкамъ. Какъ ни надѣлъ мнѣ мой длинноносый менторъ — Ваню, но я съ петербургскімъ ожидалъ теперь, когда онъ покажется мнѣ навстрѣчу. Ему шаштрное пришлось провести ночь не такъ пріятно, какъ мнѣ, что, разумѣется, еще усилило его увѣренность въ полученіи золотой медали на излюбленной желтой зентѣ. И хотѣ бы этотъ Абдулка лошадь пріударилъ, вынесся впередъ или, какъ мой Ваню, заджигитовалъ бы на просторныхъ площадкахъ. Пѣтъ. Монотонно ступаятъ его лошадь, такъ же монотонно, какъ и этотъ ручей журчитъ, перебирался холодною зѣмой въ сочной тѣни съ камня на камень своего кремнистаго ложа. До одури довелъ меня мой проводникъ. Я нарочно ваялъ въ сторону отъ тропинки и выѣтъ съ лошадыю вѣзался въ чану густо-перешлетаннихся пѣтвей. Думалъ — крикнуть, хотѣ признакъ жизни подаетъ. Пѣтъ! Степенно подѣхалъ въ мою коню, схватилъ его подѣ узды и вывелъ назадъ на тропинку. И при этомъ ни слова, ни одного звука недовольства, недоумѣнія, упреса, указанія, куда ѣхать. Такъ и хотѣлось силой раскрыть ему ротъ, чтобы убѣдиться въ существованіи у него языка!

Всюду, когда я встрѣчалъ другихъ мусульманъ, когда выѣтъ съ нами были знавшіе по-таурски, — все равно. Смотрать: словно столбикъ напалъ. Цѣлый день сосредоточенно промолчить, точно рѣшая неѣтъ какіе важные вопросы. Чтобы добиться отвѣта — нужно ему, что называется, наступить на горло. Что это: восточная дѣнь, неприлѣтливость или просто отупѣніе отъ подавляющаго планія корала и семейнаго рабства? А если и сна

жеть слово, такъ точно его кто-нибудь за шею душишь, съ болью каждый звукъ выдыхается, да притомъ же еще и недовольство на лицѣ. «Вотъ-де, ему дѣлать нечего, безпокоить!»

Ущелье круто повернуло направо, и яркій свѣтъ лѣтняго дня ударилъ намъ прямо въ глаза послѣ тѣны и прохлады лѣсного царства.

Последніе буковые великаны простираютъ надъ нами свои раскидистыя стѣны. Впередѣ глубокая, безлѣсная долина. Горы медленно разбѣжались въ разные стороны, образуя открытое пространство, застѣнное пышною дуговою зеленью. Зигзагами дожились до немъ небольшая серебряная рѣченка, развѣтлявшіяся на нѣсколько рукавовъ. Каждый широкими излучинами уходилъ въ ущелья, вдавшіяся въ эту долину. По скатамъ окрестныхъ горъ встали хижинны, выстроенныя изъ дерева. Вокругъ — полягомы, фруктовыя деревья разбросаны въ одиночку.

По дорогѣ прямо на меня бѣжитъ сѣрое облако пыли и въ немъ, точно сказочный витязь изъ тучъ, мой бичо Ваню.

На лицѣ князя — радость, запахъ лихо заломлена на бокъ, пость еще торжественнѣе вынытиса впередъ.

Дойхалъ, обдалъ всего меня пылью и цѣловаться лѣзеть. Спрашиваю его, гдѣ ночевалъ онъ.

— Кунанъ тутъ есть. Знакомы, Баранъ жарилъ, меня гашалъ. Большой кунанъ!

— Что у тебя, князь, за способности всадъ друзей находить?

— Онъ Потю билъ, Тышлызъ билъ, я Потю билъ, Тышлызъ билъ. Знакомы члавѣтъ!

— Что-жъ?—Онъ останавливался тамъ у тебя?

— Зачѣмъ? Онъ два годъ прежде билъ!

Оказалось, что кунаны первый разъ только и свидѣлись здѣсь, въ алжарской деревушкѣ. До сихъ поръ они и не знали другъ друга: Ваню не подозрѣвалъ, что существуетъ у него пріятель Шардчидзе, а втотъ не предполагалъ, что есть на свѣтѣ Варданія. Вся дружба родилась только

вчера. Разговорились, узнали, что оба въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ жили, и кунаки, пріятели стали. Потѣшна была увѣренность, съ какою мой Ваню говорилъ объ этой дружбѣ, точно они росли подъ одною и тою же кровлею. И вѣдь это не на однихъ словахъ только. Тотъ же Шардидзе, вѣрно, бѣденъ, какъ крыса, а зарѣзалъ барана для своего новорожденного друга. Привелось ему попасть къ Ваню въ домъ — это въ для него тоже ничего не пожалѣть, потому — кунакъ. И не въ одномъ этомъ скажется ихъ дружба. Понадобится какая-нибудь услуга — ни одинъ не задумается голову подставить за другого. Не одни мы, русскіе, значитъ, отличаемся маниловскимъ расположеніемъ къ дружбѣ. Грузины и аджарцы въ этомъ отношеніи за поясъ насъ заткнули. Когда я ѣхалъ изъ Тифлиса въ Потн по желѣзной дорогѣ, мнѣ пришлось одну станцію проговорить съ какимъ-то грузинскимъ княземъ. На станціи вили вмѣстѣ чай.

— Въ Хта-цивида ѣзжай, знакомъ будешь! — пригласилъ онъ меня. На томъ и разстался.

На-дняхъ иду по Невскому проспекту, слышу — кто-то зоветъ меня, догоняя. Не успѣлъ я оглянуться, какъ попалъ въ чье-то объятіе. Всмотриваюсь — положительно незнакомое лицо. Я ошарашенъ даже.

— Квирило, душа мой, помнишь?..

— Какое Квирило?

— А станцы на потійскѣ дорога... Киназь Леонидзе помнишь? Кунакъ?

Другъ, такъ горло чинувшійся мнѣ на шею, оказался моимъ дорожнымъ спутникомъ на тридцативерстномъ разстояніи отъ одной станціи до другой. Спросилъ адресъ. Я далъ. Смотрю — вечеромъ тащить мнѣ разные грузинскія лакомства и превосходнаго кахетинскаго вина.

И только руками развелъ, разумѣется.

Ваню предвзвѣлъ мнѣ даже отправиться вмѣстѣ къ его новому кунаку. «Мой кунакъ — твой кунакъ».

— Баранъ будить рѣзать...

Едва отговорить удалось, а то несчастный пріятель

этого проводника за столь скоростную дружбу поплачивался бы паром барановъ.

Мы, не останавливаясь, проѣхали долину и, спустя часа два, взбирались уже на первый перевалъ черезъ окрестныя горы. Когда лошади медленно поднялись на гребень одного вала, передъ нами далеко впереди открылась панорама вершинъ, точно плававшихъ въ синемъ туманѣ непроглядной дали. Однѣ за другими, передвѣя во всемъ словесъ сумрачною величию, заднѣ едва мерещатся, а еще за ними горъ уже и не видать, глазъ различаетъ только какія-то серебристыя сѣти по небу, на самомъ краю его, въ промежуткахъ между болѣе близкими вершинами.

— Что это?—спрашиваю.

— Горы...

Какая дивная красота, какіе поразительные эффекты! Серебристая сѣти — снѣга и льды. Самыхъ горъ не видать, за то видны ихъ снѣговые, разнѣтывающіеся залежи, точно вислѣнія въ лазурі... Какая даль, должно быть!

Ваню сталъ оглядывать горизонтъ и нахмурился.

— Что тамъ такое?

Онъ только махнулъ рукой по тому направлению.

Всматриваюсь и я. Небольшая бѣлая кайма выдвигается впередъ. Точно шаръ валитъ откуда-то. Я пощипъ разомъ. Прелестный день скоро долженъ былъ омрачиться. Во всей Аджарѣ рѣдки хорошія погоды. Небо почти постоянно покрыто тучами. Первое время моей поѣздки было исключительное. Ни разу не шелъ дождь, ни разу не гремѣла гроза.

— Буря будитъ!

— Твоя буря пугать?

Со мною было пальто-халатъ, похитое и толстое, изъ англійскаго драпа. Ваню пошунуль его, съ презрѣніемъ швыкнулъ языкомъ, при чемъ носъ его точно швыкнулъ куда-то въ сторону. Значитъ, предстояло промокнуть насквозь. Первыми шильми впереди должны были пошестьси переть черезъ штинадцатъ—разстояніе, совершенно достаточное, чтобы заполучить мѣстную лихорадку. Я сильно

раскаивался, что не купил бурки на Кавказе. Вдруг, смотрю, Ваню тащить у меня пальто.

— Чего тебе?

— Давай... Мне что, я примыл!

Снял бурку съ сѣдла и бросилъ мнѣ ее на плечи...

— Да вѣдь ты самъ насквозь промокнуешь?

— Желты ленты, золотой миנדаль...

Ваню напрасно и намекалъ на вознагражденіе. И безъ увѣренности въ получении золотой медали онъ бы отдалъ мнѣ свою бурку. Упалъ мой конь — отдалъ бы коня и самъ пошелъ бы пешкомъ. И это вовсе не потому, что я его нанялъ, что я ему плачу деньги. Нѣтъ! У грузинъ, если хотите, нѣтъ слугъ въ родѣ нашего лакейства, холопства. Грузинскій нуверь, или бичо считаетъ себя членомъ семьи, лицомъ, равноправнымъ хозяину. Подать ему что-либо, исполнить его приказаніе съ точностью, онъ тутъ же садится рядомъ, закуриваетъ у хозяина трубку или папиросу, непринужденно болтаетъ съ нимъ, смѣется, поетъ. Онъ считаетъ себя въ правѣ дать совѣтъ хозяину, спорить съ нимъ. Короче — это другъ, другъ исполнительный, неофициальный, но не слуга, не лакей. Какъ ни странно заключеніе, вынесенное мною изъ побѣды съ Кавказа, но я настаиваю на немъ: грузины — народъ аристократовъ. Возьмите любого крестьянина, забившагося въ какую-нибудь невылазную дыру среди гурійскихъ горъ, — вы не замѣтите въ немъ неуклюжести, застѣнчивости, грубости нашего мужика. Одѣньте его и введите въ любую гостиную — онъ будетъ держать себя непринужденно и такъ же ловко, какъ и теперь держутъ себя въ обществѣ наши милосерпитанные конвойные князья. Въ какомъ бы положеніи ни былъ грузинъ, онъ ведетъ себя съ достоинствомъ, безъ приниженности. Его уваженіе безъ рабства, онъ оказываетъ свое почтеніе безъ униженія. Поэтому какъ нельзя лучше чувствуешь себя съ ними. И легко, и свободно! Это действительно свободный народъ.

Даже крѣпостная зависимость не повліяла на нихъ. Нечего уже и говорить, что у нихъ никогда не было

рабства такого, какое существовало въ нашихъ помѣщичьихъ берлогахъ. Крѣпостной грузинъ вѣлъ себя съ своимъ феодаломъ, какъ родной, какъ членъ семьи. Онъ безъ приглашенія садился въ его присутствіи, говорилъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, но въ то же время готовъ былъ въ огонь и въ воду за господина, жертвовалъ жизнью за него безъ колебаній. Пробы шотландскихъ клановъ — во очю. Сходство поразительно!..

Бѣлая кайма тучи выдвигалась все болѣе и болѣе... Надъ нами и впереди небо еще было ясно и чисто, но за спиною уже клубилась сѣрая мгла, словно глотая горы одну за другой. Только ближайшія вершины тамъ еще сумрачно очерчивались на однообразномъ темномъ фонѣ грозныхъ тучъ, но уже поблекли, точно пылью или золою покрылись. Потухли яркіе тоны солнечныхъ освѣтовъ, горѣвшія, какъ раскаленное желѣзо, верхушки стали точно погасли... Еще темнѣе и суровѣ легли глубокіи впадины и отверстія узкихъ ущелій... Черными пастами казались ближайшія пещеры... А впереди такъ же привѣтливо и знойно пылало полуденное солнце, и такими же нижними флюгетовыми и голубыми тонами выголили откосы горъ, и серебрянными вѣнцами своими горѣла ихъ могучія вершины.

Лошадь, чуя бурю, подтянулась, «собрались» и пошам жидѣ.

— Далеко жильѣ?

— Двацять верстѣ.

— Какъ же мы будемъ? Вѣдь сейчасъ дождь пойдетъ.

— Пускай! Твой — бурка есть.

Въ сторонѣ что-то заснистало. Что-то пахнуло на насъ сзади и обдало пылью. Пыль далеко, круглымъ облакомъ, залубилась впередъ по дорогѣ.

Заснедѣла листва. Еще гуще и раздражительнѣе запахло цвѣтами, красными листья которыхъ волыхались вверхъ, осыпая насъ своими лепестками.

Заснистало въ ущельяхъ. Вершины молодыхъ дубковъ закивали намъ отовсюду.

Громчѣе стали рокотъ ручья.

Черный горный орелъ ринулся мимо, и громчій, рѣзкій, хищный клекотъ замеръ въ воздухѣ.

Тучи уже перегоняли насъ по небу.

VI.

Подъ грозою.

Несчастный Ваню не успѣлъ опомниться, какъ промокъ насказозъ. Зато мнѣ подъ его бурзою было и хорошо, и удобно.

Туча далеко опережала насъ. Вся окрестность разомъ какъ будто поблекла. Радужные тоны дзезиныхъ горъ погасли. Сѣрые оттѣнки легли на недавно зеленныя долины. Ближайшіе скаты казались какими-то грязноватыми сквозь частую сѣтку ливня; далѣй же вовсе не было видно, точно онѣ отодвинулись, ушли отъ глазъ... Вверху тоже все было сѣро. Тучи заволокли и небо. Ни одного просвѣта; ни одного луча. Дождь буквально билъ, — мы чувствовали на себѣ силу ударовъ этихъ крупныхъ и холодныхъ капель.

— Что, Ваню, плохо?

— Завѣкъ ямзѣ! — И онъ върасно кутался въ мой пономодный пальто-халатъ, обмокшій на немъ, какъ холщевая тряпка.

— Нѣтъ-ли тутъ пещеры какой?

— Тамъ, далеко! — и онъ нахнулъ на боковые хребты.

Вглядываюсь — и, дѣйствительно, сквозь завѣсу ливня злѣють черныя нѣсти гротовъ. Только до нихъ не добраться. Попробовали мы было приютиться подъ широко раскинутыми вѣтвями горнаго капитана — еще хуже. Рванется вѣтеръ, всколыхнетъ листву, и насъ, точно изъ ведра, обольетъ влагою, сменившеюся въ вѣтвяхъ этого великана.

Тренивка, тамъ, гдѣ она пересѣкала каменистую поверхность откоса, была скользка и опасна...

— Этакъ вѣдь и упасть недолго!

— «Силверели, ратиниди-ди!» — затнужь было Ваню, и разом кончили грузинскую ибсню громкою руганью.

Слоро мы должны были, впрочемъ, и тропинку бросить. Она свернула внизъ круто, между двумя гребнями, образуя родъ узкой галлерей. Въ другую погоду — еще бы ничего, но во время горнаго дала изъ этой тѣсноты образовался шумный потокъ. Но немъ, точно бѣлое облако, бѣжала и клубилась масса пѣны. Тутъ и лошадей, и насъ смыло бы внизъ, въ какую-нибудь трупобу. Повсюду изъ-подъ ногъ лошадей, по бокамъ, сбѣгала шумные ручейки. Пришлось взбираться наверхъ. Лошади цѣпко ползли, точно попыта ихъ обладали способностью присасываться къ горной почвѣ. Порою изъ-подъ самыхъ ногъ обрывались куски разрыхленной земли, но кони только надейдались назадъ и опять принимались за головокружательный подъемъ... Такъ прошло съ часъ времени, пока мы, наконецъ, не попали на другую тропинку.

Ливень было притихъ.

— Кажется, конецъ бурѣ?..

— Громъ будетъ!..

Дѣйствительно, тучи какъ будто собирались съ силами для новаго удара, онѣ какъ-то клубились къ одному и тому же пункту, сосредоточивались. Такъ грозная крииа стягивается, чтобы нанести врагу рѣшительный ударъ, такъ подбирается хищный тигръ и съжимается, чтобы разомъ вбнуться на жертву и положить ее подъ ударомъ своихъ неотразимыхъ, когтистыхъ лапъ.

Громъ дѣйствительно грянулъ какъ-то разомъ, нежизненно. Только что затихло все, какъ прокатился сначала словно сухой трескъ вверху, точно массы бревень расположились тѣмъ разомъ. Сухой трескъ становился все глуше, но за то ширился, захватывая больше и больше простора, и, спустя минуту, надъ нами гремѣли тысячи боевыхъ колесницъ, точно по мановенію вождя ринувшихся всѣхъ вѣстѣ, одною несокрушимою массой, на западъ.

И во было конца этимъ колесницамъ. Громъ не ослабѣлъ, во усиливался. Онъ шелъ ровно и грозно, точно

не достойная окрестностей более сильных порывов своего гнѣва...

Гдѣ-то на одну секунду разорвало тучи. Моментальный проблескъ ярко-голубого неба и опять сѣрые однообразныя массы...

Лошади какъ-то приостановилась и точно уверясь въ землю, и было кстати: вслѣдъ за грономъ хлынулъ такой яростный порывъ вѣтра, что направо обросло низки громядныи обломки скалы, можетъ быть, цѣлыи столѣтія пролежавшии на своемъ рыхломъ ложѣ...

И опять настъ обдало линомъ, и опять Ваню сталъ скитаться и посылать кому-то свизъ зубы совѣтитъ незестныи проклятія.

Начинал съ этого дня, Аджара словно разомъ забывалась. Ни яснаго неба, ни волныхъ пѣги почей, ни флюетонныхъ отбѣнокъ далекихъ горъ, вырисовывавшихся на голубой эмали горизонта... Утромъ дождь, днемъ дождь, вечеромъ дождь и ночью дождь. Только обсохнутъ послѣдніи капли, только обѣгутъ въ долины разомъ образованшіеси ручьи и рѣченки—опять на сѣрое небо ползутъ новыи громады темныхъ тучъ, опять гдѣ-то гремитъ гроза, и шумный ливень влонитъ лѣсныи чащи...

Этотъ уголокъ, казаннійся райскимъ, потерялъ всю свою прелесть. Вершинны горъ сарывались изъ сѣрыхъ облакахъ иглы. Надъ пропастями разстилались бѣлыи облака, долины не было видно вовсе... Можно было только разсмотреть впереди троинку на вѣсколькы сажень...

Поѣздка наша потеряла характеръ лѣтней прогулки, и я съ величайшимъ попятнымъ только бредиги-туристу, наслажденіемъ отдохнулъ, наконецъ, въ гауши прибрежнаго мѣстечка, даво оставивъ позади Аджару.

Тутъ опять намъ улыбнулось ясное небо... Тихія, ласковыи волны Чернаго моря точно рассказывали старинную былинну, набѣгая недлительно на отдаленныи песчаные берега. Лениво слѣдили глаза за каймою бѣлой пѣны, означавшей послѣднюю границу морскихъ владѣній, за немногими нарусамы, словно крылья птицы, мелькавшими на ярко

голубошь просторѣ... Надо мною не тяжкой провъ каменной сабли, а сѣтка виноградника; по сторонамъ, въ нѣжной зелени ея, прятуются бѣлыя стѣны и плоскія кровли небольшихъ домиковъ.

А горы, эти подавляющіе великаны, словно тѣснящіе вѣсть, словно сдавливающіе вашу грудь?..

И онѣ далеко... Едва мерещутся клубами голубоватой пыли на востокѣ... И не смѣютъ онѣ ближе подступить къ этой зелениющей равнинѣ, къ этимъ разливающимъ серебряныхъ рѣчекъ, къ этому засловому простору моря!..

Да, хорошо здѣсь. Хорошо и привольно, такъ хорошо, что сердце нежить, когда подумаешь, что спусти мѣсяць нужно опять вернуться на далекій сѣверъ, въ царство болотъ и пыли, въ шумный городъ вѣчнаго разлада, къ лихорадочному труду, опять цѣлыми ночами корить пахъ бумагой, на каждомъ шагѣ чувствуя свое безсиліе передать могучую живую красоту, опять молчаливо нести свой крестъ, когда кругомъ шипитъ подлая клевета, и еще выше поднимать голову, когда тупая злоба извить тебѣ со всѣхъ сторонъ своими незидимыми жалами...

И больно оставлять этотъ свѣжій просторъ! Точно отрываешься отъ знойнаго поцѣлуя любимой женщины, отталиваешь отъ себя ея горячую, страстно дышащую грудь, чтобы уйти подъ каменные своды суровой тюрьмы, въ сырую тьму и душный смрадъ ея молчаливаго вземата.

И еще ближе, ближе дорожке намъ становится этотъ теплый югъ, этотъ на-скоро сорванный съ руинныхъ устъ поцѣлуй ея очаровательной весны...

Прощай же, прощай до новаго радостнаго свиданія!..

III.

АБХАЗСКОЕ ПОМОРЬЕ И ПИЦУНДА.

I.

Словно вдоль заколдованнаго царства плывеишь...

Гагры едва-едва мерещутся позади. Только въ бинокль различить все больше и больше сгущающіеся тополи и разрушающіяся стѣны крѣпости; еще нѣсколько минутъ, и выступы горъ заслонятъ собою этотъ заброшенный уголокъ... А на сѣнѣ ему—еще красивѣе, еще грандіознѣе выдвигаются новые береговые валы, за которыми стелются зеленѣющія долины Абхазіи... Кое-гдѣ море вьдвѣтся въ берегъ открытыми заливами. Горы террасами облегаютъ ихъ—точно колоссальный амфитеатръ для сказочныхъ гигантовъ. Сильно ложатся внутрь страны узкія ущелья—тамъ и не разглядишь ничего, только такъ и зоветь, такъ и манитъ тебя въ ихъ неизвѣданную глушь... Тихо ласкаетъ море въ этому безлюдному и пустынному берегу... Безлюдному именно!—десятки верстъ—и одна замѣтная жилье человѣка, и тамъ опять на двадцать верстъ раскинулось молчаливое бездорожье...

Такая чудная панорама отъ Гагръ до устья Ингура тянется, т. е. весь Абхазскій берегъ заняла... Любуемся на нее—и силы нѣтъ оторваться. Жаль въ каюту уйти, хоть мой кувакъ—грузинскій князь давно тащить меня внизъ.

— Пайдонъ, плоть подали!..

— Экая красота у насъ здѣсь!

— Какой красота!.. Петербургъ красна, Москва хуже красна, а тутъ, душа мой, одна нивежества!..

Берегъ взрѣдка обрывается въ воду почти отвѣсными стѣнами; когда пароходъ подходитъ ближе, мы отличаемъ подъ этими обрывомъ бѣлую песчаную отмель, на которую набѣгаютъ гребни вслѣдственныхъ волнъ въ дурную погоду. Все-гдѣ эта песчаная отмель суживалась такъ, что по ней съ трудомъ проѣзжали всадники. Одного такого намъ удалось видѣть; совсѣмъ прикасался бокомъ къ скалѣ, а вода все-таки плещетъ у ногъ его лошади.. Должно быть, и самого обдасть солеными брызгами. Изрѣдка горы чуть-чуть раздвигаются, чтобы пропустить къ морю бѣшеную рѣчку, которая издали кажется совсѣмъ бѣлой.. Взмылилась, видимо, въ пылкой борьбѣ своей съ перегородинными ее утесами. По берегамъ этихъ рѣчекъ—звѣзятъ абхазскія хижины, да и то не вездѣ, такъ какъ на песчаное мѣсто ни одинъ абхазецъ не поставитъ своей скали, потому что и жилья, и самую почву рѣка смываетъ въ водополье, когда она еще бѣшенѣе несетъ въ синему морю. Заросъ берегъ орлякомъ—хорошо: смѣло стройся на немъ, потому что орликъ придаетъ землѣ крѣпость почти каменную. Корней этого напоротника ничѣмъ не истребишь—ни огнемъ, ни туземнымъ плугомъ, хоть запрягай его въ двадцать паръ воловъ. Разумѣется, это имѣетъ свои неудобства. Участокъ, заросшій орлякомъ, для земледѣлія уже вовсе не годится. Тутъ и скоту—скверно. Луговая зелень не пробьется сквозь густыя метелки этого растенія. Орликъ только еще и годенъ, что на покрывку кровель. Тутъ слой на слой—такъ облежается, что ихъ никакой ливень не пробьетъ. Устраивая свое жилья подъ защитой орляка, абхазецъ поле и лугъ выбираетъ дальше—гдѣ-нибудь въ горахъ. Берегъ этотъ хорошо изслѣдовалъ г. Раде, который, несмотря на свойственную ему сухость ученаго, восторженно говоритъ о естественныхъ богатствахъ и красотѣ Абхазскаго поморья.

Почти у моря, позади улого вала, состоящего изъ валуновъ, набросанныхъ волнами, непроходимую стѣною стали дѣла, перешагиваемые тиною и тонкими лозами лозноса. Аспленія перерастаютъ кусты ежевики или захватываютъ своею мощною порослью боярышникъ и держидерево. Тонкій аспарагусъ вьется по ветвямъ сѣтеобразныхъ колючекъ, которыя даютъ ему возможность забрасываться до самыхъ высокихъ древесныхъ вершинъ. Аспарагусы, перепиваясь съ этими колючками, задушавить плющъ и дикій виноградъ. Только одни гиганты пустынного дѣла — дубы и вязы выбиваются, и то съ трудомъ, изъ этой убійственной чащи, но и имъ некуда распрямить освободившихся рукъ, нельзя опустить густою листовою свои мощныя вѣтви — съ моря влетаетъ вѣтеръ и трещать ихъ зеленый уборъ, безжалостно обрывая его прочь... Зато — отойдите немного въ глубь страны, — и передъ вами раскинутся такія величавыя роки, о какихъ и понятія не имѣетъ бѣдный воображеніемъ житель далекаго сѣвера. Греціи орѣшникъ часто возвышаетъ здѣсь свои верхушки на высотѣ 60 фут. Иногда такой орѣшникъ кажется весь словно нарочно затканнымъ въ черную сѣтку. Дѣло въ томъ, что шпіах со всѣхъ сторонъ спуталъ его своими лозами, кто-нибудь подрѣзалъ стволъ этой кавказской лианы у самаго корня — и ея мертвыя нити очертили. Посреди темной зелени дѣла, выхвачъ изъ сырого ущелья, путникъ наталкивается вдругъ на свѣтло-зеленое пятно кувурзанаго поля. Гдѣ-нибудь, вблизи притаилось и жильѣ абхазца — только его и привычный взглядъ не отыщетъ въ сплошной чашѣ перевиннаго войлокомъ кустарника. Тутъ нѣтъ деревень. Жильѣ отъ жилья разбросано на версты. Одно съ другимъ легко перемѣшать, всѣ эти сакли чрезвычайно однообразны. Стѣны изъ плетня и паноретниковыя крыши — точно къ зулусамъ попалъ! Вездѣ — густой ароматъ и шумъ воды. То благоухаютъ азалии, осыпая кустарники своими яркими вѣтчиками, то запахъ какого-то неизвѣстнаго цвѣтка пріятно раздражаетъ нервы... То ручей, булькаетъ пере-

ливался съ камня на камень, то микроскопическiй вихрь падъ грохочеть не тише большого, осыпая всю дорогу и, въ томъ числѣ, вась своими холодными брызгами... Каскады воды — очень часты. Съ карнизовъ горъ они стремглавъ обрываются въ темную зелень лѣса. Водопадъ Аднорджера падаетъ здѣсь съ высоты шестидесяти саженъ...

— Вотъ охотиться-бы гдѣ! — замѣчаетъ рядомъ старикъ-кавказецъ, служившiй здѣсь еще во времена Кривонова.

— А что?

— Да звѣря здѣсь некутанная. Горы чуть повыше — безлюдны совсѣмъ. Человека и не пахнетъ, звѣрь — полная права дана; раститься и множиться никто не мѣшаетъ. Камня ого кишитъ здѣсь!

— Да развѣ охотниковъ нѣтъ?

— Между абхазцами? Лѣнь ихъ одолѣла.

— Лѣнь работать, а охотиться — для воинственнаго народа наслажденiе!

— Ну, тоже! Абхаца на охоту палкой не выгонить. Разумѣется, въ горы. Что ему нужно? Бислое молоко да кукуруза есть — и слава Богу. Большаго онъ не желаетъ. Развѣ князь мѣстный ируинку устроить, ну, тогда вся эта голодная челядь сбѣжится. А чтобъ ружье взять, да благороднымъ образомъ на охоту пойти — куда ему...

— Вы, видимо, не долюбиваете ихъ?

— А за что ихъ любить-то. Вы знаете, что про лѣнь абхазскую рассказываютъ. Буски бэраинны абхазецъ руками брать лѣнится. Лижитъ на брюхо, да ртомъ прямо и хватаетъ!.. Бездѣльничать — его дѣло!

— Южный народъ!

— Да вѣдь и карачаевецъ, слава Богу, сосѣдь — тоже важный, а его отъ работы не оторвешь. Кго земля и побѣды абхазской будетъ. Прежде чѣмъ обработать каждый клочекъ земли — карачаевецъ долженъ выбрать съ него прочь массы камня, привести хорошей земли изъ долины, воду провести сверху, чтобы она все поле ему

оросила. У карачаевцев зимой холодно, — нужно запасы собрать и для скота, и для себя. А абхазцу — только и дѣло, что споры заводить... Что вы думаете, тутъ вошь лубровъ сколько угодно, а ихъ бить некому!

Старикъ, въ своемъ охотничьемъ увлеченіи, искренно злобствовалъ на малочисленность мѣстныхъ Немвродовъ.

— Вѣдь зубры сѣвернѣе, по долинь Прлызъ ютятся да по рѣкѣ Зеленчуку.

— Тамъ особь статья. Тамъ снѣгу по горамъ много — зубру это и надо. Прежде еще аблаинцы да абхазцы охотились за этимъ анѣромъ, а теперь совсѣмъ смалодушествовали. А знаете ли, какъ онъ, зубръ этотъ, ходитъ здѣсь?

— Какъ?

— Ну, а какъ-бы вы думали?

— Дз я ничего не думалъ.

— Идѣть, постойте!.. Стадами!.. Да-съ, стадами! — оралъ онъ на меня.

— Успокойтесь, и вѣдь вамъ не противорѣчу!

— А плевать мнѣ на ваше противорѣчіе. Стадами-съ. Да по семнадцати штукъ стадо!.. Съ Лабмъ да съ Урушъ сходились бить ихъ... Это охота!.. Подите! Что вы не понимаете!

И онъ искренно негодовалъ, точно я не вѣрилъ ему!

Гдѣ есть сальные колоды, туда охотно идетъ зубръ; мѣстные жители называютъ его «лѣснымъ старикомъ» и не трогаютъ, къ крайнему изумленію моего охотника.

— У нихъ шинки вошь тутъ вѣтъ, — похвалялся онъ на латылокъ. Будь тутъ шинка — съ утра-бы до вечера на охотѣ пропадалъ.

— И у насъ охотятся... — вступился было абхазскій князь.

— У на-а-съ? — протянулъ презрительно старикъ. — У васъ одна охота — на форели!

— Это какъ-же?

— Да-съ... У нихъ это охотой называется! Закинетъ паводъ въ ручей, вытащитъ десятка два форели — и сѣтъ

— Мы и съ ружьемъ...

— На илданцевъ—на фазана да джейрана ходите—точно... А то еще за недомъ на деревьяхъ ланите—тоже по нашему охота?

Абхазская форель действительно превосходна. Вообще край этотъ богатъ рыбой. Горныя рѣчки изобилуютъ лососами. У берега кефали, камбалы, карги. Жарить рыбу абхазцы такъ же, какъ и на крайнемъ сѣверѣ лопари, т. е. протыкають лососку тонкой палкой, палку въ землю поставятъ и начнутъ ее поворачивать. Рыба готовится въ собственномъ соку, при чемъ мясо ея оказывается необыкновенно нежно.

Пароходъ нашъ то-и-дѣло перегоняли дельфины.

То по одиночкѣ, то стаями, врозь. То черная круглая голова покажется, то колесомъ перекувырнутся они въ волнахъ. Несмотря на свою классическую дѣнь, абхазцы поняли выгоды дельфиннаго промысла и на своихъ фелукахъ выѣзжаютъ въ море за ними. Ловятъ дельфиновъ въ неводы. Когда въ оцѣненное пространство попадетъ штукъ десять, двѣнадцать дельфиновъ, случается и до сорока, два-три фелука въѣзжаютъ въ середину этой западни и бьютъ добычу баграми, протягъ, по сѣверному выраженію. Случается избрать столько жиру и шкуръ, что каюки тонуть подъ ихъ тяжестью. Часто и дельфины отпихиваютъ за себя, опрокидывая челны эти ударами хвостовъ, но если добычи не набрано, то абхазцы только хохочутъ. Лодку легко опять перевернуть.

— А грѣбцы и промышленники развѣ не тонутъ?

— Абхазцы-то?... Да абхаза нарочно не утопишь, развѣ скрутить ему руки да ноги, да еще камень пуда въ три къ шеѣ привязать, тогда, *могетъ быть*, и утонетъ!

За жиромъ дельфиновъ на абхазскій берегъ съѣзжаются турецкіе и греческіе маллаки, умѣющіе ловко обманывать простоватыхъ абхазцевъ. Часто вся добыча промысла уходитъ за гнилую бумажную матерію и другой недоброкачественный товаръ. Въ настоящее время нагдность этихъ пришельцевъ стала еще возмутительнѣе. Они

сблизжаются сильными партіями на берегъ и занимаются промысломъ, не давая исконному владѣтелю страны—абхазу даже доступа въ море. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется то же явленіе, что и на крайнемъ сѣверѣ. Норвежцы также безцеремонно поступаютъ въ нашѣмъ Мурманѣ съ лопарями и русскими промышленниками, какъ турки на кавказскомъ поморьѣ съ абхазами.

— Абхазецъ, видите-ли, и не трусь, да въ этомъ случаѣ онъ подчиняется высшей культурѣ!

— Турокъ-то—высшая культура?

— А вы какъ думали? Вѣдь не абхазецъ пойдетъ торговать въ Турцію и повезетъ туда изделия своей страны, а турокъ пріѣдетъ сюда за сырьемъ. Вѣдь не абхазецъ дѣлаетъ драгую бумажную матерію, за которую онъ отдаетъ туркамъ и свою кукурузу, и добычу своего промысла? Опять, не абхазецъ обманываетъ турка, а турокъ абхазца!

— Это тоже преимущества высшей культуры?

— А вы какъ же думали? Развѣ навѣи обманываетъ американца? Развѣ самоѣды обманываетъ русскаго промышленника? Развѣ русскій обманываетъ норвежца?

Небо становилось все чище и яснѣе, горы прасивѣе и величавѣе. Покойное море отражало зеленые берега, и самые очертанія вершинъ увеличивались порою сѣвными коронами. Точно эти передовые великаны Кавказа стоятъ здѣсь на стражѣ земли своей и хмурятся, молчаливые, надъ покойными бухтами, гдѣ изрѣдка, точно утка, скользнуть можетъ рыболова или одинокая фелука турецкаго промышленника... Выше, на одной изъ горъ, несмотря на разстояніе, мерещутся навѣи-то башни... Развалины гонимой прѣности, должно быть, или остовъ разрушеннаго храма?.. Некогда и всмотрѣться. Пароходъ бѣжитъ все дальше, и новые горные виды заслоняютъ неусиѣвную еще приглядѣться картину.

— Совсѣмъ бы рай, да воровства много!

Однимъ изъ самыхъ выгоднѣйшихъ промысловъ для абхазцевъ является воровство.

— Что же это, результатъ бѣдности народной?

— Зачѣмъ бѣдности. Тавъ имъ предопредѣлено—ворами быть. Спросите вотъ хоть у тавада нашего!

Обратился къ кинлю. Тотъ подтверждаетъ вполнѣ.

— Давно это было!—разказала онъ мнѣ.—Такъ давно, что и пороку мы еще не знали и на вершинахъ горъ разнымъ богамъ молились. Говорить, что тогда еще мясо сыремъ ѣли.. Очень давно!.. Тутъ рѣка Пелурга есть, гремячая тавъя. Пришелъ къ тѣ времена одинъ святой человекъ и легъ на берегу отдохнуть. Заснулъ, а деревянные башмаки снялъ съ себя. Шли мимо абхазцы—видитъ это. Что же имъ «свое добро» унукать? Взяли башманы и сумпу у святого человека и унесли. Проснулся тотъ.—видитъ, ограбили его. Къ нимъ. Вы взяли?—Мы.—Отдайте назадъ!—Зачѣмъ... Ступай, откуда пришелъ.—В прогнали старика. Только уходя, святой огмнулся и сказала: «будьте же вы отъ сихъ поръ и во вѣки вѣковъ ворами»... Потому они и воруютъ!—ваивно прибавилъ тавадъ.

У абхазцевъ даже святой есть, покровительствующій ворами. О немъ разказывають слѣдующее.

«Эврихъ—амныхъ (видящій все днемъ и ночью) покровитель грабелей, воровства и разбоевъ. Молителю ему только вора и разбойники и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ села Ацы, между рѣкой Аустой и ручьемъ Дохури. Въ жертву приносятъ четыре коническихъ хлѣбовъ, надъ которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣтъ, въ случаѣ успѣха воровства, что-нибудь еще пожертвовать богу. Хлѣбцы берутся въ дорогу и составляютъ единственный дорожный запасъ ихъ. Благодарственная жертва состоитъ изъ какой-нибудь украденной вещи, а если пахищенъ скотъ, то прядь волосъ животного. Все это вѣшается на деревьяхъ, вблизи предполагаемаго пребыванія Эврихъ-амныхъ. Постъверіе, за рѣвою Бзыбью, этотъ замѣчательный святой носить названіе Бугурхъ-ныхъ. Всѣ абхазцы, отправлявшіеся на воровство къ убывкамъ, шло-

сугамъ и другимъ горцамъ, приносили ему жертву на отвѣсной свалѣ, за Гагринскою крѣпостью...

Пока пароходъ доберется до Пидунды, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ племени. Сухумская сослужно-земельная коммисія въ 1869 году представила цѣлый рядъ трудовъ, характеризующихъ общественно-политическій бытъ Абхазіи и Самурзакана. Та и другая занимають трехугольникъ, одна сторона котораго идетъ отъ Гагръ до устья Ингура, а другая—грады горъ отъ Ингурскаго ущалья на сѣверъ. Эта узкая полоса земли была обитаема не повсемѣстно, а клочками. Населеніе сбилось въ котловинахъ и находилось почти въ состояніи анархіи. По вѣсьмъ границамъ Абхазіи—вѣчно совершались кровавыя битвы и грабежи: то абхазцы вторгались въ землю сванетовъ и джигетовъ, то эти вносили огонь и истребленіе въ Абхазію. Мингрельскіе Дадіаны съ Востока тоже время отъ времени вторгались въ эту узкую береговую полосу. Прилегая съ одной стороны къ горскимъ демократическимъ общинамъ (убыхтн, шансуги, джигеты), съ другой—къ феодальнымъ Каргвельскимъ владѣніямъ, Абхазія представляла нѣчто смѣшанное. Владѣльческая власть и іерархія сословій уживались рядомъ съ враждебнымъ феодализму народоправствомъ. Основаніемъ народоправства были союзы. На нихъ дѣлилась вся страна. Каждый союзъ былъ политической единицею, жилъ своею особою внутреннею жизнью. Въ составъ союза входили все сословія, каждое съ своею опредѣленною ролью. Союзы это нѣчто въ родѣ горныхъ клановъ. Сословія каждаго клана распадались на двѣ главныя группы—ахалашнюю (покровителя) и хишши (покровительствуемые). Абхазскій кланъ—акыта, это соединеніе родовыхъ, фамильныхъ союзовъ съ преобладающимъ значеніемъ одной какой-либо фамиліи. Ахалашнюю, покровительствующее сословіе, образовывало двѣ подгруппы: тавадъ (книзь) и амнета. Хишши, или покровительствуемые дѣлились на буржуазію—анхлэ, составлявшую главную силу страны, амацорасту—переходный классъ

къ дельныхорю—низшему классу. Были еще рабы, но ихъ всегда считалось очень мало у волюлюбивыхъ горцевъ. Былъ еще классъ азатовъ, довольно многочисленный. Это ничто въ родѣ нашихъ монастырскихъ. Онъ составлялся изъ лицъ, уволенныхъ изъ другихъ сословій «ради спасенія души». Обязанность азатовъ официальная — выучиться турецкому языку и читать известныя молитвы во умершимъ; неофициальная — мещеничать, развратничать и эксплуатировать остальныхъ.

Самая сильная изъ фамилій тавадонъ владела страной, но владела фактивно. Хотя привилегированныя сословія считали за честь служить ей, сопровождать тавада въ поѣздкахъ, слѣдовать за владѣтелями во время войны, но внутри у себя, въ общинѣ, въ кланѣ—каждый былъ хозяиномъ. Советъ клановъ распался бы неминуемо, если бы онъ не поддерживался постоянными набѣгами извнѣ. Исторія Абхазіи — это исторія ея борьбы съ сосѣдями, которые иногда вдоль и поперекъ проходили всю страну. Ахланинцѣ никогда не могло захватить въ кланѣ иной власти, кромѣ «покровительства», потому что всѣ фамиліи этого сословія въ каждомъ кланѣ враждовали между собою и не могли дѣйствовать скопомъ противъ остальнаго населенія. Ихъ соперничество ограждало права другихъ клановъ.

Всѣ повинности анхазъ состояли въ извѣстныхъ приношеніяхъ отъ времени до времени и нѣкоторыхъ услугахъ покровительствующимъ. Иногда они выходили на работу по приглашенію, нѣсколько дней въ году, что жители охотно исполняютъ и въ отношеніи низшихъ классовъ другъ для друга. Припрѣлженія къ землѣ не существовало вовсе; каждый пользовался правомъ ассаства, т. е. перемѣной мѣста. (Архивъ горскаго управленія). Свобода переходовъ ограничена только съ подвороніемъ русской власти, которая, желая ослабить *вооруженно* нѣсколько нѣгодней, всѣхъ *честныхъ* людей припрѣлжала къ землѣ. Ассаствомъ объясняется и гостеприимство зандагаго Кавказа. Куда ни заходилъ «ассаць» (перемѣ-

ивущій мѣсто, по-русски — бродига), онъ пользовался всѣми правами постоянныхъ жителей села, гдѣ гостилъ. Хозяйства были такъ незначительны, что бросить ихъ не задумывались, и ассаство было общераспространено, даже ахшпала-рабы могли въ известной формѣ ассаствовать, именно отдавались подъ покровительство другихъ владѣльцевъ и перемѣняли мѣстожительство.

Главная обязанность всѣхъ членовъ союза состояла въ военной повинности. Произвеза не было ни въ чемъ. Остальныя повинности каждаго класса строго опредѣлены, и ни ахланиною ихъ увеличить, ни низшее сословіе уменьшить не могли. Не правится — становись ассасомъ, уходи, куда приглянется, а сила на известномъ мѣстѣ, подчинился его условіямъ. Короче, по пословицѣ, — «вольному воля, спасенному рай». И земельныя права одинаковы для всѣхъ сословій. За исключеніемъ известнаго участка частныхъ владѣній, вся остальная земля — въ общинномъ пользованіи. Лѣсъ, пастбище — общинныя. Кто расчиститъ лѣсъ — тотъ расчищенный участокъ приобретаетъ въ частную собственность. Вообще приложеніе къ землѣ труда даетъ право собственности на нее. Земля, расчищенная однимъ, но засаженная другимъ, принадлежать посаждену.

Общины часто враждовали между собою. Кровопролитіе было обычнымъ явленіемъ. Метители вторгались въ другія селенія, сажали все, убивали мужчинъ и угоняли скотъ. До послѣдняго времени совершались подобныя злѣчества. Еще недавно Чипіакъ-Ате-Ина-Маринани убивали въ такихъ случаяхъ дѣтей, вырѣзывали груди у женщинъ. Пѣвники во множествѣ сбывались туркамъ, особенно дѣвушки и мальчики.

Въ одномъ пунктѣ мы пристали здѣсь къ берегу. Громадный валъ изъ намытыхъ волнами камней, за нимъ — песчаная проложина и чаща южнаго лѣса, пропитывающая ароматомъ знойный воздухъ. Рѣка прорывается сквозь сѣрый скалы. Горы тутъ же — онѣ не отступаютъ отъ берега, не бѣгутъ отъ моря, а напротивъ мощно ихъ

давить. Вотъ тяжело и медленно пролетѣли мимо фазаны, блеснувъ своими яркими перьями. Съ смѣливою неуязвимостью забирается онъ все дальше и дальше въ чащу сассапарели, откуда намъ навстрѣчу несутся задорные крики дроздовъ... Тамъ, гдѣ было побольше зелени, гдѣ ущелье нѣсколько расширилось, а рѣченка, бившаяся у берега, затихала, спокойно разливалась на просторѣ веселая пѣсня хохлатыхъ жаворонковъ, точно тысячи гармоническихъ колокольчиковъ звенѣли отовсюду — и изъ чащи луговой травы вилу, и въ синевѣ безоблачнаго неба... А дальше опять грохотъ рѣки, пробивавшейся сквозь узкую щель, утесы съ черными силуэтами орловъ на ихъ вершинахъ да раздражающій первал проматывать цвѣтовъ...

II.

П и ц у н д а.

У берега стояло нѣсколько заранѣе приготовленныхъ лошадей.

Сли — и въ ущелье.

Съ полчаса — все глушь да дичь... Но вотъ показались изгороди, опушенные розовыми лепестками нарицательныхъ анемоновъ, сланившихъ намъ навстрѣчу свой благоуханный привѣтъ. Вотъ какой-то садъ чуть-чуть наметился вдали. Только и различаешь ближе къ намъ стриженное «шанкой» дерево, увѣшанное гирляндами винограда. На одну минуту дохнули на насъ презестныя скаблосы, кружные голубые цвѣты которыхъ разстилались тутъ же. Весь лужокъ передъ савлей былъ усыпанъ ими. Какой-то мальченко, съ глазами больше его самого, и вьющимися локонами черныхъ, какъ смоль, волосъ, безжалостно топталъ цвѣты и боролся съ извѣстнымъ бѣлымъ возломъ, что, повидимому, доставляло беззачетное наслажденіе его сестричкѣ, еще меньше, съ глазами еще больше и кудрями еще завивистѣе... Она хлопала микроскопическими ладошками, выкрикивала что-то, видимо,

ободрил нѣсколько струсившаго козленка, и въ восторгѣ обратился ко мнѣ, воспѣвалъ, вѣроуно, похвальный слѣчь братишки своими пухлыми, точно пчелою ужасенными, губками. И до того заглядѣлся на эту идиллію абхазской долины, что и горы забылъ... Ужъ очень комична была солидная важность козла, который точно дѣло дѣлалъ, подставляя свой упрямый лобъ маленькому шалууну и уморительно потоптывая въ землю копытцами...

Плетеная сакля была тутъ же, но самая жалкая, бѣдная. Звѣрозель-зыринникъ въ тундрѣ устраивается богаче по отношенію къ домашнему обиходу его жилья; хотя, разумеется, для того же зыринника, заирающагося на всю долгую зиму въ свою избу, невозможна ни та благоухающая чистота, какую мы встрѣтили въ этой нищенской лачугѣ, ни то изящество обращенія съ гостемъ, которое абхазцы переняли у демократическихъ общинъ адыге. Въ самомъ дѣлѣ, странствуя по Кавказу, и не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что неуклюжъ и грязенъ бываетъ только рабъ или сынъ раба, несунувшій бросить съ себя еще этого наслѣдія своихъ отцовъ и дѣдовъ. Человѣкъ свободный — не бываетъ неворотливъ, грубъ. Возьмите вы любого крестьянина, — грузина, абхаза, горца — какъ онъ красивъ, ловокъ; какъ онъ сумѣетъ всюду и при всякой обстановкѣ отстоять свое достоинство, не растеряться, не ударить въ грязь лицомъ... И въ этой бѣдной семьѣ абхазскаго поморя мы встрѣтили такой изящный пріемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ горнаго Кавказа... Обитатель этого шалама нисколько не стыдился своей бѣдности, и владѣтельный принцъ едва ли могъ бы принять насъ съ такимъ же достоинствомъ и радушіемъ, какъ этотъ па-лудикарь.

— Мы живемъ бѣдно... Не стоить. Тепло!..

И дѣйствительно, плетенныя стѣны, свободно пропускающія благоуханный воздухъ, — гораздо лучше каменной темничной кладки, возведенной точно для того, чтобъ внутри ея копилась сырость и духота отъ бесчислен-

ныхъ, изодвишихся тамъ, накалѣній... Гораздо лучше въ Абхазіи — жилища мертвыхъ. Они тщательно огорожены, лучше отстроены, ихъ окружаютъ старательно поддерживаемыми пѣтами. Могила здѣсь не предметъ суевѣрнаго страха, а, напротивъ, родъ храма, святилища, къ которой весь околотовъ относится съ глубокимъ религіознымъ благоговѣніемъ...

Шлашиъ, куда вошли мы, былъ только началомъ абхазскаго поселка или, лучше, починка. За полверсты — стояла другая лачуга, отъ нея сажень за полторасти третья. Четвертая въ сторону забилась, пятая на верхушку холма забралась и закуталась тамъ отъ посторонняго взгляда въ земное облако дубовой рощи... Всего — хижинъ двадцать, а разбросались версты на восемь. Абхазецъ выбираетъ жалье по душѣ, мало думая о необходимости случиваться. Въ центрѣ починки — оглоданныя временемъ развалины большой круглой башни. Очевидно, основаніе ея было нѣсколько больше верхушки. Узкія бойницы начинаются сажень за пять отъ земли. Здѣсь вся эта абхазская деревушка списалась, когда ей грозило нашествіе джигетовъ съ сѣвера или съ юговъ съ запада. Ралбойничьямиъ шайкамъ этимъ оставалось одно только удовольствіе — сжечь всѣ хижины, истребить сады, угнать скотъ, который еще не успѣли спрятать, хитреца, и поджигивать и помолодечествовать передъ башней... въ почтительномъ разстояніи отъ ея бойницъ, откуда сыпались на грабителей мезгія пульки или, ранѣе — острые стрѣлы защитниковъ. Про башню починка, гдѣ были мы, рассказывали даже легенду изъ этого смутнаго времени. Давно дѣло было. Начали вѣтъ джигеты, сожгли все, истребили сады. Народъ думалъ, что увидутъ враги — вѣтъ, стоятъ кругомъ башни, изморомъ донять хотѣли! Кровь, видите ли, на этомъ селѣ была. Обитатели его, въ свою очередь, дѣтъ десять назадъ начали на джигетовъ и перебили ихъ не мало... Надоѣло абхазцамъ въ башнѣ отсиживаться. Собрались молодцы, кто посмѣлѣе былъ, и темною ночью ударили

на джигетовъ. Много враговъ убито было, но и отважная дружина легла до послѣдняго. Остались въ башнѣ старики, женщины и дѣти. Что было дѣлать. Еще недѣлю сидѣли — весь хлѣбъ съѣли, всю воду выпили — и дожда нѣтъ, какъ нѣтъ... Голодъ начался... Еще два дня прошло — до отчаяннѣ осада эта довела население башни... На третій день, звал, что у врага пощады не будетъ, матери рѣшили съ самой верхушки башни побросать дѣтей, а потому и самимъ — внизъ головой, хотя бы на подставленную колья и шанки... Только что выпили наверхъ — грянулъ громъ, и видимо-невидимо ангеловъ стало вокругъ башни. Бросить ребенка, а ангелы его на лету подхватываютъ и невредимо черезъ станъ враговъ переносятъ за лѣсъ, въ темное ущелье. Обрадовались израильтяне, всѣхъ дѣтей побросали такъ — и сами вслѣдъ за ними. Ангелы и ихъ подхватывали на раскрытыя крылья... Въ ущельи — дѣти обружали какую-то женщину чудной крѣпости, которая ихъ кормила тамъ молокомъ, хлѣбомъ и виномъ пошла... Только что показались взрослые — женщина и исчезла, точно облакомъ, окруженная ангелами... Это сама Маріамъ-богородица была, и благодарные абхазцы воздвигли ей храмъ, величаво и одиноко стоящій теперь въ развалинахъ, среди со всѣхъ сторонъ заволонившей его чаши... Въ одномъ храмѣ по ветерамъ рыдаетъ филинъ-пугачъ, воеетъ тоскливая чебалка, и только разъ въ году, въ ночь на Рождество Христово — чудное сіяніе наполняетъ его, подъ сводами раздается громкое пѣніе невидимыхъ духовъ, и пламя тысячи свѣчей колеблется въ воздухѣ. Только и видны свѣчи да огоньки несмѣтныхъ свѣчей... Кто падить, кто держать свѣчи — различить нельзя... Что-то смутное, точно бѣлый туманъ, волнуется въ этомъ чудномъ сіяніи... Это сама Маріамъ приходитъ служить въ свой забытый и заброшенный храмъ.

— Ты самъ видѣлъ? — спрашиваю я у рассказчика.

— Развѣ у меня три головы?..

— Откуда же ты знаешь?

— Старухи говорили... Братъ ѣхалъ за двѣ горы отъ этой церкви—и то слыхалъ ибнѣ...

— Что же онъ не подошелъ ближе?

— Развѣ можно! Да у насъ не мало такихъ мѣсть. Вотъ изъ башни часто дѣти плачуть по ночамъ, поди-ка послушай.

— Какое дѣтя?

Да, видите, дѣло такое было... Мать одна бросивъ ребенка и мужа и ушла къ любовнику далеко-далеко, въ турецкую страну... Никого въ селѣ не было, мужъ догнать икнулся се—но турки его убили. Одинокъ ребенокъ въ башнѣ остался и съ голоду умеръ. Съ тѣхъ поръ онъ по ночамъ и плачуть: вѣтъ просить... А мать осуждена на другую муку... Она по ночамъ выходитъ изъ своей далекой могилы, у нея хлѣбъ въ рукахъ, хочетъ накормить ребенка — ходитъ кругомъ башни, да дверь ея остается невидима... Ну и стонетъ она, и бьется о стѣны, такъ что утробъ на нихъ врозь видна бываетъ...

Абхазцы ужасно шумны и болтливы.

Еще не успѣли мы оглянуться, какъ сакля наполнилась народомъ. Всякій непрерывно лѣлъ съ вопросами, рассказывали ибсколько человекъ разомъ, съ жестикауляцией, съ огонькомъ, поспѣшно, точно слушатель собирался сию минуту убѣжать отъ нихъ...

Пока вся эта орава такъ отчаянно ораторствуетъ, набросаемъ по матеріаламъ кавказскаго городского управленія весьма немногосложную исторію этого племени за послѣдніи сто лѣтъ.

Когда одновременно съ паденіемъ Византіи рушилось и Грузинское царство, раздѣлившееся на ибсколько самостоятельныхъ владѣній, турки распространили свое вліаніе на восточный черноморскій берегъ. Генуэзцы еще вели борьбу съ ними, но когда пала Кафа, османы сдѣлали Абхазію своимъ вассальнымъ владѣніемъ. Турки, впрочемъ, не вмешивались во внутреннюю безурядицу страны, а только содержали въ ней нашу съ небольшимъ гарнизономъ, получали дань, вывозили отсюда невольниковъ и

дѣтельно распространили исламъ. Только въ некоторые моменты Турція принимала болѣе сильное участіе въ дѣлахъ страны. Такъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда страна возстала противъ владѣльческой фамиліи тавадовъ, Манучара Шервинидзе и двухъ его братьевъ Ширвана и Зораба, Турція приняла сторону народа и выгнала тавадовъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, Зорабъ вернулся и сталъ править Абхазіей, какъ вассалъ блистательной Порты. Мирное согласіе съ послѣдней продолжалось недолго. Въ 1771 году Зорабъ выгналъ турокъ изъ гѣзда ихъ на абхазскомъ берегу—Сухума, но, въ свою очередь, былъ захваченъ ими и ввѣнъ въ Турцію. Во время пребыванія его въ этой странѣ, въ его отчизнѣ усилилась фамилія тавадовъ Дзингъ-ина. Въ отсутствіе Зораба Абхазіей правилъ его племянникъ Келингъ-бей. Вернувшись, Зорабъ сблизился съ Дзингъ-ина, женилъ племянника на одной изъ дѣвушекъ этой фамиліи, но Келингъ-бей вскорѣ выгналъ жену вѣнъ и даже сталъ съ ненавистью относиться къ своему сыну отъ неи Асланъ-бею, желая передать владѣльческія права Сеферъ-бею, другому своему сыну, рожденному отъ матери изъ сословія Анхай... Дзингъ-ина составили заговоръ, въ немъ принялъ участіе Асланъ-бей. Келингъ-бей, узнавъ обо всемъ во время, убилъ главныхъ представителей враждебной ему фамиліи, остальные ея члены бѣжали въ горную область Цебельду. Асланъ-бей остался въ живыхъ и въ 1808 году убилъ отца своего Келингъ-бея, занялъ Сухумъ и объявилъ себя владѣтелемъ Абхазіи. Сеферъ-бей, наследникъ Келинга, бѣжалъ въ Мингрелію къ Дадіанамъ, принялъ тамъ подданство Россіи, которая въ 1810 г. заняла Сухумъ, изгнала отцеубійцу Аслана и предоставила владѣльческія права Сеферъ-бею, принявшему христіанство. Одиннадцать лѣтъ продолжалось спокойствіе, но послѣ смерти Сеферъ-бея, Асланъ-бей, въ союзѣ съ братомъ Гассаномъ, возмутилъ абхазцевъ противъ владѣтели Динитріа (Омеръ-бей), былъ вновь разбитъ русскими, при чемъ Гассанъ схваченъ и безъ церемоній, несмотря на его царственное происхожденіе, со-

сласть изъ Сибирь, въ изнурительную работу. Въ 1830 г. русскіе возводятъ здѣсь укрѣпленія Бомбору, Пицунду и Гигры, а въ 1864 г., сообразивъ, что владѣльческая власть страны, отдавшейся подъ русское подкровительство, можетъ быть удобно замѣнена кѣмъ-либо изъ казаческихъ майоровъ или полковниковъ, упразднили ее совсѣмъ, посадили въ Сухунъ-Казе воеводѣ и правителю нѣкаго г. Кравченко, обративъ великое царство Абхазское (здѣсь въ Пицундѣ была когда-то столица всей Грузіи) просто и не въ губернію, а въ отдѣлъ. Посаженіе прелестей гражданскаго благоустройства началось немедленно. Къ абхазцамъ стали водворять поселенцевъ, не спрашивая согласія испоконныхъ обладателей страны; учтивая, весьма значительные и весьма непріятныя для самихъ абхазцевъ, родины для поощренія російскимъ генераламъ, вой, по пословицѣ, какъ собаки, лезла на сѣбѣ, и сами его не ѣдятъ, и другихъ не даютъ. Наконецъ, и по отношенію къ населенію, военная власть разъ доказала, насколько цивилизація выше дикости. Право свободнаго перехода съ одного мѣста на другое — ассаство — было ограничено, потому и вовсе отнято, да и другіе народныя обычаи встрѣтили точно такое же «покровительство». Также изъ другого самостоятельнаго государства Самурзанани, составлявшаго часть Абхазіи, ны, по простотѣ души, въ 1850 г. сдѣлали приставство... И просто, и скоро, и, главное, выгодно. Насколько же управленію нашихъ приставовъ и полковниковъ лучше для народа, чѣмъ управленіе Келингъ, Сафаръ, Гассанъ и другихъ беевъ — объ этомъ скажемъ впоследствии...

Нѣсколько пооглядѣвшись, я замѣтилъ, что хижина абхазская, куда мы пристали, состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ такимъ же вѣтнемъ. Отдѣленіе прекраснаго пола здѣсь не такъ педантично наблюдается, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Красивая абхаза сидѣла въ углу, вмѣстѣ съ сестрой, которая только лицо свое завила, да и то такъ, не по необходимости, не потому, чтобъ это было въ обычаѣ, а чтобъ показать, что и мы де приличія знаемъ. Изъ-за перегородки мы-

чала корова, даже пахло навозомъ. Въ другихъ лачужкахъ скотъ помѣщается отдѣльно. Въ половинѣ, гдѣ были мы—низенькія лавки, мангалъ съ горячими угольями на среднѣй. На сваньяхъ—постели, въ углу сундуки—низу большой, выше среднѣй, потомъ поменьше и, наконецъ, маленькій ящикъ. Пирамидой все это.

— Зажиточные хозяева, должно быть!

— Это мы почему заключаемъ?

— Ниш сундуковъ у нихъ сколько.

— Да, много—только внутри пусто.

— Какъ?

— Да такъ—пусто! Можетъ быть, на всѣ то пара триповъ приходится. Это они изъ тщеславія поставили. У другихъ еще до самой кровли сундуки. Подумаешь, Ротшильдъ, а у этого Ротшильда аббазъ за душой нѣтъ...

Оконечки такіа, что едва-едва кулакъ просунешь. Да и не надо: свѣтъ сивозъ стѣны сажи отлично проходятъ, и воздуху полный доступъ. Часто хижинки строятся совершенно круглая—тогда это точь-въ-точь краали африканскихъ негровъ. Развѣ внутри, по богатой опранѣ оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ, да по тому, что моды времени Адама и Евы до грѣхопаденія здѣсь неизвѣстны, только и можно заключить о сравнительно высшей культурѣ.

Какія микроскопическія коровы здѣсь! И даже засмѣлся, увидѣвъ одну тощую у хозяина. Нашъ годовою теленокъ, пожалуй, больше будетъ. Кормятся ихъ прямо въ лѣсъ выгоняютъ. Надзоръ очень плохой. Абхазецъ, я самъ убѣдился въ этомъ, очень лѣнивъ. Посмотрите, какъ неохотно ковыряетъ онъ деревяннымъ крюкомъ землю, чтобы бросить туда нѣсколько стѣмянъ и сейчасъ же забыть о нихъ до слѣдующаго раза, когда нужно снимать томи или кукурузу. Зато, какъ и всѣ лѣвивые народы, абхазцы богаты воображеніемъ. Нигдѣ такъ прочно не живетъ преданіе старины, такъ поэтично не рассказываются былины. Мѣръ сказокъ здѣсь—почти мѣръ действительности. Никто не сомнѣвается въ ихъ непреложной реальности. Абхазецъ до сихъ поръ и магометанинъ, и христіанинъ, и язычникъ.

Рядомъ съ вѣрой въ Магомета, онъ благоговѣетъ передъ крестомъ и остается вѣрять культу своихъ языческихъ боговъ.

До чего дѣлится абхазецъ, видно изъ положенія мѣстнаго винодѣлія. Оно, благодаря близости страны къ морю, могло бы если не обогатить страну, то все же дать нѣкоторый заработокъ ея населенію. Теперь же не даетъ ничего. Обработка винограда самая небрежная. Вотъ какъ описываетъ ее г. Владыкинъ: абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на деревья, и въ такомъ видѣ онѣ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ ухода за виноградомъ, который все-таки выходитъ хорошаго качества. Для приготовленія вина выкапываютъ въ землѣ яму, обмазываютъ ее глиной и, разложивъ на днѣ огонь, обжигаютъ... Сюда сваливаютъ кучею виноградъ, топчутъ его ногами и оставляютъ соевъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Потомъ вино вычерпывается и разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые и зарываются въ землю. Персики и другіе плоды собираются волами. Абхазецъ не знаетъ хорошаго счета деньгамъ и мѣняетъ свою кукурузу туркамъ на разную гниль и рвань.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ апостоломъ привалятъ абхазцамъ быть ворамъ, они неуклонно слѣдуютъ этой заповѣди. Воровство здѣсь не гнусный порокъ, а лихая погѣха. Какъ только мальчишекъ стаетъ юншей, мать опонесываетъ его слабей и, заливаясь слезами, благословляетъ:

— Помоги тебѣ Богъ добыть этой шапкой много добычи и тайно, и явно, и днемъ, и ночью...

— Что это за женихъ! — оскорбляется абхазская невеста. — Онъ еще ни одной лошади не укралъ!

— Это не человѣкъ! — разсуждаютъ старики. — Это такъ, бабы шальвары, до сихъ поръ два года носить шапку, а въ воровствѣ не замѣшанъ...

— Были времена! — жалуется абхазцы. — Теперь что, теперь урусь пришелъ, свои порядки вводитъ, изъ горныхъ орловъ хочетъ смирныхъ курицъ сдѣлать! Прежде, бывало, по всему берегу бродимъ съ мѣста на мѣсто. Вы-

смагннзель, что гдѣ украсть можно. Скотъ уводить, дѣвушекъ, мальчишекъ крадутъ — потомъ туркамъ ихъ сбываютъ... А теперь что?.. Совсѣмъ не житье стало!

Если абхаца заируть въ тюрьму за кражу, онъ по освобожденіи ниинно говорить, что былъ въ плѣну.

Удивительно красиво умѣютъ абхазцы поваливать себѣ голову банникомъ, служащимъ имъ вмѣсто шапки. Въ этомъ ихъ отличие отъ черкесскаго костюма. Все остальное завязли они у племени адыге. Замѣчательно красивъ и строень кажется этотъ полудикарь, когда онъ стоитъ передъ вами подбоченясь и опершись однимъ плечемъ на ружье. Стройный станъ, смѣлое лицо, развязность, даже нѣкоторый аристократизмъ пріемовъ дѣлаютъ его хорошимъ сюжетомъ для картины. Нужно прибавить къ этому, что надъ созданиемъ этого типа, кажется, потрудились все племена земныя. Здѣсь были и колоніи Римской имперіи, центромъ которыхъ считалась Пидунда. Въ средніе вѣка генуэзцы осѣли здѣсь въ разныхъ пунктахъ, построили замки и храмы по горамъ во множествѣ и главнымъ образомъ сосредоточили свою торговлю и военныя силы въ той же Пидундѣ. Старинное генуэзское оружіе и до сихъ поръ переходитъ у абхазцевъ изъ рода въ родъ. Потомъ нахлынули сюда турки, и, наконецъ, русскіе наложили на это поворье свою руку. Вся эта ассимиляція въ концѣ концовъ сдѣлала изъ горнаго племени восточнаго берега Чернаго моря какую-то космополитическую общину. Абхаецъ даже къ религіи своей равнодушенъ. Онъ столько же язычникъ, сколько христіанинъ, сколько мусульманинъ. Одинаково неусердно готовъ политься въ паждохъ храмъ и всякому богу. Часто случается здѣсь, что отецъ семейства мусульманинъ, жена его христіанка, и дѣти тоже принадлежатъ къ обоимъ этимъ исповѣданіямъ. Ссоръ изъ-за религіи здѣсь и слыхомъ не слыхать...

По-своему абхаецъ очень счастливъ. Страна его прекрасна — снѣжными горы висятъ надъ чудными долинами, гдѣ остатки генуэзскихъ садовъ — апельсиныя рощи, льютъ по вѣтру свое благоуханіе. Каждую незначитель-

ную тропинку обступают тѣмные чинары... Еще недавно по всему этому поморью красовались пальмовыя роши, цѣлая улица въ Сухумѣ были покрыты чащами розъ, но невѣжественная рука солдата и привыкшіе къ казарменной правильности русскіе администраторы иль военныхъ уничтожали безжалостно эту красоту, и только группы персиковыхъ деревьевъ, перевитыя виноградными лозами, еще намекаютъ на чуднопрекрасное прошлое*)... Близъ Пицунды въ сороковыхъ годахъ были превосходныя апельсиныя роши, древнія, какъ и эти храмы, что въ величавыхъ развалинахъ своихъ молчаливо стоятъ на вершинахъ горъ, но и отъ рошъ этихъ остались только одни пни... Зачѣмъ и кону нужна была смерть этихъ прекрасныхъ деревьевъ?..

Мы долго не могли оставаться въ одинаковой зачуждѣ абхазскаго починка. Пароходъ далъ свистокъ, нужно было торопиться. А тамъ, съ палубы, опять этотъ рядъ ильиныхъ дикимъ величіемъ горъ, опять эти сивыя ущелья, залегающія между ними въ повстическую глушь страны, за передними горами видны нѣсколько туманныхъ вершинъ другихъ, а на третьемъ планѣ едва-едва показываются пни, лучшия, слегка отдѣляются изъ голубой дымки смутныя очертанія самыхъ дальнихъ гигантовъ...

Быстро оставляемъ мы за собою всю эту красоту, и жаль оторваться отъ нея, сердце болитъ о томъ, что нѣтъ возможности самому исходить каждый уголокъ этой дивной Абхазіи.

И чѣмъ дальше, тѣмъ она лучше и краше...

Горы отступаютъ все дальше и дальше отъ берега... Передъ ними уже, словно зеленая облава, круглятся и разстилавтся роши и лѣса... Пологий мысъ врывается впередъ, уходитъ далеко въ море... Зеленныя облака на немъ еще болѣе скучиваются... Растительность какъ-бы хочетъ здѣсь развернуть всю свою неизданную роскошь. Точно

*) Уны, невѣжественные турки теоретически уничтожили по береговой полосѣ и въ извѣстномъ, что оставалось отъ стирныхъ генуэзскихъ садовъ.

полшебный садъ какой-то... Солнце обливаетъ золотымъ блескомъ этотъ передній планъ картины, оставая въ тѣнѣ горы, составляющія фонъ ея... Даже море кажется какою-то изумруднымъ, отражая въ покойномъ зеркалѣ своемъ изумрудную зелень... Между деревьями мелькаютъ что-то круглое, какое-то красное строеніе съ конической крышей...

— Пицунда!..

Древняя столица Грузинъ и Абхазинъ, еще болѣе древняя колонія генуэзцевъ и римское поселеніе въ незапамятную глушь... Храмъ VI вѣка, возведенный въ царствованіе Юстиніана, до сихъ поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ...

Еще нѣсколько вѣковъ назадъ всѣ окрестныя горы стояли покрыты генуэзскими замками. На мысѣ Пицунды бѣжали мраморныя колоннады, и стѣны грозной крѣпости глядѣли отсюда въ морскую даль, что такъ нынѣшнее излечается кругомъ. За 10 верстъ путешественники слышали уже благоуханіе садовъ—ароматомъ розъ, миндаль и аниса привѣтствовали ихъ поэтическій уголокъ.. А теперь!..

Казарменой известной выкрашенъ этотъ храмъ. Точно казенная будка, реставрированъ онъ невѣжественными потыками. Маститое дерево, выросшее на его кровлѣ, срублено глупыми монахами!..

Sic transit gloria mundi.

III.

— Это народъ какой!..— недоумѣваетъ синя чулка, приглядываясь къ шумной толпѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ абхазцевъ, привалившихъ на пароходъ.

— А что?

— Точно на войну собрались.. Съ ними болжно... Пыриеть.

— Народъ хороший, даромъ не обидитъ.

— Здѣсь точно не обидитъ.. А походи-во-ся ты къ

нему на берегъ—опъ тебя и распотрошить. Итъ, видно, тѣмъ же траптомъ да назадъ...

— А вы откуда?

— Мы несповснѣ мѣщане.

— Что же вы сюда?

— Мѣстовъ искать... Прослышали, что на Кавказѣ для вольнаго поселенія такіа мѣста чудесныя есть... Ну, продали лавочку свою, дѣинкѣ живымъ манеромъ по боку—и сюда.

— Да вы, какъ же это, справились сначала, каково здѣсь?

— Итъ, зачѣмъ канитель эту тянуть... Говорятъ, здѣсь мѣста такіа есть... Мы и побѣхали съ братцемъ.

— Какія же мѣста?

— А способныя...

— Именно?..

— Для вольнаго поселенія мѣста... Весныя сады и отъ казны большое прощреніе

— Да, позвольте, вѣдь, чтобы бросить все хозяйство, нужно же знать, зачѣмъ и куда ѣдешь.

— Это точно... Мы и знаемъ: земля дуромъ, отъ начальства всякое удовольствіе, потому какъ дикихъ черкесовъ довольно хорошо мы истребили—мѣста и пустуютъ... Опять же это вино здѣсь, сколько хонь производи и торгуй... Ну, такъ мы и двинулись—на черкесское положеніе.

— Что же вы дѣлать-то здѣсь будете?

— Помилуйте, — даже обидился московскій мѣщанинъ...—Здѣсь говорятъ, такіа мѣста есть—конвуль ты сапогомъ—анъ тебѣ фрухта и выросла...

А еще говорятъ, что русскій челоуѣкъ къ мѣсту приросъ. Помилуйте, зажиточныя торговны бросаютъ дома, торговлину, какъа завелась, и ѣдутъ, Богъ знаетъ, куда—мѣстичъ искать, «на черкесское положеніе». На нашемъ пароходѣ, по-крайней мѣрѣ, семей съ деснью такихъ было. Начали допрашивать «куда ѣдете, зачѣмъ»—ничего не добьешься, видимо—они сзми этого

на знаніи. Одинъ отставной гвардейскій солдатикъ — швейцаромъ въ Питерѣ былъ, получалъ въ годъ триста рублей на всея годовою — и бросилъ, семью за собой на Кавказъ потащилъ.

— Зачѣмъ?

— Тутъ русскіе на офицерскомъ положеніи, потому что это... — вамахнулъ онъ на абхазцевъ, — орда! необразованная Азія!

Еще крестьяне бѣгутъ — дѣло понятное. Дома жутко; послѣднія коровенка продана за недоимку, съ семьи сходитъ податей больше, чѣмъ она въ круглый годъ неустаннаго труда заработать можетъ. Хорошо еще, если всѣ сборы до 80% съ дохода оказываются, себѣ хоть 20% останется, а то тутъ же на пароходѣ былъ воронежскій мужикъ, бѣжавшій изъ благословенной Украйны, потому что съ него всякихъ поборовъ сходило на 15 рублей болѣе того, что онъ приобреталъ за годъ.

— Ошалеешь!... — объяснилъ онъ мнѣ.

— И давно это такъ?

— Да годовъ десять все растетъ податъ. По горло мы въ нее ушли. Точно въ негли, въ недоимкѣ этой бьнемся.

Этикіе-то счастливые пейзажи, пожалуй, и въ степь Сахару уйдутъ изъ своего благословеннаго отечества. Тутъ ужъ настоящее горе, а не бродяжническая жизнь. Переселеніе такого плательника понятно вполне. А зачѣмъ питерскій швейцаръ бросилъ свое насиженное гнѣздо, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не одно же «офицерское положеніе» смутило его, значить, есть такой червь, что толкаетъ московскаго чѣщанна искать всевозможныхъ авантюровъ, добиваться мѣстовъ, о которыхъ онъ только и слышалъ, что «копнуть ты землю сапогомъ — сейчасъ тебѣ фрухта и выросла!»

Еще нѣсколько ударовъ винта, и Пинунда вся ушла въ зеленныя облака низменнаго мыса — и опять нависли надъ нимъ величавыя горы съ синею едва замѣтныхъ ущелій, съ серебряными коронами вѣчныхъ льдовъ на

своихъ недоступныхъ вершинахъ. Тутъ очень кстати будетъ сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ древнемъ христіанскомъ поморьѣ, такъ и вообще о вѣрованіяхъ оригинальнаго племени, гнѣздами обитавшаго въ плодородныхъ долинахъ и зеленыхъ ущельяхъ этой излюбленной небомъ страны.

Индифферентные теперь ко всякой религіи, полуязычники, полумагометане, абхазцы въ древности были ревностными христіанами. Грузинская хроника Вахтага V называетъ св. Сумеона Кананита, который въ 40 году послѣ Р. Х. пришелъ сюда вмѣстѣ съ св. Андреемъ Первозваннымъ. Первый вскорѣ умеръ здѣсь близъ устья р. Псырты, а второй отправился далѣе въ Мингрелію. «У самыхъ вѣровъ этой рѣки, образуемыхъ двумя почти сошедшимися горами, стоятъ развалины великолѣпнаго храма, который и до сихъ поръ носитъ имя Сумеона Кананита. Онъ былъ совершенно цѣлъ до 1859 года, когда одинъ изъ соседнихъ владѣльцевъ, абхазецъ имѣръ Гассанъ Маргани, выстроилъ себѣ домъ изъ остатковъ этого храма». Разобранъ сводъ его—и теперь этотъ могучій памятникъ старины окончательно разваливается. Никто г. А — въ производилъ раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ помышленъ престолъ, и нашелъ серебряную монету Комненовъ съ изображеніемъ св. Алексѣя и Евгенія. Позади храма въ скалѣ была пещера, гдѣ будто бы жилъ Сумеонъ Кананитъ. Великій, проникавшій сюда, перажался смертью. Потомъ образовалась трещина ниже пола пещеры, въ скалѣ, и газы, убійственные для дыханія, минуя самую келью, нашли себѣ другой выходъ. Вѣроятно, вслѣдъ за постройкой этого храма, христіанство здѣсь подвергалось сильнымъ гоненіямъ и было истреблено, какъ и въ соседней Мингреліи. Только въ половинѣ VI вѣка абхазцы уже рѣшительно приобщаются къ стаду Христову и принимаютъ къ себѣ пастырей, тотчасъ же лавившихся обвиняваніемъ сихъ простосердечныхъ агнцевъ. Строгомые привѣщались къ храму и съ страстностью кожной натуры старались водрузить своихъ па-

стырей и въ языческой средѣ окружающихъ ихъ народовъ. Эпохи эти плохо изслѣдованы; въ нашемъ очеркѣ мы пользуемся прекрасными монографіями абхазца Званбаи и статей г. А—ва «Религіозныя вѣрованія абхазцевъ», напечатанной въ сборникѣ свидѣній о кавказскихъ горахъ. Уже въ VI вѣкѣ Юстиніанъ, хлопотавшій о томъ, чтобы уничтожить привычку абхазцевъ производить кастратовъ, которыми они торговали, воздвигаетъ въ Пипундѣ храмъ. До тѣхъ поръ по всему абхазскому поморью существовало только одно укрѣпленное мѣсто — Себастиополье, по отъ основанія Пипунды — черезъ нѣсколько вѣковъ — мы уже видимъ въ XI столѣтіи эту береговую полосу, кипищую промышленною жизнью, покрытую цвѣтущими городами, монастырями, укрѣпленными замками. Море кишмя кишитъ торговыми судами, цѣлые флоты идутъ сюда и отсюда изъ Константинополя и назадъ. Правда, Абхалія постоянно мѣняла своихъ владѣтелей: то ею верховодили византийскіе императоры, то грузинскіе цари, то собственные государи, но благосостояніе береговой полосы все росло и росло. Въ Пипундѣ наконецъ устроилась кathedra главы абхазской церкви — католикоса. Здѣсь же все время находилась и столица этого богатого края. Попробуемъ сопоставить далекое прошлое и настоящее абхазскаго поморья. Теперь берегъ этотъ пустыненъ. Храмы и замки — въ развалинахъ, охваченныхъ со всѣхъ сторонъ могучею южною поросялю; въ руинахъ монастырей гнѣздятся совы да чапалки, отъ садовъ и рощъ генузскихъ нѣтъ и слѣда, города исчезли съ лица земли, и даже мѣста ихъ неизвѣстны невѣстному потомку богѣе культурныхъ поколѣній, неоставившихъ даже могилъ своихъ среди общей мерзости запустѣнія. Море — пустынно: вмѣсто цѣлыхъ флотовъ торговыхъ кораблей — изрѣдка пробираются вдоль горныхъ береговъ турецкія филети, едва замѣтными точками черпаютъ абхазеніе пауки, да изрѣдка, въ недѣлю разъ, проныхтитъ изроходъ. Вмѣсто богатой столицы — Пипунды, — нѣсколько монаховъ и жалкій монастырь; вмѣсто

царей, правившихъ согласно волѣ и указаніямъ свободнаго народа, — военное управленіе въ лицѣ сухумскаго полковника; вѣсто пресѣщенныхъ и богатыхъ колонистовъ Греціи и Генуи, — безграмотные престыжле, или интерескіе швейцары, ишушіе офицерскаго положенія. Ущелья, оглашавшіяся говоромъ жизни, умоляли: горы, откуда свѣтили малыя многочисленныя пловцамаъ, стоятъ пустынями, и ни одинъ оттуда не укажетъ пути одному судну... Докторъ Панглоссъ, чтобы сказамъ ты, посѣтить этотъ берегъ? А насколько пытливіе инородческіе властители этого края отличаются уваженіемъ къ старинѣ—видво изъ примѣра знаменитаго маіора Гассана Маргани, разобравшаго великолѣпный храмъ для постройки себѣ сирадной лачуги, и не менѣе знаменитыхъ администраторовъ военнаго вѣдомства, вырубившихъ улицы розъ въ Сухумъ-Кале и пальмовыя роши абхазскаго поморья. Бывъ не сопоставить съ этимъ мѣстныхъ простолюдиновъ, несмотря на веламаъ, оказывавшихъ такое уваженіе памятникамъ древности своей, что при занятіи нашими войсками Пицунды, уже заброшенной и оставленной, въ 1830 году въ алтарѣ ея было найдено старинное евангеліе и церковная утварь... Всѣ цѣнныя вещи, образа и облаченіе католиковъ были перевезены отсюда въ Гелатскій монастырь, гдѣ они хранились въ полной неприкосновенности до послѣдняго времени. Недавно случилась извѣстная исторія. Ризница монастыря оказалась обворованной. При этомъ обокрадена была и древнія реликвии Пицунды.

Мы выше сказали, что пастыри стада Христова въ Абхазіи въ тѣ древніе времена ревностно стригли своихъ агнцевъ. Преданіе рассказываетъ, что промыселъ абхазскихъ изычниковъ—приготовленіе кастратовъ, всецѣло перешелъ къ смиреннымъ инокамъ, которые въ этомъ благочестивомъ занятіи достигли высшаго искусства и чистоты работы; а былины Самурзакана и до сихъ поръ передаютъ въ назиданіе потомству нинъ столь же смиреннаго и благопотребнаго старца Георгія, добротолубиваго инока, который, ревнуя, вѣроатно, о пользахъ своей

обители и о благоустроеніи храма, организовать въ широкихъ размѣрахъ продажу дѣтей въ Турцію, за что и самъ бѣлъ изгнанъ туда же обожлившимися абхазами.

Съ паденіемъ Ипунды пало здѣсь и христіанство. Всего оригинальнѣе, что это случилось именно «со времени принятія абхазами подданства христіанской державы». Только въ селахъ Лихны (Саукъ-су), гдѣ и теперь красуются развалины древняго храма, да въ Иллери — народъ держался прежней своей вѣры.

Иллеришскій храмъ даже славился собственнымъ своимъ чудомъ. Оно нисколько не уступало вѣри св. Ингуарія или слезамъ Ботородины въ Италіи. Храмъ бѣлъ посвященъ св. Георгію, который каждое 10-го ноября чудесно низводилъ въ ограду бѣла съ позолоченными рогами. Появленіе этого мистическаго посланника восторженно встрѣчалось многочисленными толпами, сходящимися сюда не только изъ Абхазіи, но и изъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи. Одинъ изъ Дадіановъ, ревнителей храма, закалывалъ этого посланника, ивни тотчасъ-же разбѣлывали его на мельчайшіе куски, которые *продавались* богомольцами за высокую цѣну. Масло быстро высыхало и вѣрчѣ не подвергалось, что служило доказательствомъ святости бѣла. Чудесное явленіе его прекратилось съ вѣдвореніемъ русскихъ, которые дошли до такой дерзости и непочтенія къ смиреннымъ и братолюбивымъ инокамъ, что пожелали вочію убѣдиться въ дѣйствительности сверхъестественнаго появленія четвероногаго посредника между небомъ и землею.

Мусульманство здѣсь было распространено сначала торгашами, явившимися изъ Турціи, потомъ зажиточными абхазами и мѣстными аристократами. Уже впоследствии явились муллы, которые стали фанатизировать народъ противъ русскихъ притѣснителей. Однако древніе христіанскіе обряды всецѣло сохранялись здѣсь. Въ Пасху абхазскіе мусульмане рѣжутъ агнецка и обѣиваются крашеными яйцами; въ дни, соответствующіе Троицѣ, устраиваются гулянья въ рощахъ; въ Рождество Христова молятся ночью, поздравляютъ другъ друга и обѣ-

иваются подарками. При всѣхъ религіозныхъ обрадахъ абхазцы употребляютъ восковые свѣчи и куреніе ладаномъ. Церковь—мѣсто непривословенное и даруетъ право убійства даже преступнику. Магометане въ развалинахъ храма принимаютъ присягу въ справедливости своихъ словъ. «Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудропшъ считается самою священною, и не найдется абхазца-магометанина, который бы тамъ рѣшился ложно свидѣтельствовать». По словамъ г. Владыкина, въ 1866 году, къ инсундскому военному начальнику, Воронову, пришли абхазцы съ просьбою допустить ихъ принять присягу въ монастырѣ по одному своему дѣлу.

— Вы, или ваши соотечественники, недавно украли желѣзо съ крыши этого храма, а теперь хотите присягать въ немъ! И Вороновъ отказалъ имъ въ этомъ, хотя, вѣруй, абхазцы были совершенно правы, — вѣдь, какъ мы говорили въ первой статьѣ нашей, «Абхазское море», самъ св. Сумеонъ Кананитъ приказалъ имъ воровать! И уваженіе къ святиищъ не мѣшаетъ имъ, какъ видите, содрать съ нея, при случаѣ, желѣзную кровлю, или разобрать сводъ для постройки своей жалкой лачуги.

Рядомъ съ христіанскими иброваніями, абхазскіе магометане сохраняютъ и преданность своимъ языческимъ богамъ. Какая-то иппица выходитъ! Мѣсиво несообразное! Въ помощь Богу абхазская мифологія даетъ множество разныхъ божествъ. Божества эти, такъ сказать, докладчики и секретари. Они передаютъ молитвы верховному существу, къ которому прямо обратиться такъ же немислимо, какъ немислимо обратиться съ жалобой прямо въ кассационный департаментъ правительствующаго сената, помимо окружнаго суда и судебной палаты. Богъ-ах и ах-даръ самъ никогда не сходить на землю, а посылаетъ своихъ помощниковъ. Изъ нихъ — первая покровительница посѣвовъ Джаджи, ей молятся два раза—весной и въ ноябрѣ послѣ уборки кукурузы. Молятся—каждое семейство отдѣльно. Въ день молитвы ѣдятъ только хлѣбъ и плоды, воздѣланные хозяиномъ. Затѣмъ слѣдуетъ Ай-

тарь—пенать домашниго скота и блюстителъ хозяйства. Ему молится въ одну изъ субботъ, при чемъ варятъ кашу на молокѣ недавно отелившейся коровы; иногда при этомъ рѣжутъ теленка. Вокругъ котла съ кашей становятся пастухи, и старшій изъ нихъ, съ посохой свѣчей въ рукѣ, произноситъ молитву объ избавленіи стада отъ хищныхъ звѣрей и объ умноженіи приплода, затѣмъ три ложки варева бросаетъ на уголья жаровни—и всѣ приступаютъ къ трапезѣ. Аживеншахъ—нѣчто въ родѣ лѣсничаго. Его дѣло беречь лѣса и дикихъ звѣрей. Это богъ охотниковъ, которые передъ отправленіемъ на промыселъ покушаютъ котла и молитвенно жарятъ бородачатаго философа, при чемъ каждый изъ Немпродовъ, кидая въ жаровню кусочки задана, назначаетъ животное, какое онъ хотѣлъ бы убить. Водамъ покровительствуетъ Дзынь-ланъ. Ей молится женщины, или нахзунуѣ вышедшія замужъ, или только что родившія. Безъ этой молитвы итъ нельзя бы идти за водой, потому что на несчастныхъ нападутъ рѣчныя русалки, наяды, называйте, какъ хотите. Если мужчина случайно подсморгнетъ носеніе женщины Дзынь-ланъ, онъ называється одною неприятною и для супружеской жизни крайне неудобною болѣзнію. Старухи—жрицы Дзынь-ланъ, онѣ же и акушерки. Джикер-салат-ах-ду—направляющій мысли человѣка. Этому салату молится всего разъ въ годъ и непременно подъ открытымъ небомъ. Каждый заранѣе заботится о приготовленіи жертвы, выбирая между цыплятами курочку и надрѣзывая ей гребешекъ, послѣ чего курочка считается посвященною Джикеръ-салату. Когда она подрастетъ, ее варятъ безъ соли и перца; въ вареву прибавляютъ четыре маленькихъ четырехугольныхъ хлѣбца, и все это яство складывается въ чашку. Молищійся беретъ жертву и черешокъ съ угольями и выходитъ изъ дому, такъ, чтобы его не видѣлъ никто; бросивъ заданъ на уголья, онъ произноситъ «Джикер-салат-ах-ду! ты, который управляешь разумомъ человѣческимъ, просвѣти мой умъ свѣтомъ твоимъ, остереги меня отъ всѣхъ необдуманныхъ поступковъ и

изучи меня жить со всеми въ согласіи». Послѣ, бросивъ кусокъ курицы и хлѣба на уголь, онъ возвращается въ домъ. Если молитѣйся дурного характера, то не только никто изъ постороннихъ, но люди, близкіе ему, не прикоснутся къ жертвѣ, принесенной имъ Джикеръ-сазату.

Шесину — богъ кузнецовъ и слесарей; чествуютъ его наканунѣ новаго года: хозяинъ рѣжетъ барана, а хозяйка по плѣтуху на каждаго члена семейства и готовится пироги изъ пшеничной муки съ свѣжимъ сыромъ. Печенки и сердца жарятся отдѣльно, на палочкѣ изъ орѣховой вѣтки. Когда кушанья принесены въ кухню, хозяинъ складываетъ свои инструменты на наковальнѣ, вблизи ея ставитъ жаровню съ угольями, и все семейство его распекается на голѣняхъ кругомъ. Сплетъ башлыкъ и поясъ (доказательство, что открыты сердце и мысль), кузнецъ зажигаетъ восковую свѣчу, бросаетъ ладанъ въ жаровню и молится, чтобы всѣ желѣзные орудія послужили ему въ пользу. Потомъ хозяинъ бросаетъ куски мяса въ жаровню, говоря: «До тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи этими кусочками накормить всѣхъ Шерванидзевохъ и Анчибадзевохъ *), пусть никто не болѣетъ въ моемъ семействѣ».

Божество, имя коего было призвано неус, немедленно наказываетъ провинившагося, каждое своимъ специальнымъ способомъ. Афы, распорившіеся грозой, не можетъ, напримѣръ, наказать чрезъ посредство огнестрѣльнаго и холоднаго оружія находящихся въ вѣдомствѣ Шесину. Въслѣдствіе обычая абхазцевъ, за каждую обиду рассчитываются кинжаломъ или винтовкой, оружіемъ, покровительствуемымъ Шесину, онъ пользуется въ народѣ преимущественнымъ уваженіемъ, и ему большею частью приносятся присяга.

«Если я виноватъ, то пусть Шесину разобьетъ мою голову на наковальнѣ», говоритъ присягающій и ударяетъ

*) Анчибадзе — князья Абхазіи, фамилія весьма многочисленная и, по преданію, упрямѣвшая время до Шерванидзевохъ.

три раза молоткомъ по наковальнѣ. Вѣшаютъ двѣ палки, одну близъ другой, на нихъ вѣшаютъ заряженный ружья, обращая ихъ дулами въ интервалъ, гдѣ становится присутствующій, провознося: «если и свазалъ ложь, то пусть Шеешу пронзить мою голову пулями!».

Громъ, молнія, буря — все это въ заѣдываніи бога Афы. Это самый важный департаментъ абхазскаго неба. Когда лѣтомъ стада утончаютъ въ горы и осенью возвращаются оттуда, пастухи совершаютъ ему торжественное моленіе, выбирая для этого самые живописные уголки лѣсного захолустья, поближе къ ручью или рѣкѣ. При этомъ заваливаются бараны. Въ засуху молятся тому же богу, водятся соборіи, при чемъ самый ветхій старикъ читаетъ очень поэтическую молитву:

— «О, Афы, повелитель грома, молніи и дождя! Сжался надъ бѣднымъ твоимъ народомъ. Навли постья засохли, трава выгорѣла, скотъ издыхаетъ безъ корма, намъ самимъ грозитъ голодная смерть. Повели скатиться дождевымъ тучамъ, повели загрейть грому, засверкать молніи и пошли дожди для спасенія погибающаго народа!»

Затѣмъ поются гимны въ честь Афы: «о ты, который съ молніей съ неба нисходишь и съ громомъ на небо возносишься, которому извѣстно число звѣздъ на небѣ и число песку на днѣ морскомъ» и т. д.

Если молнія убьетъ домашнее животное — сейчасъ же нужно принести жертву Афы, иначе оно посѣтитъ опять стада. Хозяинъ на мѣстѣ, гдѣ было убито оно, строитъ вышку, торжественно съ иніемъ молитвъ возноситъ туда животное и оставляетъ на жертву хищнымъ птицамъ. Афы благодарятъ за посѣщеніе и просятъ его, между прочимъ, чтобы онъ избавилъ семью впередъ отъ своихъ посѣщеній. Затѣмъ убиваютъ быка. Если человека убьетъ молнія — никто не смѣетъ плакать, иначе всѣхъ убьетъ Афы однимъ громовымъ ударомъ. Убитаго кладутъ въ гробъ и ставятъ на вышку.

Еще сильнѣе Афы другой богъ — Аныбелъ-Ныха-Дудрюшичъ. Резиденція его — гора Дудрюшичъ. Поднявшійся туда

ослабнеть. У Аныбса никакой специальности и нет, но он могущественнее всех других боговъ. Мѣстопробываніе его находится вѣдь надворомъ фамиліи Чичба, которые эксплоатируютъ этимъ, продавая право на жертвоприношеніе. Въ Пинундскомъ округѣ часто являются вдохновленные Аныбсѣ-Ныхой женщины-пророчицы. Онѣ разрѣшаютъ споры и тяжбы, повелѣваютъ именемъ Аныбса, пользуются громаднымъ влияніемъ на весь околотаекъ...

Вечерѣло... Западъ гасъ... Въ розовомъ блескѣ сіяла морская даль. Вершины горъ еще блистали тусклымъ отблѣскомъ отгоравшаго дня, а снизу, изъ ущелій и долинъ, уже подымались сѣрые туманы, окутывая скалы и утесы... Высокая лѣсистая гора плавляетъ въ цѣломъ морѣ однообразной мглы... Но, спустя нѣсколько минутъ, и она уже тонетъ въ сумеркахъ быстро подступающей ночи... Гаснетъ море... Взглядъ уже ничего не различаетъ — ни берега, ни безконечной дали на западъ. На пароходѣ зажигаютъ огни... Слышится какая-то грустная нѣслад... То замреть, то снова чуть-чуть затрепетаетъ въ тепломъ мглистомъ воздухѣ...

— Завтра въ Сухуйѣ будемъ. Вотъ утенокъ, увидите благословенный.

— А что?

— Да тутъ бы не жалкой деревушкѣ, а чему-нибудь подучше стоять.

— Да развѣ Сухумъ-Кале деревушка?

— А еще бы. Мало, что названіе города носить, — хуже иного села.

Мы шли очень близко къ берегу. Оттуда вихло какимъ-то тонкимъ ароматомъ...

— Вѣдь, вотъ и хорошій край, а пустыня!

— Цѣлному жить?

— Было бы пошу, коли бы сносно жилось... Жили же прежде! Вонъ близъ рѣки Аны—посмотрите, какія развалины. Есть тамъ генуэзскій замокъ одинъ, до сихъ поръ сохранился, точно живутъ еще въ немъ. Красота, сила, прочность! А теперь что — зачуги жалкія да дереваніице

доминши на дурныхъ пожевахъ. Вы, вонъ, мертвыми по-морьемъ илывали берегъ до Гагръ, гдѣ прежде убыхи да шапсуги жили. Дѣйствительно мертвое поморье — а это развѣ лучше?..

— Ну, все же... Хотя жильё видно, люди есть...

— Какое жильё! Нѣтъ, посмотрите, въ умѣлыхъ рукахъ, что бы это за красота была! Пустите-на сюда американца, — да оцѣ миллионы на этомъ берегу соберетъ, желѣзные дороги построить. Весь берегъ между Новоросійскомъ и Сухумомъ сплошнымъ бы городомъ былъ, потому что самою судьбою предназначенъ для торговли, для жизни... А тутъ еще управленіе прежде было, которое болѣе о затрещивахъ, чѣмъ объ умиротвореніи помышляло... Вы спросите, есть ли здѣсь школы, а если найдутся — то какія? Такъ — дрянно, а народъ-то вѣдь способный, хороший, хотя и лѣнивый. Этому ли народу не учиться?..

Пароходъ начало покачивать, мы ушли въ каюту.

Книжный магазин Л. Л. Сойкина

Сиб., Новосибир., № 10, ул. Наблюдимской.

Немедленно исполняются требования на всё находящееся въ продажѣ книгѣ и учебномъ пособіи.

Требованія исполняются въ наличную или съ наложенными платежами. Малые суммы на сумму рубль можно высылать почтовыми или гербовыми марками.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

У Д А В Ы.

Романы Георгія Бюхера, изъ европейскихъ классической литературы, въ двухъ частяхъ, съ предисл. В. Л. Пеллчко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Выходъ изъ тюрьмы — Въ бергштетт — У сообщницы — Писательская наука — Первый шагъ — Обреченная — Молитва матери — Маллюверра — Грузинка Бабелъ и „русскія соборы“ — Иамаканна — Шертея преступница — Смерть лучшаго повора — Геральдъ сообщница — Дистанция въ атаку — Гастридерер — Бродяжничество — Дуэнья — Гункиной охоты — Урастъ-Викъ — Заключенная женщина — Дара любви — Посвященное свиданіе — Замка чертанака — Галль въ-въ Грета — Ангильский ученый — Странная ночь — Душева — „Убьютъ и выпростятъ“ — Приказка — Похищеніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Вечеринка — Разбойникъ — Вата преступна — На крыше собора — Оляка — Передъ разлукой — У дубовороса — Духанная наука — Огостъ Петра — Параналка — Историкиня — Малю отъелъ и живые мертвечи — „Де тумантъ“ — Комашпроечка — Шалтанъ — Старый пламя — Калатрафа — Не зовутъ когу маеланина — Горчичникъ — Арета — Поджигатели — Мата — Талкованый гость — Подозумка — Костяной ударъ — Смерть — Русинка тучи — Гибелька дѣла мастера — Потресоженное хитрости — Дворскъ — Замка. 360 стр. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЕВРЕЙСКІЙ УМЪ.

Сочиненіе Морисъ Мюра, переводъ съ франц. Е. Отодной (безъ предварительной цензуры).

Общественн: Русское ишлякнѣ. — Израильская рѣка. Поклоненія еврей. — Сипина (1028—1077): Сипина, еврей и Иудейка. Еврейские богословскія сипина. Еврейскія в актъ христианства иже Сипина. — Гедеръ Гедне (1797—1866): Чаша и шашка. Религиозное развитіе Георгія Гедне. Ученый Ксангоде Георгія Гедне. — Государственный деятель еврей. Лордъ Панаофильтъ (1804—1831): Другъ народа. Социологическая теория. Иудейство и социализмъ. Карлъ Маркса (1818—1883): О еврейскомъ преисполн. социализмъ. Иудейскій элементъ въ марксизмъ. — Георгъ Брандль (1842): Брандль и Даміа. Парламентская критика Георгъ Брандль. Съ 1749 до 1848 гг. Неправда въ христианскомъ уму. — Максъ Нордау (1849): Антихристианская социология. Наука противъ религіи. Составленіе еврейской души. Братское общество и заключеніе. XIX—1908 страницъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Дневники А. Дройфусъ.

Переводъ съ франц. С. Миланова. 218 страницъ. Цѣна 1 руб.

Общедоступная философія

въ исполненіи АРНАДІЯ ПРЕОСА.

Влатонъ. — Школы. Республика. Спб. 1909 г. Цѣна 40 к.
Аристотель. — Этика. Политика. Спб. 1900 г. Цѣна 40 к.
Эпикуреизмъ. — Государь. Разсужденія и Тетъ-Лавин. Спб. 1901 г. Цѣна 40 к.
Локъ. — О государственн. Цѣна 40 к.

Гоббсъ. — Левиаганъ. О человѣч. (политологія). О государственн. Цѣна 40 к.
Гроби. — О правѣ войны и мира. Ц. 40 к.
Вентеремъ. — О духѣ законн. Спб. 1901 г. Цѣна 40 к.
Декартъ. — Размышленія о первой философіи. Цѣна 40 к.

„Библиотека Романовъ“

(Приложения на сушь и на морь)

Новый Робинзонъ. Аун-де-Ру-жемонъ. Необыкновенныя приключенія швейцарца, прожитаго 30 лѣтъ среди людей дѣвъ. 380 страницъ, съ 138 рисунками, въ роскоши, колленкоръ, перепл., тисненая красками и золотомъ, 2 руб.

Приключенія Спрано-де-Ворте-ранки. М. Галле, въ 2-хъ томахъ, 376 страницъ, съ 50 рисунками. Т. 1. Ромовой документъ. Т. II. Испытанія сатаны. Цѣна за 2 тома на обыкновен. бум. 75 коп., въ роскоши на колленкоръ, тисненая золотомъ и красками пер., съ золотомъ, бумага 1 руб. 25 коп.

Дѣшовой бредота. Гибриета Ферри, въ 3-хъ томахъ, 800 страницъ, съ 36 рисунками. Т. I. Исчезнула приключенія. — Т. II. Красный паровозъ. — Т. III. Орелъ свѣтлыхъ горъ. Цѣна за 3 тома на обыкновен. бум. 1 р. 25 к., въ роскоши, колленкоръ, тисненая золотомъ и красками пер., на вел. бум. 3 руб. 50 коп.

Желѣзный Царь. Ром. Манкс Пембертона, съ 12 рис., 216 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, колленкоръ, тисненая золотомъ и красками, на вел. бум. 1 руб.

Порція волки. Романъ Манкс Пембертона, съ 9 рис., 144 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, тисненая золотомъ и красками пер., на вел. бум. 1 руб.

Жанъ-Бари Набукулеъ. Романъ Жюль Верна, съ 9 рис., 168 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, пер., тисненая золотомъ и красками, на переплетенной бумагѣ 1 руб.

Юный дикарь. Ром. Кэпитана Маррета, съ 6 рисунками, 221 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, тисненая золотомъ и красками переплетъ, на вел. бум. 1 руб.

Приключенія собачки Романа Канитана Маррета, съ 6 рис., 234 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, тисненая золотомъ и красками пер., на вел. бум. 1 р.

Королевская Собственность. Ром. Канитана Маррета, съ 6 рис., 207 страницъ. Цѣна 50 коп. Въ роскоши, переплетъ, тисненая золотомъ и красками, на вел. бум. 1 руб.

Подъ колесами ослана. Романъ Жюль Верна. Названіе 2-го, 244 страницъ, съ 24 рис. Цѣна 1 руб., въ переплетѣ 1 р. 25 коп.

Путешествіе на кораблѣ Вигль. Пажети, гессіри, ушло Уарлана Дарсона. Переводъ съ англійскаго д-ра К. В. Лорона, 176 страницъ, съ 78 рисунками. Цѣна 1 руб., въ колленкорѣ переплетъ, тисненая красками, 1 р. 50 коп.

Докторъ Безымянный. Ромъ Пале Ш'Мера въ перек. А. А. Дювенска. Съ 116 рис., 440 стр. Ц. 2 р. съ колленкоръ перепл., тисненая краск. и золотомъ 2 р. 50 к.

Отъ Оксфорда къ Онеану. Поперекъ Чернаго материка. Вулетъ илора Серна Пейсто черезъ Африку. Въ роскоши путешествіи, романъ А. Н. Красницкій, 240 страницъ, съ 40 рис., въ роскоши, колленкоръ, перепл., вел. краск. и золот., 1 руб. 50 коп.

Въ неизданныхъ мірахъ. Необ. прил. русскаго учен. Астрон. нах. въ 2-хъ том. Очичи. Де-фера и Графиню, съ предисловіемъ Камиллы Фламандіона. Перек. В. Селекова. Томъ 2-й. Самый томъ малочисл. до 400 стр., текстомъ до 150 рис. въ худш. изд. П. П. Караминскаго обл. Т. I. Путешествіе на луку. Т. II. Вокругъ солнца. Каждый томъ предс. на вел. бум. перек. ром. Ц. каждый томъ 2 р. 50 к.

Библиотека Романовъ

(Примечанія на сушь и на морь)

Востокъ и Западъ. Романъ Жюль Верна. 2 т. 12 рис., 156 стр.

Цѣна на обш. бум. 75 коп. Въ роскошномъ изданіи на золотомъ и красномъ переплетѣ бум. 75 коп.

Востокъ и Западъ. Романъ Р. Фитингофа. 6 рис., 170 стр.

Цѣна на обш. бум. 1 руб. Въ роскошномъ изданіи на золотомъ и красномъ переплетѣ бум. 1 руб.

Востокъ и Западъ. Романъ Э. Жюль Верна. 4 рис., 158 стр.

Цѣна на обш. бум. 75 коп. Въ роскошномъ изданіи на золотомъ и красномъ переплетѣ, на желтоватой бум. 1 руб.

Потерянный кружево. Романъ Р. Фитингофа и Осборна. 254 стр.

Ц. 50 н. Въ роскошномъ, тисненномъ золотомъ и красномъ переплетѣ, на желтоватой бум. 1 руб.

Поліонъ, вождь Оттавоэ. Романъ Э. Жюль Верна. 8 рис., 142 стр.

Цѣна 50 коп. Въ роскошномъ, тисненномъ золотомъ и красномъ переплетѣ, на желтоватой бум. 1 руб.

Искатели научна. (Приключенія въ Бразиліи). Романъ Э. Жюль Верна. 4 рисунка., 164 страницы.

Ц. 50 коп. Въ роскошномъ, тисненномъ золотомъ и красномъ переплетѣ, на желтоватой бум. 1 руб.

Лединой адъ. Романъ Л. Брестера. Въ 3-хъ част. (208 стр.), съ 12 рис. Цѣна на обш. бум. 50 н.

Въ желтоватомъ переплетѣ, тиснен. золот. и красн., на желтоватой бум. 75 коп.

Итерал родина. Новый романъ Жюль Верна (272 стр.), съ 18 рис. Цѣна на обш. бум. 75 коп.

Въ желтоватомъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ и красномъ, на желтоватой бум. 1 руб.

Стальной городъ. Романъ А. Бродяга. 247 стр. Цѣна 75 коп., съ переплетѣ 1 руб.

Лугамо разбойника. Романъ Фр. Герингаскера, въ 2-хъ част., 320 стр. Ч. 1. Подъ ливною рѣкой. Ч. 2. Замокъ Линча. Цѣна на обш. части на обш. бум. 75 коп.

Въ желтоватомъ перепл., тисненномъ золотомъ и красномъ, на желтоватой бум. 1 руб. 25 коп.

Африканскій кошачій чулокъ. К. Фалькенбергера, въ 3-хъ томахъ, 552 стр., съ рис. Т. 1. Мѣноное сердце. — Т. 2. Танганьикскій лесъ. — Т. 3. Корсаръ пустыни.

Цѣна на 3 тома на обш. желтоватой бум. 1 руб. 25 коп., съ роскош. коленк., тиснен. красн. и золотомъ перепл., на желтоватой бум. 2 руб.

Копи царя Соломона. Романъ Р. Хиндора. 192 стр., съ рис. Цѣна на обш. желтоватой бум. 50 н.

Въ жел. пер., тисненномъ золот. и красномъ, на жел. бум. 75 коп.

По чунингъ волниа. Первое существованіе русскихъ вокругъ свѣта. Повесть А. И. Кривошанина, 248 стр., съ 20 рис. Цѣна на желтоватомъ пер., тиснен. золот. и красн., на желтоватой бум. 1 р. 50 коп.

Христофоръ Колумбъ. Историческій романъ изъ эпохи открытія Америки. Космопол Шрекмана, въ 2-хъ частяхъ. 350 стр. Цѣна 2 руб., съ переплетѣ 2 р. 50 н.

Сокровища Перу. Романъ К. Барнсгофера, въ 2-хъ частяхъ, 348 стр., съ 17 рис. Ч. 1. Снѣганіи молодого бѣглеца. Ч. 2. Черезъ дѣбри и пустыни. Ц. на обш. части на обш. бум. 1 р.

Въ роскош. коленк. перепл., тиснен. золот. и красн., на желтоватой бум. 1 руб. 50 коп.

- Тихія пѣсни.** Стихотворенія. Дл. П. Лебедев. 215 страниц. II. 1 р.
- Бѣглець.** Романъ изъ исторической жизни С. С. Успенскаго. 140 страницъ съ 40 рисунками художника А. А. Чудинова. II. 1 р. 50 к., съ черепашкой 2 р.
- Для декламаций.** Сборникъ историческихъ стихотвореній. Составляетъ часть другаго подобнаго художественнаго чтенія и музыки изъ Слѣ. С. И. Жилина при содѣйствіи артистовъ Императорскихъ театровъ: П. А. Герасимовъ, И. П. Галактионъ, Ю. З. Самаринскаго, Н. И. Цыганова, М. И. Памарова, а также гг. А. А. Паларина, В. В. Чахова и другихъ. 360 стр. II. 2 р. 50 к., съ черепашкой 3 руб.
- Гр. В. А. Перовскій** и его женія покаяніе въ Лхму въ 2-хъ част. И. И. Златошуринъ (Джушка). 215 страницъ съ 2-ми портретами и факсимиле гр. В. А. Перовскаго. II. 1 р. 50 к.
- Лхма.** Историческая повесть въ Лхму графа Перовскаго въ 1848 г. Переводъ изъ французскаго на Лхму въ 1848 г. Составляетъ продолженіе степеннаго И. И. Златошуринъ (Джушка). 200 страницъ. II. 50 к.
- Люди темныя.** Очеркъ о русскомъ извѣстномъ бѣгѣ. И. И. Златошуринъ (Джушка). 100 страницъ. II. 1 р.
- Сорокъ пѣснь изъ жизни народа.** Одноактные драмы, концерты и шутки. 112 страницъ съ рисунками художника А. Антона. Цѣна 2 руб.
- Драмы, комедіи, водевилы и фесеріа.** 1) Шутъ Балвановъ. Историческая драма въ 4 дѣйствіяхъ. 2) Губернаторъ Бугаевъ. Историческая драма въ 4 дѣйствіяхъ. 3) Уголовное дѣло „Убийство на вывѣсткѣ“. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. 4) Гроза въ чужбѣ. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. 5) Дѣнь сумасшедшаго. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. 6) Домашній воръ. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. 7) Иванъ Грозовъ (Варлаамъ). Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. 8) Саломѣя улична. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. 9) Подаръ арестованному. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. 10) Маманъ трюма. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. 11) Какъ жила въ лѣтѣ. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. 12) Чертъ чертъ дѣлать. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. 13) Кавказская Каринка съ натурою въ 1-мъ дѣйствіи. 14) Бранителъ зорь. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. 15) Путанова. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. 16) Тысяча рублей. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. 17) Женить въ арестанскомъ возокѣ. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. 18) Завладѣнный вѣтъкъ. Народная фесерія въ 7 картинкахъ. 400 страницъ. Цѣна 1 руб.
- На родной землѣ.** Повѣсти и рассказы изъ народнаго быта. — 1) Метель. — 2) До гонимого конца. — 3) Срежиданъ ночь. — 4) Ночь послѣ Березинской битвы. — 5) Сидятъ. — 6) Песни. — 7) На рѣкѣ. — 8) Тренингъ на большой дорослѣ. — 9) Деревенская свадьба. — 10) Угнетенный. — 11) Рабочья пора. — 12) Ночь огнемъ. — 13) Сиротская вѣдьма. — 14) Рыбное сердце. — 15) Чужая жена. — 16) Рыбасы. — 17) Демской. — 18) Калачи паша. — 19) Варшва. — 20) Обороня. 410 страницъ съ 20 рисунками. Цѣна 75 коп.
- Посѣдніе дни Іерусалима.** Историческая повесть. И. И. Златошуринъ (Джушка). 120 страницъ. Цѣна 75 коп.
- Царскій духовникъ.** Историческая повесть изъ времени Іоанна Грозовскаго. Дл. П. Лебедев. 202 страницъ. Цѣна 50 к.
- Великій страдалецъ.** Историческая повесть изъ жизни патриарха Гермогена. Дл. П. Лебедев. 180 страницъ. II. 50 к. На фонѣ глубокаго интереснаго времени плахитическаго полка въ Москвѣ и провозглашеніи еретики отъ въ окрестности вѣдѣннотъ мѣлка дѣтнотъ вѣдѣннаго страдалца, патриарха Гермогена.
- За святую обитель.** Историческая повесть изъ эпохи смутнаго времени на Русь. Дл. П. Лебедев. 240 страницъ. Цѣна 50 к.
- Дюмонтовъ мечъ.** Историческая повесть. Дл. П. Лебедев. 156 страницъ. II. 25 к.
- Сквозь мракъ къ свѣту,** или въ разсвѣтъ христіанства. Повесть изъ жизни Нерокопскаго гонимца на христіанствѣ. С. Фурора, въ изданіи Ф. Волына. 105 страницъ. изд. 2-е. Цѣна 25 коп.
- Пути провидѣнія.** Повесть изъ времени Константина Великаго. Переводъ съ англійскаго. 120 страницъ. Цѣна 25 к.
- Въ дали вѣковъ.** Историческая повесть въ 2-хъ частяхъ. А. И. Златошуринъ (Джушка). 120 страницъ. Цѣна 10 к.
- Святитель Алексій.** Историческая повесть. П. А. Россина. 120 страницъ. II. 25 к.
- Патриархъ Никонъ.** Историческая повесть въ 2-хъ томахъ. М. А. Фединъ. 112 страницъ. Цѣна за 2 тома 1 р. 20 к.

Сочиненія Вас. Ив. Жемировича-Данченко.

ПЕЧАТАЮТЪ И ПРОДУЖИВЪЮТЪ ИЗДАНИЕ.

- Иду за насъ. 473 стр. II. 1 р.
- Два дровника. Изъ 2-го част. 428 страниц. Цѣна I р. 60 к.
- Облагодѣшное злѣство. 456 стр. Цѣна I р. 50 к.
- Залетный вичитъ. 256 стр. Цѣна I р. 60 к.
- Губинова брѣвна. 2-я изд. 276 страниц. Цѣна I р. 60 к.
- Сластолюбиво измѣненіе. 4-я изданіе. 420 стр. Цѣна I р. 50 к.
- Иногда румянцы. 2-я изд. 352 страниц. Цѣна I р. 95 к.
- Жертва покаянія. 2-я изд. 272 страниц. Цѣна I р. 60 к.
- Святые разсказы. 2-я изд. 416 стр. II. I р. 50 к.
- Новъ и Старъ. 2-я изд. 394 страниц. Цѣна I р. 50 к.
- Веселій старикъ. 2-я изд. 264 страниц. Цѣна I р.
- По звяну. 2-я изд. 352 стр. Цѣна I р. 35 к.
- Плени и Шина. Изъ 2-го част. 4-я изд. 572 стр. II. 2 р. 50 к.

- Ущиванъ. Шина на крайномъ островѣ. Изъ 2-го част. 5-я изд. Цѣна изъ 2 тома 706 стр. 2 р. 50 к.
- Гадъ войны. 2-я изд. Изъ 3-го том. 1140 страниц. II. 4 р. 50 к.
- Подивольные странники. 2-я изданіе. 280 стр. II. I р.
- Страна холода. Изъ 2-го том. 500 стр. II. 3 р.
- Голоса жизни. 2-я изд. 416 стр. II. I р. 50 к.
- О жизни и дѣятельности. 2-я изд. 416 стр. II. I р. 50 к.
- Великая рѣка (Картинъ изъ жизни и природы на Волгѣ). 138 стр. Цѣна 50 к.
- Углубого моря (Жизнь и природа въ Арктикѣ на Волгѣ). 158 стр. Цѣна 50 к.
- Путь герцугинъ солдата (Рассказы и Повѣсти). 224 стр. II. 50 к.
- Сибирякъ. 368 стр. II. I р. 50 к.
- Волотные вѣги. Изъ 2-го част. 384 стр. II. I р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТЪ И ПРОДУЖИВЪЮТЪ ИЗДАНИЕ.

- Буйны-амыры. 2-я изд.
- На вѣтру. 2-я изд.
- Маленькое счастье негодяя.
- На барбахъ гдѣбахъ.
- Родина глушь.
- Полкъ съкъ 2-го изд. Изъ 2-го част.
- Стороженье огня.
- Старыя боги.
- Наши юностиры. 2-я изд.
- Воспрещеніе быдемъ.

- Впередъ.
- Старыя письма. 2-я изд.
- Кузнецъ. 2-я изд.
- Очеркъ Великія. 2-я изд.
- Простѣтъ. Рассказы. Изъ 2-го том.
- Книги и Уралъ. Очеркъ и соборныя. 2-я изд.
- Забывая ирѣности. Изъ 2-го том. 2-я изд. 3-я изд. 4-я изд. 5-я изд. 6-я изд. 7-я изд. 8-я изд. 9-я изд. 10-я изд. 11-я изд. 12-я изд. 13-я изд. 14-я изд. 15-я изд. 16-я изд. 17-я изд. 18-я изд. 19-я изд. 20-я изд. 21-я изд. 22-я изд. 23-я изд. 24-я изд. 25-я изд. 26-я изд. 27-я изд. 28-я изд. 29-я изд. 30-я изд. 31-я изд. 32-я изд. 33-я изд. 34-я изд. 35-я изд. 36-я изд. 37-я изд. 38-я изд. 39-я изд. 40-я изд. 41-я изд. 42-я изд. 43-я изд. 44-я изд. 45-я изд. 46-я изд. 47-я изд. 48-я изд. 49-я изд. 50-я изд. 51-я изд. 52-я изд. 53-я изд. 54-я изд. 55-я изд. 56-я изд. 57-я изд. 58-я изд. 59-я изд. 60-я изд. 61-я изд. 62-я изд. 63-я изд. 64-я изд. 65-я изд. 66-я изд. 67-я изд. 68-я изд. 69-я изд. 70-я изд. 71-я изд. 72-я изд. 73-я изд. 74-я изд. 75-я изд. 76-я изд. 77-я изд. 78-я изд. 79-я изд. 80-я изд. 81-я изд. 82-я изд. 83-я изд. 84-я изд. 85-я изд. 86-я изд. 87-я изд. 88-я изд. 89-я изд. 90-я изд. 91-я изд. 92-я изд. 93-я изд. 94-я изд. 95-я изд. 96-я изд. 97-я изд. 98-я изд. 99-я изд. 100-я изд.

Сочиненія Ж. Ж. Каразина.

ПЕЧАТАЮТЪ И ПРОДУЖИВЪЮТЪ ИЗДАНИЕ.

- Съ сѣвера на югъ. Романъ.
- Въ порохеннѣтъ дыку. Романъ.
- Погоня за палкоюй. Романъ.

- На далекихъ широтахъ. Романъ.
- Варягу Давидо и онъ собою.
- Вашѣти и власнамы.

Издательство П. П. Союзкина. Въ Спб. Морской, № 96. Цѣна 1 р. 50 к. за все.

191

T

2007086408